

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ

ВЕСТНИК УЧЁНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ

IR SCIENTISTS' HERALD

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
научно-аналитического журнала
«ВЕСТНИК УЧЁНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ»
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА

Карпович Олег Геннадьевич, доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор, проректор по научной работе, директор Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России

ЧЛЕНЫ СОВЕТА

Аникин Владимир Иванович, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник Центра мировой экономики Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России

Бажанов Евгений Петрович, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Бразил Дейлтон Рибейро, доктор философии в области права (университет UNIME, Италия), кандидат юридических наук (Университет Гама Филью (UGF), Рио-де-Жанейро, Бразилия), доктор юридических наук (Университет Итауна (UIT); юридический факультет Святого Августина (FASASETE-AFYA), Бразилия)

Винокуров Владимир Иванович, доктор исторических наук, профессор кафедры дипломатии и консульской службы Дипломатической академии МИД России

Грибанич Владимир Михайлович, доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики Дипломатической академии МИД России

Данельян Андрей Андреевич, доктор юридических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой международного права Дипломатической академии МИД России

Егоров Сергей Алексеевич, доктор юридических наук, профессор кафедры международного права Дипломатической академии МИД России

Закаурцева Татьяна Алексеевна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра евразийских исследований Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России

Зверева Татьяна Вадимовна, доктор политических наук, заведующая Центром евроатлантических исследований и международной безопасности Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России

Иванов Олег Петрович, доктор политических наук, профессор Дипломатической академии МИД России

Каширина Татьяна Владиславовна, доктор исторических наук, профессор Дипломатической академии МИД России

Летяев Валерий Алексеевич, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор Казанского федерального университета

Манойло Андрей Викторович, доктор политических наук, профессор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Ногмова Аделина Шафиковна, кандидат политических наук, доцент, декан факультета подготовки кадров высшей квалификации

Неймарк Марк Афроимович, доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России

Суглобов Александр Евгеньевич, доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист РФ

Толмачев Петр Иванович, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой мировой экономики Дипломатической академии МИД России

Трунцевский Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Феофанов Константин Анатольевич, доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД России

Ширинянц Александр Андреевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Штоль Владимир Владимирович, доктор политических наук, профессор, главный редактор научно-аналитического журнала «Обозреватель-Observer», член научного совета при Совете безопасности Российской Федерации

Шулепов Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист России, член научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации

Шутов Анатолий Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, советник ректора Дипломатической академии МИД России

EDITORIAL COUNCIL
Scientific and Analytical Journal
“IR SCIENTISTS’ HERALD”

CHAIRMAN OF THE BOARD

Oleg Karpovich, Doctor of Sciences (Law, Political Sciences), Professor, Vice-Rector for Research of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Director of the Institute for Contemporary International Studies (ICIS) of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

MEMBERS OF THE BOARD

Alexander Shirinyants, Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Head of the Department of the History of Social and Political Studies at the Faculty of Political Science at the Lomonosov Moscow State University

Alexander Suglobov, Honored Economist of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Economics), Professor

Anatoly Shutov, Doctor of Sciences (History), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Advisor to the Rector of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Andrey Danelyan, Doctor of Sciences (Law), Professor, Vice-Rector for Education, Head of the Department of International Law of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Andrey Manoylo, Doctor of Sciences (Political Science), Professor of Lomonosov Moscow State University.

Adelina Nogmova, Ph.D. (Political Science), Associate Professor, Dean of the Faculty of Highly Qualified Personnel Training Candidate of Political Sciences

Deilton Ribeiro Brasil, Post Ph.D. in Law from UNIME, Italy. Ph.D. in Law by University Gama Filho (UGF), Rio de Janeiro. Law Scholar in Masters and Doctorate degrees in Fundamental Rights at University of Itaúna (UIT) and at the Faculties of Law Saint Augustine (FASASETE-AFYA), Brazil, South America

Evgeniy Bazhanov, Doctor of Sciences (History), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation

Konstantin Feofanov, Doctor of Sciences (Political Science), Vice Chair of the Department of International Relations of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Mark Neimark, Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of Political Science and Political Philosophy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Nikolay Shulepov, Honored Lawyer of Russia, Doctor of Sciences (Law), Professor, Member of the Scientific Advisory Council at the Supreme Court of the Russian Federation

Oleg Ivanov, Doctor of Sciences (Political Science), Professor

Petr Tolmachev, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Head of the Department of World Economy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Sergey Egorov, Doctor of Sciences (Law), Professor of the Department of International Law of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Tatyana Kashirina, Doctor of Sciences (History), Professor

Tatyana Zakaurtseva, Doctor of Sciences (History), Professor, Chief Researcher of the Center of Eurasian Studies of the Institute for Contemporary International Studies (ICIS) of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Tatyana Zvereva, Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Center for Euro-Atlantic Studies and International Security of the Institute For Contemporary International Studies (ICIS) of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Valeriy Letyaev, Doctor of Sciences (Law), Ph.D. (History), Professor of the Kazan Federal University

Vladimir Anikin, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Economics), Chief Researcher of the Center for World Economy of the Institute for Contemporary International Studies (ICIS) of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Vladimir Gribanich, Doctor of Sciences (Economics), Professor of the Department of the World Economy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Vladimir Shtol, Doctor of Sciences (Political Science), Editor-in-Chief of the Scientific and Analytical Journal «Observer», Member of the Scientific Council at the Security Council of the Russian Federation

Vladimir Vinokurov, Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of Diplomacy and Consular Service of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Yuri Truntsevsky, Doctor of Sciences (Law), Professor, Leading Researcher of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

ВЕСТНИК УЧЕНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ

Научный периодический электронный журнал «Вестник учёных-международников» издаётся Советом молодых ученых Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации с 2017 г. Публикуется ежеквартально. Журнал рассчитан на профессиональных исследователей, аналитиков, практиков в области международных отношений, мировой экономики и международного права, а также на широкий круг читателей, интересующихся российской и зарубежной внешней политикой.

«Вестник ученых-международников» включен в РИНЦ и перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (Перечень ВАК):

5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки),

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки),

5.5.4. Международные отношения (политические науки).

Изданию присвоен номер **ISSN: 2687-0193**

Периодичность: выходит 4 раза в год и распространяется в Российской Федерации.

Научный руководитель

О.Г. Карпович, д. полит.н., д. юр.н.

Редакционная коллегия журнала

Р.Н. Шангараев – главный редактор, к.э.н.

О.А. Тимакова – заместитель главного редактора, к.полит.н.

И.О. Анисимов – редактор, к.юр.н., ученый секретарь

В.Б. Козюлин – научный редактор, к.полит.н.

Л.Н. Сидорова – научный редактор, к.полит.н.

Н.С. Белякова – редактор, к.полит.н.

А.А. Кашина – редактор, к.полит.н.

Д.О. Мартынова – редактор, к.полит.н.

Е.Е. Гуляева – редактор, к.юр.н, редактор журнала *Скопус* (Бразилия)

Н.А. Фаустова – редактор, к.филол.н.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), регистрационный номер ЭЛ № ФС 77 – 77083 от 20.11.2019 (Предыдущее название: «Вестник молодых учёных-международников», ЭЛ № ФС 77-69319 от 06.04.2017 г.).

Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала и авторам статей. Позиция редакции не обязательно совпадает с мнением авторов. Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна. Редакция журнала не несёт ответственности за высказанные авторами публикаций точки зрения на происходящие в России и в мире политические процессы, события, явления.

Адрес электронной почты: vestnik-smu-da@yandex.ru

IR SCIENTISTS' HERALD

The scientific periodical electronic journal IR SCIENTISTS' HERALD is published quarterly. The magazine is designed for professional researchers, analysts, practitioners in the field of international relations, world economy, international law, and a wide range of readers interested in Russian and foreign policy.

IR SCIENTISTS' HERALD is included in the list of peer-reviewed scientific publications in which the main results of dissertations for the degree of Ph.D., for the degree of Doctor of Science should be published:

5.1.5. International legal sciences

5.5.2. Political institutions, processes, technologies

5.5.4. International relationships

ISSN: 2687-0193

Periodicity: published 4 times a year (quarterly) and distributed in the Russian Federation.

Scientific adviser

Professor O.G. Karpovich, Doctor of Sciences (Political Science), Doctor of Sciences (Law)

Editorial Board of the Journal

R.N. Shangaraev – Editor in Chief, Ph.D. (Economics)

O.A. Timakova – Deputy Editor in Chief, Ph.D. (Political Science)

I.O. Anisimov – Editor, Ph.D. (Law), Executive Secretary

V.B. Kozulin – Scientific Editor, Ph.D. (Political Science)

L.N. Sidorova – Scientific Editor, Ph.D. (Political Science)

N.S. Belyakova – Editor, Ph.D. (Political Science)

A.A. Kashina – Editor, Ph.D. (Political Science)

D.O. Martynova – Editor, Ph.D. (Political Science)

E.E. Gulyaeva – Editor, Ph.D. (Law), Scopus (Brasil)

N.A. Faustova – Editor, Ph.D. (Philological Science)

The publication is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor), registration number of **EL№FS 77 – 77083, November 20, 2019** (Old name: IR Young Scientists' Herald EL No. FS 77-69319, April 6, 2017).

Copyrights to the published materials belong to the editorial staff of the magazine and the authors of the articles. The editorial position does not necessarily coincide with the opinion of the authors. Reprinting of materials without permission of the editorial board is prohibited. Reference while using materials is obligatory. The editorial board of the journal is not responsible for the opinions expressed by the authors of the publications on the political processes, events and phenomena occurring in Russia and in the world.

E-mail address: vestnik-smu-da@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Вершинина Т.В., Карнович О.Г., Ногмова А.Ш.* 12
Проблемы кибербезопасности в эпоху COVID-19
- Синчук Ю.В.* Деятельность стран БРИКС в энергетической политике 28
- Козюлин В.Б.* К дискуссии о международном регулировании 45
смертоносных автономных систем
- Шангараев Р.Н., Кашина А.А.* Судан как геополитический союзник 57
России в Африке
- Тузин А.М.* Подход США к контролю над обычными вооруженными 72
силами в Европе на современном этапе
- Феофанов К.А., Зуева П.Н.* Брекзит: предпосылки, последствия для ЕС 81
- Рекец М.О.* Дания и арктические амбиции Китая 90

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ

- Нежданов В.Л.* «Идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской 108
спецификой новой эпохи»: механизм реформирования
международного порядка и развития КНР
- Рябинина О.К.* Формирование полиэтничности современной 125
Финляндии

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

- Анисимов И.О., Гуляева Е.Е., Дадашов М.Н.* Становление и развитие 142
международно-правовой защиты культурных ценностей
- Daniel Dela Coleta Eisaqui, Deilton Ribeiro Brasil* Beyond the special 159
assessment tax: the role of taxation in risk management and environmental
disaster prevention in light of the economic analysis of law
- Pablo Rafael Banchio* The European Union's double standard in receiving 188
refugees and migrants

<i>Гуляева Е.Е.</i> Правовое регулирование выдачи патентов на проведение геномных исследований на территории государств-членов ЕС	216
<i>Горелик И.Б.</i> Сдерживание киберпреступности: международно-правовой аспект	223

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

<i>Агуреев С.А., Болтаевский А.А., Шангараев Р.Н.</i> Территориальные конфликты на африканском континенте на современном этапе: специфика и особенности урегулирования	237
<i>Поспелов Н.В.</i> Российско-турецкое дипломатическое взаимодействие по сохранению суверенитета и территориальной целостности Сирии	249
<i>Платонов А.П.</i> Особенности становления внешней политики Соединенных Штатов Америки	263

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Гулузаде Я.А.</i> Анализ современного состояния внешнеторговых отношений Азербайджанской Республики	280
<i>Платонов А.П.</i> Экономико-политические аспекты внешней политики Республики Беларусь	299

ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

<i>Сугоняев П.М.</i> Моделирование внешнеполитической концепции ФРГ по результатам выборов в бундестаг 2021	313
<i>Дресвянин Д.В.</i> Образ страны в «контексте» пандемии	331

<i>К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ</i>	342
---------------------------	-----

INTERNATIONAL RELATIONS

- Tamara V. Vershinina, Oleg G. Karpovich, Adelina Sh. Nogmova** Cyber Security Challenges in the Age of COVID-19 12
- Yuri V. Sinchuk** Activities of the BRICS Countries in Energy Policy 28
- Vadim B. Kozyulin** Toward Discussion on International Regulation of Lethal Autonomous Systems 45
- Ruslan N. Shangaraev, Anna A. Kashina** Sudan as Russian Geopolitical Ally in Africa 57
- Anton M. Tuzin** U.S. Approach to Control over Conventional Armed Forces in Europe at the Present Stage 72
- Konstantin A. Feofanov, Polina N. Zueva** Brexit: Prerequisties, Impact on EU 81
- Marina O. Rekets** Denmark and China's Arctic Ambitions 90

POLITICAL INSTITUTES, PROCESSES, TECHNOLOGIES

- Vladimir L. Nezhdanov** «Xi Jinping Thought on Socialism with Chinese Characteristics for a New Era»: Mechanism of Reforming the World Order and the PRC Development 108
- Olga K. Ryabinina** Formation of Poly-Ethnic Composition of the Population of Modern Finland 125

INTERNATIONAL LAW

- Igor O. Anisimov, Elena E. Gulyaeva, Dadashov Musannif Nazir oglu** The Formation and Development of the International Legal Protection of Cultural Property 142
- Daniel Dela Coleta Eisaqui, Deilton Ribeiro Brasil** Beyond the Special Assessment Tax: the Role of Taxation in Risk Management and Environmental Disaster Prevention in Light of the Economic Analysis of Law 159

Pablo Rafael Banchio The European Union's double standard in receiving refugees and migrants	188
Elena Y. Gulyaeva Legal Regulation of the Grant of Patents for Carrying out Genomic Research in the Territory of the EU Member States	216
Ilya B. Gorelik Deterrence of Cybercrime: International Legal Aspect	223

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS AND FOREIGN POLICY

Stanislav A. Agureev, Andrey A. Boltaevkiy, Ruslan N. Shangaraev Territorial Conflicts on the African Continent at the Present Stage: Specifics and Features of Settlement	237
Nikita V. Pospelov Russian-Turkish Diplomatic Cooperation to Preserve the Sovereignty and Territorial Integrity of Syria	249
Anton P. Platonov Features of the Formation of the Foreign Policy of the United States of America	263

INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

Guluzade Yasamen Alovzat kyzy Analysis of the Current State of Foreign Trade Relations of the Republic of Azerbaijan	280
Anton P. Platonov Economic and Political Aspects of the Foreign Policy of the Republic of Belarus	299

YOUNG SCIENTISTS TRIBUNE

Pavel M. Sugonyaev Modeling of German Foreign Policy Conception on a Basis of Parliamentary Elections of 2021	313
Daniil V. Dresvyanin The National Image in the "Context" of the Pandemic	331

NOTICE TO THE AUTHORS	342
------------------------------	------------

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Вершинина Тамара Владимировна,
заместитель декана факультета мировой экономики
Дипломатической академии МИД России.
E-mail: t.vershinina@dipacademy.ru

Карпович Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор, проректор по
научной работе, директор Института актуальных международных проблем
Дипломатической академии МИД России.
E-mail: iamp@dipacademy.ru

Ногмова Аделина Шафиковна,
кандидат политических наук, декан факультета подготовки кадров высшей
квалификации Дипломатической академии МИД России.
E-mail: adelinamid@mail.ru

Tamara V. Vershinina,
Deputy Dean of the Faculty of World Economy
of Diplomatic Academy of Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.
E-mail: t.vershinina@dipacademy.ru

Oleg G. Karpovich,
Doctor of Sciences (Law), Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Vice-
Rector for Research, Director of the Institute of Contemporary International Studies
of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian
Federation.
E-mail: iamp@dipacademy.ru

Adelina Sh. Nogmova,
Ph.D. (Political Science), Dean of the Faculty of Highly Qualified Personnel Training
of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian
Federation.
E-mail: adelinamid@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ В ЭПОХУ COVID-19

CYBER SECURITY CHALLENGES IN THE AGE OF COVID-19

Аннотация. Несмотря на то что история использования кибератак в целях вымогательства насчитывает не один десяток лет, специалисты сходятся во

мнении, что никогда прежде такого рода преступления не наносили значительного ущерба критически важным отраслям промышленности.

Abstract. Despite the fact that the history of the use of cyber-attacks for extortion has more than a dozen years, experts agree in the belief that never before has this type of crime caused enormous damage to critical industries.

Ключевые слова: кибербезопасность, США, COVID-19, информационные атаки, кибернетическая защита, хакеры.

Keywords: Cyber security, USA, COVID-19, information attacks, cyber defense, hackers.

Проблема кибербезопасности в эпоху COVID-19 стала повседневной реальностью современного общества [1]. Так, в мае 2021 г. в результате вымогательских атак была временно выведена из строя стратегически важная система трубопроводов компании Colonial Pipeline, поставляющей автомобильное и авиационное топливо из Техаса на Восточное побережье США [2]. В том же месяце из-за действий хакеров была приостановлена деятельность американских филиалов бразильской компании JBS SA – крупнейшего в мире производителя мясной продукции [3]. Эти две акции кибервзломщиков наглядно продемонстрировали уязвимость ключевых отраслей экономики США перед вредоносными программами, внедренными в корпоративные компьютерные сети с расстояния в несколько тысяч километров. Следующие кибератаки могут стать еще более разрушительными, поскольку почти все критически важные объекты жизнеобеспечения страны, поставок электроэнергии, газа и воды, подключены к Всемирной сети.

Как отмечает глава технического отдела израильского разработчика программных и аппаратных средств компьютерной безопасности Check Point Software Technologies Марк Островски, только с начала апреля 2021 г. в среднем около 1 тыс. различных организаций еженедельно становятся жертвами вымогательских атак. Это почти в два раза превышает показатели 2020 года. Возможно, их число еще больше, поскольку пострадавшие от подобных

преступлений не обязаны информировать об этом правоохранные органы. Конечно, существуют доступные средства защиты от хакеров, блокирующих критически важные данные на компьютерах и требующих затем выкуп за восстановление работы устройств, однако их использование идет вразрез с человеческими привычками.

По оценке старшего советника по кибербезопасности британского производителя средств сетевой защиты Sophos Group Джона Шайера, люди обычно забывают использовать специальные файлы – «патчи» для внесения исправлений и последних изменений в действующее программное обеспечение. Поэтому хакерам удастся спровоцировать их с помощью различных уловок на активацию вредоносных вирусов. В результате одной ошибки такого рода может быть выведена из строя вся корпоративная сеть фирмы. Как подчеркивает Дж. Шайер, если персонал не соблюдает установленные нормы и правила обеспечения киберзащиты, то его просто невозможно принудить к этому. В таком случае любые технологические решения бессильны.

Возможный успех в борьбе с вымогательскими преступными группировками Дж. Шайер видит в создании Вашингтоном комплексной системы юридических, технических и даже дипломатических средств, подчиненных задаче искоренения этого криминального явления. Он считает перспективным совместное использование технологических и законодательных факторов для оказания противодействия хакерам. С такой позицией полностью согласен бывший заместитель помощника генерального прокурора США Келлен Дуайер, указывающий на то, что Вашингтону следует проводить более жесткую политику в отношении кибервзломщиков. По его мнению, даже сетевые преступники из таких государств, как Россия, где их не преследуют за хакерские атаки против иностранных объектов, могут быть арестованы американскими правоохранными в случае выезда за рубеж. Он также полагает необходимым вводить строгие экономические санкции США в отношении стран, оказывающих покровительство исполнителям

вымогательских атак. Кроме того, К. Дуайер считает целесообразным юридически обязать американские компании информировать федеральные власти обо всех акциях кибервзломщиков, что обеспечит более надежное и точное отслеживание их преступных действий и исходящих от них угроз. По его словам, в отсутствие закона, предписывающего пострадавшим от хакерских атак фирмам сообщить о них в правоохранительные органы, возникает проблема установления фактов подобных преступлений и их дальнейшего расследования. Необходимо также информировать власти о выплатах сетевым вымогателям соответствующего выкупа.

Высказываются также мнения о целесообразности принятия федерального закона, запрещающего любые сделки с кибервзломщиками. Подобную позицию не разделяет Джен Эллис, вице-президент по связям с общественностью американского поставщика услуг в области информационной безопасности Rapid7. Она полагает, что такой шаг связан с огромным риском. Например, в случае вымогательской атаки на госпиталь указанный закон поставил бы под угрозу жизнь многих пациентов. И даже если сделать из такого запрета исключение для медицинских учреждений, то именно они станут вскоре приоритетными объектами подобных акций. В связи с этим Дж. Эллис отмечает, что в условиях пандемии коронавируса резко выросло число сетевых атак на больницы и иные объекты здравоохранения, которые не могут обойтись без интернета. По ее словам, сейчас мир столкнулся фактически с двумя кризисами – медицинским и кибернетическим, которые усугубляют друг друга. Как указывает Дж. Эллис, в 2020 г. сетевые вымогатели получили от своих жертв около 350 млн долл. в качестве выкупа. При этом нанесенный ими экономический ущерб гораздо выше, поскольку пострадавшие от них компании были вынуждены временно приостановить свою деятельность и провести затем весьма затратные работы по очистке корпоративных сетей от компьютерных вирусов. Как известно, в ходе вымогательских атак хакеры обычно требуют выплаты выкупа в цифровых валютах, таких как Bitcoin, которые находятся за пределами традиционных банковских систем и не

поддаются отслеживанию органами правопорядка. В связи с этим эксперты предлагают подчинить подобные платежные средства действующим нормам финансового регулирования и контроля, что сделает их менее привлекательными для сетевых преступников.

Родоначальником компьютерного вымогательства считается студент-биолог Гарвардского университета Джозеф Попп [4]. Именно он разработал и распространил в 1989 г. по почте среди британских граждан 20 тыс. гибких магнитных дисков с записью вируса, известного как Aids Info Disk, или PC Cyborg Trojan. Дж. Поппу удалось избежать наказания, поскольку суд признал его психически больным. С тех пор подобное преступное мастерство достигло совершенства – кибервзломщики не только блокируют компьютеры, но и похищают важную информацию, включая резервные копии, требуя затем выкуп как за восстановление работы системы, так и за обещание не предавать перехваченные сведения широкой огласке. Такая тактика получила известность как «двойное вымогательство».

Некоторые аргументы в пользу необходимости активизации борьбы с сетевой преступностью излагает редакция малайзийской газеты Malay Mail в статье «Американские чиновники считают кибератаки неизбежной и долговременной повседневностью» [5]. Издание отмечает, ссылаясь на мнения экспертов, что исполнители хакерских акций против стратегически важной трубопроводной системы Colonial Pipeline и крупнейшего в мире производителя мясной продукции – бразильской компании JBS SA - действовали, по всей вероятности, при покровительстве Москвы. В связи с этим министр торговли США Джина Раймондо призвала представителей частного бизнеса проявлять бдительность перед лицом постоянно усиливающейся угрозы кибератак. Выступая 6 июня 2021 г. в программе This Week американской телевизионной сети ABC, она отметила, что хакерские акции стали реальностью современной жизни и их активность будет возрастать. Глава ведомства назвала деятельность иностранных кибервзломщиков самой актуальной проблемой национальной безопасности. По ее словам, эта угроза

носит долговременный характер и впредь может еще более обостриться [6]. На вопрос ведущего о целесообразности более жесткого подхода Вашингтона к проблеме хакерских атак, вплоть до постановки вопроса об ответных военных акциях, Дж. Раймондо ответила, что не исключаются любые варианты действий. Она подчеркнула, что данный вопрос является приоритетным для администрации и Совета национальной безопасности США, его рассмотрение осуществляется с учетом всех вероятных последствий. По ее словам, американские власти не будут поддерживать сетевых преступников или занимать в их отношении нейтральную позицию.

Как отмечает вышеупомянутая газета Malay Mail, хакерские акции против трубопроводной системы Colonial Pipeline и бразильской компании JBS SA привлекли особое внимание к проблеме, которая долгое время оставалась в тени, хотя предприниматели и правительственные структуры терпели убытки от вымогательских кибератак и часто платили злоумышленникам требуемый выкуп, не информируя об этом уполномоченные организации. В связи с этим председатель сенатской комиссии по делам разведки Марк Уорнер в интервью американскому телеканалу NBC 5 июня 2021 г. призвал представителей бизнеса в обязательном порядке сообщать властям обо всех хакерских акциях [7]. По его мнению, это обеспечит полную прозрачность деятельности по борьбе с такого рода преступностью и поможет добиться торжества международного права в сетевом пространстве. Он предложил также ускорить рассмотрение вопроса о законодательном запрете выплат выкупа сетевым вымогателям.

Со своей стороны, глава Федерального бюро расследований (Federal Bureau of Investigation – FBI) Кристофер Рэй отметил особую остроту проблемы вымогательских кибератак, уподобив ее терактам 11 сентября 2001 г., осуществленным исламской группировкой «Аль-Каида» и приведшим к гибели почти 3 тыс. человек [8]. Он считает, что ответные действия США на акции сетевых преступников должны быть такими же жесткими, как и прежде в отношении мусульманских экстремистов. На угрозу национальной безопасности США со стороны хакеров указала также министр энергетики Дженнифер

Грэнхолм, которая в интервью телеканалу CNN 5 июня 2021 г. заявила о намерении и способности кибервзломщиков вывести из строя систему энергообеспечения страны. По ее словам, многие сетевые преступники пытаются реализовать подобные акции. И даже во время этого интервью хакеры осуществляют тысячи кибернетических атак против различных объектов энергетики и частного бизнеса США в целом [9].

В свою очередь, о перспективах деятельности сетевых преступников рассуждает лондонский корреспондент американского кабельного телеканала CNBC (Consumer News and Business Channel) Райан Браун в статье «На фоне активизации кибервзломов учреждения и предприятия уже ожидают разрушительных квантовых атак хакеров» [10]. Автор отмечает, что весь мир обеспокоен волной вымогательских акций, в частности против системы трубопроводов США Colonial Pipeline [11] и бразильской фирмы JBS SA [12] в мае с. г., а также проникновением в компьютерные сети ряда правительственных и деловых структур с использованием программных уязвимостей американского разработчика информационных технологий SolarWinds в конце 2020 г. [13]. Как известно, после этих событий президент Джо Байден издал специальную директиву об усилении кибернетической защиты важных объектов страны [14].

Некоторые специалисты указывают на возрастающую активность китайских хакеров во Всемирной сети, а также высокую результативность их операций по взлому компьютеров и похищению данных. В то же время другие эксперты, руководствуясь собственными критериями, полагают, что цифровые ресурсы КНР недостаточно развиты по сравнению с ресурсами других государств, достигших заметного уровня развития информационных технологий [15].

Так, специалисты британского аналитического центра по проблемам военно-политических конфликтов — Международного института стратегических исследований (International Institute for Strategic Studies – IISS) — считают, что китайский кибернетический потенциал незаслуженно преувеличен.

Об этом говорится в опубликованном 28 июня 2021 г. докладе IISS «Комплексная оценка цифровых ресурсов некоторых государств» (Cyber Capabilities and National Power: A Net Assessment) [16]. При этом отмечается, что кибернетическая мощь КНР несколько подорвана и ослаблена ввиду несовершенной системы сетевой защиты и слабого аналитического аппарата национальных разведывательных служб. Именно поэтому этому государству не удастся достичь уровня США в данной сфере в течение ближайшего десятилетия. В документе приводятся результаты двухлетнего изучения качественного уровня кибернетического потенциала 15 стран мира, а также основы новой методики для адекватного сопоставления данных комплексных показателей. Исследователи IISS надеются на то, что их аналитический доклад поможет корпорациям и правительственным организациям объективно оценивать стратегические риски и принимать взвешенные решения по вопросам крупных инвестиций.

Доклад был опубликован на фоне ряда хакерских операций, которые наглядно продемонстрировали растущую опасность сетевого шпионажа, осуществляемого иностранными государствами [17]. Так, в декабре 2020 г. американские власти обнаружили, что Служба внешней разведки РФ взломала программное обеспечение местного разработчика информационных технологий SolarWinds и затем проникла в компьютеры ряда столичных объектов, включая министерства торговли и финансов [18]. Три месяца спустя хакеры, действующие, по всей вероятности, в интересах Пекина, использовали уязвимость сервера электронной почты фирмы Microsoft для выявления слабых мест в системах кибернетической защиты неправительственных и научно-исследовательских организаций США [19]. Некоторые эксперты приписывают эти мартовские кибервзломы спонсируемой китайским правительством группе Hafnium.

Нарастающая активность зарубежных хакеров, особенно китайских и российских, порождает в экспертной среде дискуссии, касающиеся целесообразности ответных мер Запада и их оптимальной формы. Некоторые

специалисты настаивают на необходимости проявлять крайнюю осмотрительность при реагировании методом «зуб за зуб» на акты сетевой агрессии, которые формально еще не достигают уровня реального конфликта. В свою очередь бывший заместитель директора британского Центра электронной разведки и правительственной связи (Government Communications Headquarters – GCHQ), а ныне старший советник Королевского объединенного института исследований проблем обороны и безопасности (Royal United Services Institute) Конрад Принс считает подобный подход неправомерным. Он полагает достойным критики рефлексивный вариант симметричных ответных действий на кибератаки. По мнению К. Принса, было бы неверно реагировать на действия зарубежных хакеров с использованием только кибернетических средств.

В указанном докладе IISS предпринята попытка построить иерархическую структуру стран по принципу их обобщенного потенциала в сетевом пространстве, под которым понимается уровень развития информационно-технологического сектора их экономики, профессионализма персонала разведывательных служб, совершенства систем кибербезопасности и степени вовлеченности цифровых ресурсов в военные операции. В результате на высшем уровне оказались только Соединенные Штаты как самая могущественная кибернетическая держава. К второразрядным странам отнесены КНР, Россия, Великобритания, Австралия, Канада, Франция и Израиль. При этом авторы доклада IISS были едины во мнении, что Пекин и Москва доказали свою высокую компетентность в проведении наступательных цифровых операций – в сетевом шпионаже, похищении интеллектуальной собственности и дезинформационных кампаниях против США и их союзников. Однако оба государства оказались на втором месте вследствие невысокого показателя кибернетической безопасности. И, наконец, к третьему, низшему, уровню отнесены Индия, Индонезия, Япония, Малайзия, КНДР, Иран и Вьетнам.

Как считает старший научный сотрудник IISS, специалист по проблемам кибернетики, космического пространства и предстоящих конфликтов Грэг

Остин (Greg Austin), несколько преувеличенное представление о цифровых достижениях Китая возникло в результате того, что мировые СМИ акцентировали внимание только на позитивных аспектах развития его информационных технологий, в частности на амбициях Пекина по созданию искусственного интеллекта и выдвигению КНР на позиции глобального лидера в этой сфере. На самом деле эта страна отстает от многих стран по профессионализму в области кибернетической безопасности. По прогнозам Г.Остина, Китаю еще предстоит пережить серьезные политические изменения, которые ослабят его стремление к развитию информационно-коммуникационных технологий и существенно умерят его притязания на роль главного игрока на кибернетическом поле [20].

Как отмечается в указанном докладе IISS, одной из причин относительной слабости сетевой защиты Пекина является его чрезмерный упор на предотвращение доступа в страну, во внутренний китайский интернет, политически вредного контента. Такой подход неизбежно ведет к отвлечению внимания от контроля безопасности тех технических средств, которые обеспечивают передачу информации. Кроме того, указывается, что специалисты КНР в области анализа сетевых угроз менее компетентны по сравнению с экспертами разведывательного альянса «Пять глаз», в который входят США, Великобритания, Канада, Австралия и Новая Зеландия. Это обусловлено, в частности, идеологической предвзятостью китайцев и их ориентацией на политические установки коммунистической партии.

По оценке Г. Остина, современный информационный мир динамично изменяется, поэтому такие традиционно передовые страны, как Индия и Япония, стали уступать прежде отсталым цифровым государствам, передвинувшись на третий, последний, уровень в кибернетической иерархии. В то же время некоторые относительно слабые игроки на сетевом поле, например Израиль и Австралия, вырвались вперед благодаря развитию передовых технологий и выдвинулись на вторые позиции.

Лидирующая роль США в кибернетической иерархии, в соответствии с логикой экспертов IISS, обусловлена не имеющей равных в мире цифровой промышленной и технологической базой, высокой профессиональной компетенцией ее специалистов в области криптографии и способностью наносить противникам изощренные по мастерству и хирургически точные хакерские удары. Кроме того, в отличие от своих соперников, таких как КНР и Россия, Вашингтон получает дополнительные преимущества от тесного взаимодействия с другими влиятельными игроками на сетевом поле, включая страны разведывательного альянса «Пять глаз». Следует все же признать, что США и их союзники все чаще становятся потенциальными объектами вымогательских атак зарубежных хакеров. Примерами этого могут служить кибервзломы в мае 2021 г. компьютеров американской трубопроводной системы Colonial Pipeline [21] и сети системы здравоохранения Ирландии – Ireland’s health service [22]. За этими акциями предположительно стоят преступные группы российских хакеров, которые, может, и не спонсируются Москвой напрямую, но пользуются снисходительным отношением к ним со стороны властей.

Оценки экспертов IISS, касающиеся отставания КНР и России от США в кибернетической сфере, полностью разделяет бывший директор британского Центра электронной разведки и правительственной связи, а ныне один из руководящих сотрудников американского поставщика услуг в сфере сетевой безопасности BlueVoyant Роберт Хэнниген. Однако, по его мнению, следует внимательно следить за тем, как долго Пекин и Москва останутся на вторых ролях из-за относительной слабости их систем цифровой защиты. Как отметил Р. Хэнниген, признавая несовершенство структур кибербезопасности России и Китая, следует учитывать, что потребность в них у этих государств гораздо ниже, чем у западных стран с открытой экономикой. По его словам, речь идет о несимметричной угрозе: Запад находится в осаде преступных групп хакеров, действующих с территории России и пользующихся благосклонностью, а то и покровительством властей, тогда как Москва не испытывает подобных проблем.

Как подчеркивает Р. Хэнниген, российским властям известно, что Запад не станет подвергать беспорядочным и разрушительным кибератакам ключевые объекты гражданской инфраструктуры, но Кремль предоставил своим спецслужбам полную свободу действий на цифровом поле. Таким образом, западные страны нуждаются в более совершенной кибернетической защите.

Согласно докладу Австралийского центра кибербезопасности (Australian Cyber Security Centre – ACSC) в 2020/2021 финансовом году общее количество инцидентов в киберпространстве страны снизилось на 28% по сравнению с предыдущим годом¹. Однако специалисты обращают внимание на тот факт, что целями атак злоумышленников часто становятся объекты критической инфраструктуры (ОКИ), что может привести к крайне тяжелым последствиям. ACSC, который входит в состав австралийского Управления радиотехнической обороны (Australian Signals Directorate – ASD), получил более 67 500 сообщений о киберпреступлениях всех типов в 2020/2021 финансовом году, т. е. на 13% выше прежнего, или по одному сообщению каждые восемь минут. Общие убытки, которые понесли компании, частные лица и другие организации от этих противоправных действий в вышеуказанный период, превысили 33 млрд австралийских долл., что составляет примерно 24 млрд долл. США [24].

В документе отмечается, что около 25% киберинцидентов, о которых было сообщено австралийским службам безопасности за последний год, касалось ОКИ, включая такие сферы, как здравоохранение, распределение продуктов питания и энергетику. Эти инциденты подтвердили наличие уязвимостей ОКИ перед серьезными сбоями в предоставлении услуг, возможную потерю доходов и потенциальную опасность причинения вреда или гибели людей.

ACSC отреагировал примерно на 1630 инцидентов кибербезопасности в 2020/2021 финансовом году, или в среднем он сталкивался с 31 киберпроисшествием в неделю. Анализ серьезности киберинцидентов в

¹ Duckett C. Rare bright cyber spot: ACSC reports total incidents down 28% // ZD Net. 2021. September 15. – <https://www.zdnet.com>.

указанный период показывает, что было зафиксировано 14 случаев, когда субъекты федерального правительства или национально значимая инфраструктура пострадали от удаления, повреждения конфиденциальных данных или интеллектуальной собственности. Атакам также подвергались отдельные звенья цепочек поставок для ОКИ: было отмечено 44 факта активного вторжения во внутреннюю сеть или временного нарушения работы данных систем и служб [25].

В докладе обращается внимание на то, что киберпреступники пытались использовать пандемию, побуждая потенциальных жертв вводить личные учетные данные для доступа к информации или услугам, связанным с лечением COVID-19. По мнению австралийских аналитиков, некоторые иностранные правительства нацелены на сектор здравоохранения страны, стремясь получить доступ к интеллектуальной собственности или конфиденциальной информации о действиях Австралии против COVID-19.

Помощник министра обороны Австралии Эндрю Хэсти (Andrew Hastie), ответственный за выпуск доклада, заявил, что киберпреступники «усиливают свои атаки на австралийцев». В связи с этим он подчеркнул, что государственные органы страны прилагают усилия для повышения защищенности национального киберпространства. В настоящее время на рассмотрении парламента находится правительственный законопроект, который вводит обязательные требования к отчетности о киберинцидентах для организаций, управляющих ОКИ. Э. Хэсти отметил, что этот закон «гарантирует, что в случае крупномасштабной кибератаки на ОКИ австралийские кибернетические и правоохранительные органы будут уполномочены оказывать более масштабную и немедленную поддержку жертвам». При этом специалисты указывают на вызванное данным нормативно-правовым актом недовольство в затрагиваемых отраслях в связи с опасениями чрезмерного государственного вмешательства в их деятельность.

Аналитики ACSC обращают внимание на увеличение количества нападений с применением программ-вымогателей. Их число за 2020/2021 финансовый год достигло 500, т. е. выросло на 15% [26]. Средние потери от

подобных киберпреступлений для малого бизнеса составляют 6,4 тыс. долл. США, для среднего – 33,4 тыс. долл. США, а для крупного – 14 тыс. долл. США. Меньшие убытки больших компаний эксперты объясняют наличием у них достаточно квалифицированных служб цифровой безопасности, которые позволяют более эффективно предотвращать кибератаки, а также быстрее купировать их последствия [27]. Эксперты утверждают, что проблема приобрела более серьезный характер и опасные масштабы и представляет собой одну из самых серьезных угроз для австралийских организаций. В докладе ACSC упоминается атака программ-вымогателей на глобальную мясоперерабатывающую компанию JBS Foods в мае 2021 г., которая привела к приостановке функционирования филиалов и увольнению работников. Позднее американское подразделение подтвердило, что оно заплатило выкуп, эквивалентный 11 млн долл. США в биткойнах. По мнению специалистов, увеличение количества вымогательств в интернете связано с возрастающей готовностью преступников требовать деньги с уязвимых ОКИ, а также с тем, что злоумышленники улучшили свои программно-технические возможности, получив доступ к инструментам, размещенным в темном сегменте глобальной сети DarkNet.

Список литературы:

1. Bray H. Ransomware is a massive problem. And there's no easy fix // The Boston Globe. 2021. June 6. – <https://www.bostonglobe.com>.
2. Tidy J. Colonial hack: How did cyber-attackers shut off pipeline? // BBC News. 2021. May 10. – <https://www.bbc.com>.
3. Batista F., Hirtzer M., Dorning M. All of JBS's U.S. Beef Plants Were Forced Shut by Cyberattack // Bloomberg. 2021. June 2. – <https://www.bloomberg.com>.
4. Ipsen A. The First Ransomware: Sex, a Doctor, and the UN // BackupAssist. 2018. October 24. – <https://www.backupassist.com>.

5. US official warns cyberattacks are “here to stay” // Malay Mail. 2021. June 7. – <https://www.malaymail.com>.
6. Gomez J. Commerce Secretary Gina Raimondo says no “hardwire deadline” on infrastructure deal // ABC. 2021. June 6. – <https://www.abcnews.go.com>.
7. Todd C. Meet the Press – June 6, 2021 // NBC News. 2021. June 6. – <https://www.nbcnews.com>.
8. Fung B., Sands G., Janfaza R., Cohen Z. FBI director sees “parallels” between challenge posed by ransomware attacks and 9/11 // CNN. 2021. June 4. – <https://edition.cnn.com>.
9. Duster C. Energy secretary says adversaries have capability of shutting down US power grid // CNN. 2021. June 6. – <https://edition.cnn.com>.
10. Browne R. With cyberattacks on the rise, organizations are already bracing for devastating quantum hacks // CNBC. 2021. June 7. – <https://www.cnbc.com>.
11. Browne R. Hackers behind Colonial Pipeline attack reportedly received \$90 million in bitcoin before shutting down // CNBC. 2021. May 18. – <https://www.cnbc.com>.
12. Sigalos M. Russia-linked cybercriminal group REvil behind meatpacker JBS attack // CNBC. 2021. June 2. – <https://www.cnbc.com>.
13. Howard B. The massive SolarWinds hack and the future of cyber espionage // CNBC. 2021. January 26. – <https://www.cnbc.com>.
14. Breuninger K., Macias A. Biden signs executive order to strengthen U.S. cybersecurity defenses after Colonial Pipeline hack // CNBC. 2021. May 12. – <https://www.cnbc.com>.
15. Warrell H. China’s cyber power at least a decade behind the US, new study finds // The Financial Times. 2021. June 28. – <https://www.ft.com>.
16. Cyber Capabilities and National Power: A Net Assessment // The International Institute
for Strategic Studies – IISS. 2021. June 28. – <https://www.iiss.org>.

18. Warrell H. SolarWinds and Microsoft hacks spark debate over western retaliation // The Financial Times. 2021. March 12. – <https://www.ft.com>.
19. Howard B. The massive SolarWinds hack and the future of cyber espionage // CNBC. 2021. January 26. – <https://www.cnbc.com>.
20. Novet J. Microsoft’s big email hack: What happened, who did it, and why it matters // CNBC. 2021. March 9. – <https://www.cnbc.com>.
21. Stacey E. The Future of Cyber Warfare – An Interview with Greg Austin // The Strife blog. 2020. April 26. – <https://www.strifeblog.org>.
22. Fedor L., McCormick M., Murphy H. Cyber attack shuts major US pipeline system //
23. The Financial Times. 2021. May 8. – <http://www.ft.com>.
24. Noonan L. Ireland defies hackers’ bitcoin demand over health system // The Financial Times. 2021. May 14. – <http://www.ft.com>.
25. Duckett C. Rare bright cyber spot: ACSC reports total incidents down 28% // ZD Net. 2021. September 15. – <https://www.zdnet.com>.
26. A cyber security threat is now reported in Australian every eight minutes // SBS News. 2021. September 15. – <https://www.sbs.com>.
27. Hurst D. “Significant threat”: cyber attacks increasingly targeting Australia’s critical infrastructure // The Guardian. 2021. September 14. – <https://www.theguardian.com>.
28. ACSC Annual Cyber Threat Report Confirms Cyber Crime Is On The Rise // Australian Cyber Security Magazine. 2021. September 15. – <https://australiencybersucuritymagazine.com.au>.
29. Latest Australian Cyber Report Released // Austral Risk Services. 2021. September 15. – <https://australrisk.com.au>.

Синчук Юрий Владимирович,
доктор политических наук, профессор,
профессор кафедры международных отношений
Дипломатической академии МИД России;
заведующий кафедрой теории и истории международных отношений
Московского государственного лингвистического университета;
профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин и истории права
Московского городского университета управления Правительства Москвы.
E-mail: sinchukjv@mail.ru

Yuri V. Sinchuk,
Doctor of Sciences (Political Science), Professor,
Professor of Department of International Relations,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;
Head of the Department of Theory and History of International Relations,
Moscow State Linguistic University;
Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines and the History
of Law,
Moscow Metropolitan Governance Yury Luzhkov University.
E-mail: sinchukjv@mail.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТРАН БРИКС В ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

ACTIVITIES OF THE BRICS COUNTRIES IN ENERGY POLICY

Аннотация. Ввиду возрастания влияния таких стран, как Россия, Китай, Индия, Мексика и Бразилия, а также увеличения их экономической мощи, значимость объединений, в которых состоят эти страны, приобретает серьёзный вес на мировой политической и экономической аренах. Страны БРИКС, обладая одним из самых крупных энергетических запасов на земле, могут влиять на мировой энергетический рынок, поэтому анализ их взаимодействия в рамках крупного регионального объединения является актуальным на сегодняшний день. В данной статье рассматривается актуальность деятельности стран-членов БРИКС в рамках смещения экономического центра мира с Запада на Восток. Особое внимание в процессе исследования было уделено научным трудам, в которых анализируются различные аспекты формирования энергетической политики стран БРИКС.

Abstract. Due to the increase in the influence of countries such as Russia, China, India, Mexico and Brazil, as well as the increase in their economic power, the importance of associations in which these countries consist of serious weight in world political and economic arena. BRICS countries, possessing one of the largest energy reserves on Earth, can influence the global energy market, so the analysis of their interaction within a large regional association is relevant today. This article discusses the relevance of the activities of the BRICS member countries as part of the displacement of the economic center of the world from the west to the East. Special attention in the process of research was paid to scientific works, in which various aspects of the formation of the energy policy of the BRICS countries are analyzed.

Ключевые слова: БРИКС, глобальная экономика, энергетический рынок, экономическая стабилизация, энергетическое сотрудничество, возобновляемая энергетика, инновационно-технологическое партнерство.

Key words: BRICS, global economy, energy market, economic stabilization, energy cooperation, renewable energy, innovation and technology partnership.

Актуальность исследования обуславливается повышением роли развивающихся государств группы БРИКС (BRICS) в настоящих реалиях глобальной экономики и их существенным воздействием на процессы функционирования и перестройки международной энергетической архитектуры. В связи с поэтапным укреплением связей между странами БРИКС наблюдается развитие полицентричного мирового уклада, которое является результатом реагирования государств на мировые угрозы и вызовы. Бразилия, Российская Федерация, Индия, Китайская Народная Республика и Южно-Африканская Республика с каждым годом все больше увеличивают свое влияние на мировой арене, тем самым выступают против сложившейся десятилетиями структуры распределения экономических сил и приоритетов, в том числе и в сфере энергетики.

Введение

В XXI веке на основе исторических предпосылок мировой порядок обретает новую обусловленную структуру. Он поддерживается как отдельными странами, так и рядом государств, входящих в один блок. Вследствие нарушения равновесия произошел демонтаж предыдущего мирового порядка, что приводит к активации переходного, транзитивного периода, в результате которого весь мир вновь пытается добиться дисбаланса. Новый мировой порядок будет складываться уже после достижения равновесия. Его продолжительность и стабильность будут зависеть от того, какие страны станут лидерами на мировой арене и наоборот.

В ходе комплексного исследования было установлено, что интенсификация двустороннего и многостороннего сотрудничества в области энергетической безопасности государств БРИКС служит одним из средств реализации собственных задач энергетической политики Российской Федерации, Бразилии, Китайской Народной Республики, Индии, Южно-Африканской Республики для их дальнейшего национального экономического развития. Было доказано, что Российская Федерация, являющаяся одним из крупных мировых энергетических государств и испытывающая потребность в решении проблем экономической стабилизации, выступает ключевым гарантом энергетической безопасности государств БРИКС и инициатором развития их взаимодействия в практическом аспекте.

Особое внимание в исследовании было уделено научным трудам, в которых анализируются различные аспекты формирования энергетической политики стран БРИКС. Элемент научной новизны также составляет предложенный анализ индикаторов Индекса энергетической архитектуры ЕАРІ для оценки и выявления направлений взаимовыгодного сотрудничества группы БРИКС в данной области.

С целью получения более полного и объективного представления о политике стран БРИКС в энергетической сфере в работе были использованы общенаучные методы теоретического и эмпирического познания политических

явлений и процессов: анализ, синтез, аналогия, сравнение, абстрагирование, теоретическое обобщение, описание и др. Автор обращался к институциональному, нормативно-правовому, логико-историческому, логико-гносеологическому, системно-функциональному, историко-компаративистскому методам.

Был проведен анализ документальных источников: доктринальных документов и правовых актов стран – участниц БРИКС, материалов статистического и фактологического характера по теме исследования. Изучались доклады исследовательских центров и фондов стран БРИКС, профильные интернет-источники.

Актуально, что БРИКС как интеграционное объединение является мощной структурой в настоящей системе международных отношений.

В современный период, когда проходит спецоперация по демилитаризации и денацификации Украины, Россия готова работать в рамках ШОС и БРИКС (Бразилия, РФ, Индия, КНР, ЮАР). Как отметил МИД РФ, мероприятия в этих форматах проводятся. Встречи, контакты, практическая работа, в том числе над проектами, которые реализуют эти объединения, не отменялись [5].

Следует обратить внимание, БРИКС как межгосударственное объединение занял особое место в ряду трансрегиональных организаций. Он отображает направление, в соответствии с которым Российская Федерация солидаризируется в качестве межрегионального центра воздействия с элементами мирового государства, разумеется, в той степени, в какой это адекватно ее реальным ресурсам.

Формирование Бразилией, Россией, Индией, КНР и ЮАР группы из пяти стран – БРИКС – свидетельствует о начале значительных изменений в мировой экономике в направлении с Запада на Восток, в сторону развивающихся стран. Кроме взаимодействия по важнейшим проблемам современности, БРИКС проводит политику невмешательства во внутренние дела своих партнёров.

Как отмечал главный научный сотрудник Института Латинской Америки РАН Я.Г. Шемякина, в контексте осмысления предпосылок объединения стран

БРИКС «...одна из главных коллизий, развёртывающихся в духовном пространстве BRICS, – это столкновение, взаимное переплетение и конфликтное взаимодействие двух качественно различных типов рациональности – формальной рациональности западного происхождения и характера» и присущей странам БРИКС «ценностной рациональности, опирающейся на духовное наследие соответствующих неевропейских цивилизаций». При большой разнице в особенностях цивилизации стран БРИКС, все они «разновидности рациональности, которую вслед за Вебером можно назвать «ценностной»: здесь ключевое значение придаётся качественным характеристикам объектов действительности, всегда присутствует представление о некоей высшей цели».

Говоря о государственной позиции Российской Федерации, стоит отметить, что взаимодействие государств в рамках БРИКС совпадает с ее национальными интересами. Это сотрудничество обеспечивает стабильность во внешней и внутренней политике России.

БРИКС имеет потенциал для развития, за счет чего обеспечивает себе авторитет на международной арене. Отношения с Соединенными Штатами Америки и Европейским союзом показывают, что в условиях первого десятилетия XXI века Россия смогла добиться понимания с их стороны по важным для себя вопросам. В связи с этим формирование площадки, подобной БРИКС, позволит укрепить всю систему международных отношений. В свою очередь, благодаря членству Российской Федерации в БРИКС, укрепляются позиции РФ в отношениях с Соединенными Штатами Америки и Европейским союзом. Россия имеет все шансы стать связующим государством между странами «Большой семерки» и БРИКС.

Заинтересованность РФ, крупнейшего производителя энергоресурсов, в расширении энергетического сотрудничества в рамках БРИКС определяется следующим: бесперебойными поставками и стабильными ценами (БРИКС – платформа для разработки единых принципов торгово-экономической политики как внутри объединения, так и на мировом энергетическом рынке); развитием

альтернативных европейскому направлению поставок энергоресурсов в связи с кризисом 2014 г. и последовавшими за ним санкциями против российских нефтегазовых компаний [6].

В 2020 году Россия в третий раз стала председателем объединения стран БРИКС. Объединившись с другими странами – членами БРИКС, Российская Федерация расширяет зоны своего влияния на мировой политической арене и реализует внешнеторговые интересы. Совместная деятельность стран-членов БРИКС способствует экспорту товаров российского производства, торговли и налаживанию взаимодействия в сфере конкурентной политики.

В связи с этим членство в БРИКС дает возможность РФ вступать в новые финансово-экономические рынки. Она сохраняет статус ключевого экспортера энергоресурсов для других государств, входящих в БРИКС, а в перспективе может стать важным импортёром новейших технологий в таких сферах, как авиастроение, ядерная энергетика, производство военной продукции и т. д.

Членство Российской Федерации в БРИКС выгодно для нее по многим причинам. С учетом всех дальнейших перспектив развития Россия способна укрепить авторитет на международной арене. Остальные страны-участницы БРИКС являются единомышленниками и партнерами при решении проблем в рамках Организации Объединенных Наций и «Группы двадцати».

С момента основания БРИКС в июне 2006 года, в рамках Петербургского экономического форума (ПЭФ) с участием министров экономики Бразилии, России, Индии, Китая, площадка имеет неплохие показатели на мировой политической арене.

Сотрудничество стран БРИКС в сфере энергетики

Основываясь на результатах совместного сотрудничества в сфере энергетики, можно заключить, что страны БРИКС руководствуются общими интересами, которые и в дальнейшем будут повышаться (табл. 1).

Таблица 1.

Энергетическое сотрудничество Российской Федерации и стран БРИКС

Показатель	Китайская Народная Республика	Индия	Бразилия	Южно-Африканская Республика	Доля БРИКС для РФ, %
Экспорт					
Нефть, млн т	30	-	-	-	13,4
Нефтепродукты, млн т	6,3	0,1	0,2	0,1	4,1
Природный газ, млрд куб. м	0,2	-	-	-	0,1
Уголь, млн т	26,8	1,6	0,2	-	18,3
Электроэнергия, млрд кВт-ч	3,4	-	-	-	23
Импорт: отсутствует					

Как видно из таблицы, торговля энергоресурсами ведется только между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, то есть данная сфера остается достаточно перспективным направлением. Так, взаимодействие осуществляется через реализацию масштабных проектов (табл. 2).

Таблица 2.

Сотрудничество стран БРИКС через реализацию крупных проектов

Страна	Отрасль	Проект	Компания-участник
В странах БРИКС			
Китайская Народная Республика	Нефть	НПЗ и НХК в Тяньцзине	«Роснефть»
Китайская Народная Республика	Атомная энергетика	Таньванская АЭС	«Атомстройэкспорт» («Росатом»)
Индия	Атомная энергетика	АЭС Кудан-кулам	«Атомстройэкспорт» («Росатом»)
Бразилия	Нефть	Бассейн Солимоинс	«Роснефть»
В России			
Российская Федерация	Нефть и газ	«Сахалин-1»	ONGC (20% в проекте, Индия)
	Газ (СПГ)	«Ямал СПГ»	CNPC (20%, Китай)

Таким образом, учитывая вышесказанное, можно с уверенностью утверждать, что взаимодействие стран БРИКС в сфере энергетики находится на начальном этапе и будет расширяться.

В ходе шестого саммита БРИКС в июле 2014 года президентом Российской Федерации было предложено развивать энергетическое сотрудничество путем создания Энергетической ассоциации БРИКС, Резервного банка топлива и Института энергетической политики стран БРИКС. С учетом растущего в мире спроса на энергоэффективные технологии и энергоресурсы в целом страны БРИКС осознают важность сотрудничества в сфере планирования производства и потребления энергии. На седьмом саммите БРИКС (г. Уфа, Российская Федерация) в июле 2015 года была принята Уфимская декларация, в которой особо подчеркивалась важность энергетического взаимодействия стран БРИКС с учетом мониторинга общемировых тенденций развития энергетики. В принятой Стратегии экономического партнерства отмечена необходимость оказания взаимной поддержки стран БРИКС для диверсификации источников энергии, развития инфраструктуры энергетики, повышения уровня энергоэффективности экономики, содействия применению возобновляемых источников энергии и пр.

В рамках БРИКС развивается не только многостороннее сотрудничество в энергетической сфере, но и двусторонние связи. Скорее всего, энергетическое взаимодействие стран БРИКС в ближайшие годы будет развиваться в двустороннем формате. Многостороннее сотрудничество государств будет продолжаться в других форматах, в частности в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Актуальными направлениями сотрудничества являются строительство АЭС в Китае и Индии (а также в перспективе – в Южно-Африканской Республике и Бразилии), реализация долгосрочных двусторонних контрактов на поставку энергоресурсов, участие Китая в создании энергетических проектов в России.

Вместе с тем стоит сказать, что уже на двустороннем уровне в развитии энергетического партнерства отмечаются некоторые проблемы. Так, между

Китаем и Россией почти полностью отсутствует производственное и инвестиционное взаимодействие (включая обмен новыми разработками и технологиями), а также торгово-коммерческий формат сотрудничества, что предопределяет его краткосрочность, а не ориентированность на реализацию долгосрочных целей. Сотрудничество России с Индией пока не получило широкого развития, однако следует отметить участие крупнейшей индийской государственной нефтегазовой корпорации ONGC в проекте «Сахалин-1» (в 2015 году эта компания приобрела у НК «Роснефть» пятнадцать процентов акций АО «Ванкорнефть»); подписание в 2012 году компанией «Газпром» договора купли-продажи сжиженного газа с компанией Gail с ежегодным объемом поставок в размере 3,5 миллионов кубометров сроком на 20 лет.

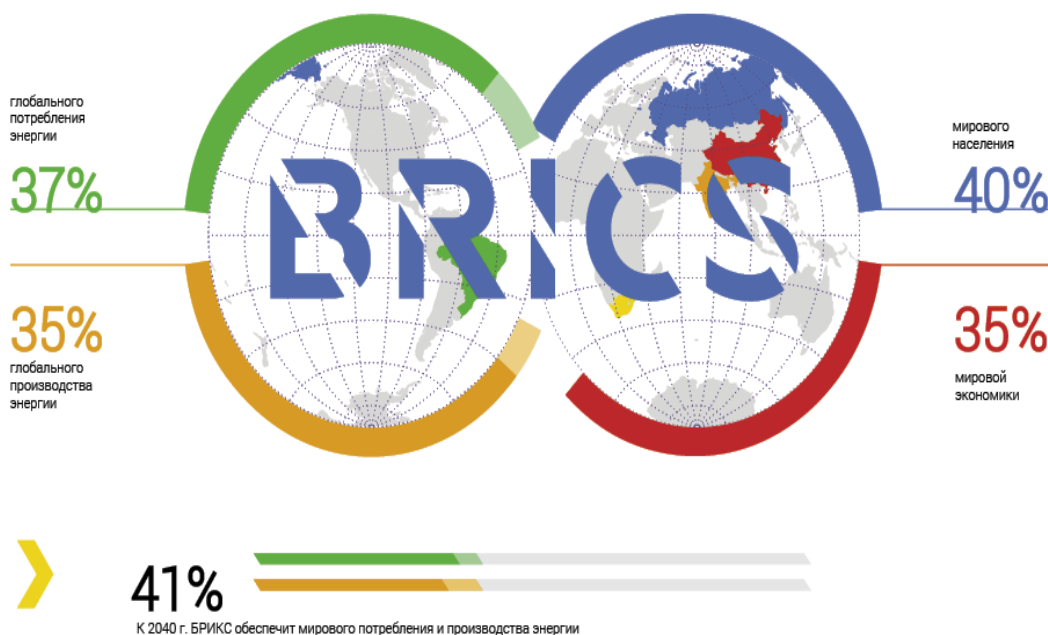
Большое значение имеет взаимодействие стран БРИКС в сфере повышения энергоэффективности. По оценкам МЭА, совокупные инвестиции группы БРИКС, без учета Южно-Африканской Республики, с 2014 по 2035 год на реализацию данной цели составят более 2,02 триллиона долларов, или 25,2% от совокупных инвестиций в мире на данные цели. Следует отметить, что странами БРИКС в ноябре 2015 года был подписан Меморандум о взаимопонимании в области энергосбережения и энергоэффективности. Большие перспективы сотрудничества открываются в области разработки материалов и новых технологий для возобновляемой энергетики (новое поколение солнечных элементов, накопителей энергии разного типа и пр.), т. е. переход к инновационно-технологическому партнерству со странами БРИКС в энергетической сфере.

Экономическое развитие стран БРИКС становится все более мощным. Взаимодействие «пятерки» развивается по широкому спектру направлений и основывается на трех ключевых измерениях – политике, экономике и культурно-гуманитарной сфере. Но при этом все чаще на первый план выходит энергетическое партнерство стран содружества, которые вместе обеспечивают почти четверть общемирового ВВП, больше трети мирового потребления и производства энергии (рис. 1).

Несмотря на различия энергетических отраслей каждого из государств БРИКС, потенциал взаимодействия в этой сфере высокий. В основе энергодиалога группы БРИКС лежит взаимодополняемость национальных энергетических стратегий.

БРИКС – это платформа для развития диалога и сотрудничества между государствами – членами, которые в совокупности занимают тридцать процентов суши и на долю которых приходится сорок пять процентов населения планеты и около двадцати пяти процентов мирового внутреннего валового продукта по паритету покупательной способности.

Рисунок 1.

Источник: обзор энергетики стран БРИКС, Платформа энергетических исследований БРИКС, 2020 [7].

Перспективные направления энергетического сотрудничества в рамках БРИКС

Большой потенциал повышения эффективности энергетических разработок имеют в своем взаимодействии Бразилия, Российская Федерация, Индия, Китайская Народная Республика и Южно-Африканская Республика. Это является ключевой задачей для развития стран – участниц БРИКС.

Уфимская декларация 2015 года подтвердила схожесть взглядов на мировые проблемы и отметила направления по сотрудничеству в сфере энергосбережения, повышения энергоэффективности и развития энергоэффективных технологий. В связи с чем в 2015 году состоялась первая официальная встреча государств БРИКС по энергоэффективности. Рабочая группа, которая была организована при Министерстве энергетики Российской Федерации, разработала проект Меморандума о взаимопонимании в области энергосбережения и повышения энергоэффективности между министерствами и ведомствами государств БРИКС. Официальная ратификация документа состоялась в Москве в ходе встречи министров энергетики государств БРИКС в рамках международного форума по энергосбережению и повышению энергоэффективности ENES-2015.

16 октября 2020 года в формате видеоконференции министры энергетики стран БРИКС одобрили «дорожную карту» энергетического сотрудничества до 2025 года. В коммюнике указано, что каждая страна должна определять оптимальную политику, не допуская навязывания моделей, которые не подходят странам БРИКС. «Дорожная карта» стала первым комплексным документом, зафиксировавшим согласованные планы развития энергодиалога стран «пятерки» [1].

Широкие перспективы при всестороннем взаимодействии государств БРИКС открываются в сфере разработки новых материалов и технологий для возобновляемой энергетики и технологий аккумулирования энергии. Достижения в этой области есть у всех государств БРИКС, при объединении своих возможностей они могут обеспечить себе мировое лидерство в этом

направлении. Ключевая роль отводится коллективной разработке новейшего поколения солнечных элементов с максимальным КПД до девяноста трех процентов; тонкопленочных ФЭП, разработанных при помощи технологии CIGS и монокристаллических ФЭП с двусторонней повышенной чувствительностью; усовершенствованных полимерных композиционных технологий и материалов; накопителей электроэнергии с разнообразными типами и назначениями; промышленных накопителей энергии повышенной мощности.

Необходимо создание перспективных направлений: сверхпроводящие материалы на основе «теплой» сверхпроводимости для транспорта с большими объемами электроэнергии при отправке на отдаленные расстояния с минимальными потерями; сверхпроводящие индуктивные накопители электроэнергии повышенной емкости; новейшие микробные топливные элементы [2, с. 34-39].

Основными векторами сотрудничества являются наращивание поставок нефти и газа (преимущественно в Китай и Индию); технологический обмен и содействие созданию квалифицированных кадров; разработка унифицированного внешнеполитического курса, нацеленного на минимизацию волатильности цен и стабилизацию поставок; привлечение инвестиций в ТЭК. При этом, по оценкам Аналитического центра при Правительстве РФ, Россия обладает потенциалом для сотрудничества со всеми странами – членами БРИКС по отдельности. Так, в отношениях с Китаем и Индией особое внимание следует уделять поставкам энергоресурсов и инвестированию в ТЭК, а с ЮАР и Бразилией – технологическому обмену [6].

В перечень необходимых мероприятий входит создание в стране высокотехнологичного, универсального, модернизационного ресурса, инновационно-активного производства полного цикла в соответствующих областях, обеспечивающих развитие возобновляемой энергетики. Кроме того, необходимо объединить достижения науки, государства, гражданского общества и бизнеса, которые заинтересованы в организации перспективных коммерческих технологий, а также новых продуктов и услуг; стимулировать инновации;

увеличить научно-производственную кооперацию и привлечь новых партнеров; обеспечивать поддержкой научно-техническую деятельность и процессы модернизации предприятий.

Для обеспечения инновационно-технологического партнерства со странами БРИКС в энергетической сфере, перехода к ресурсно-инновационному развитию российской экономики следует создать благоприятные условия для привлечения финансов.

Плодотворное сотрудничество даст новый импульс развитию углеводородной и атомной энергетики, возобновляемых источников энергии, при этом сможет гарантировать постоянное снабжение национальных экономик топливом и энергией, а также их энергетическую безопасность.

В современном мире рынок энергетики оказывает существенное влияние на глобальную экономику, политику и международные отношения в целом. Это подтверждается последними современными тенденциями, которые получили свое развитие в конце XX – начале XXI века.

Потребности Бразилии, Российской Федерации, Индии, Китайской Народной Республики и Южно-Африканской Республики в нефти растут с каждым годом. Наибольшую заинтересованность партнеры России по БРИКС выражают в поставках ее энергетических ресурсов. Ее основными потребителями являются Индия и Китайская Народная Республика, так как их экономики развиваются более динамично.

В свою очередь Российская Федерация отдает предпочтение поставкам своих энергоресурсов в Китайскую Народную Республику. В следующие пятнадцать лет Россия надеется на статус основного поставщика энергоресурсов в КНР.

В торгово-экономических отношениях главным ресурсом является нефть. Среди трудностей в развитии российско-китайского энергетического сотрудничества нужно назвать опасения Российской Федерации ограничиться только Китайской Народной Республикой. Сегодня в российской политической элите есть группы, которые считают важным работать в тесном взаимодействии

и с такими странами, как Япония, а также западными государствами, что позволит диверсифицировать энергетические поставки. Кроме того, они учитывают тот факт, что сама КНР усиливает энергетическую линию и в отношениях с центральноазиатскими республиками.

Рассматривая тенденции развития торговых отношений Российской Федерации и Китайской Народной Республики, необходимо еще раз подчеркнуть, что на первое место сегодня выходят контакты в нефтегазовой области, они будут продолжать расширяться в силу высокой заинтересованности китайской и российской сторон. Важную роль будут играть нефтегазовые компании (в том числе КННК, «Газпром», «Роснефть»).

На современном этапе перспективы энергетического сотрудничества Российской Федерации и Китайской Народной Республики также увеличиваются в связи с кризисом отношений России с партнерами по Евросоюзу. Так, в 2022 году против российской стороны США и ряд западных стран ввели экономические санкции, которые также напрямую коснулись энергетического сектора Российской Федерации.

Ситуация, которая сложилась в современном мире на глобальном рынке в сфере ценообразования, оказывает влияние на сотрудничество в нефтяной области Российской Федерации и Китайской Народной Республики.

Весомый вклад в достижение целей устойчивого развития в части обеспечения всеобщего доступа к источникам энергии вносят страны БРИКС.

Однако реальные возможности в создании общей внешней энергетической политики для группы БРИКС требуют дальнейшей работы из-за несовпадения интересов в данной сфере. Наиболее вероятной областью для БРИКС в современных условиях остается развитие энергетического сотрудничества на основе поддержки финансов и технологий, что будет в большей степени внутренней энергетической политикой БРИКС [3, с.18-20].

Заключение

Исследование энергетического сотрудничества стран БРИКС состоит в научном анализе и оценке перспектив политики стран БРИКС в энергетической сфере. Полученные выводы и прогнозы могут быть использованы в деятельности исследовательских организаций и институтов государства повышения эффективности внешнеполитической деятельности Российской Федерации в отношении стран-участниц БРИКС.

Было установлено, что изменения в глобальной энергетической системе, которые оказывают воздействие на экономики Российской Федерации, Бразилии, Китайской Народной Республики, Индии, Южно-Африканской Республики, являются ключевыми факторами для осуществления деятельности БРИКС по поиску новых форм взаимодействия для поддержания государственной энергетической безопасности.

В ходе комплексного анализа государственных энергетических стратегий и настоящего состояния топливно-энергетических комплексов Российской Федерации, Бразилии, Китайской Народной Республики, Индии, Южно-Африканской Республики были рассмотрены факторы их многостороннего энергетического сотрудничества.

В зависимости от характера влияния на развитие взаимоотношений их можно разделить на те, которые стимулируют, и те, которые сдерживают.

Первая категория включает в себя высокий уровень государственного контроля теплоэнергетических комплексов, приоритетность энергетической безопасности, низкий уровень энергоэффективности экономики; потребность в иностранных капиталовложениях; зависимость от иностранных технологий; зависимость от внешних рынков и взаимодополняемость экономик, устойчиво высокий внутренний спрос на энергоресурсы.

Вторая категория сдерживающих факторов содержит позиции государств в сфере глобальной энергетической системы, исторически сложившуюся зависимость от внешних рынков вне группы, потенциальную внутригрупповую конкуренцию, примером которой могут служить Китайская Народная

Республика и Индия, а также наличие альтернативных интеграционных процессов.

Определено, что совпадающие инструменты реализации государственной энергетической политики Российской Федерации, Бразилии, Индии, Китайской Народной Республики и Южно-Африканской Республики являются взаимовыгодными и наиболее перспективными областями сотрудничества.

Сравнительный анализ механизмов мониторинга энергетической безопасности стран – экспортеров и импортеров энергоресурсов, показателей и индексов устойчивости энергетического развития позволил сделать вывод о целесообразности применения глобального Индекса энергетической архитектуры ЕАРІ в качестве наиболее объективного метода оценки и анализа эффективности энергетической политики, проводимой как странами БРИКС в отдельности, так и в рамках всей группы [4, с.13].

В качестве основных преимуществ использования Индекса для анализа отдельных стран определена возможность оценки факторов эффективности функционирования национальной энергетической системы; проведения сравнительного анализа; выявления недостатков проводимой государственной энергетической политики; определения потенциальных направлений энергетического сотрудничества, имеющих наибольший вес для каждой из стран-участниц. В рамках всей группы Индекс позволяет дать оценку эффективности общего энергетического взаимодействия стран БРИКС, сравнить выгоду отдельных стран, получаемую от участия в объединении, а анализ индикаторов дает возможность охарактеризовать позицию той или иной страны с точки зрения ее конкурентных преимуществ, выявить взаимовыгодные сферы, сотрудничество в которых имеет перспективы развития в зависимости от использования тех или иных инструментов его реализации.

Список литературы:

1. «Дорожную карту» энергетического сотрудничества до 2025 года одобрили министры энергетики стран БРИКС <https://oilcapital.ru/news/markets/16-10-2020/dorozhnuyu-kartu-sotrudnichestva-do-2025-odobrili-ministry-energetiki-briks> (дата обращения: 16.10.2020).
2. Крылова А. В., Дерменжи М. И. Прогнозирование мирового потребления топливно-энергетических ресурсов на примере сотрудничества стран БРИКС. Научные записки ОрелГИЭТ. 2016. № 5 (17). С. 34-39.
3. Пискулова Н. А. Экономические аспекты энергетической безопасности стран БРИКС: дис. д-р. экон. наук: 08.00.14. - М., 2017. - 228 с.
4. Рязанова М. О. Экономические аспекты энергетической безопасности стран БРИКС: автореферат дис. ... канд. эконом. наук: 08.00.14: Моск. гос. ин-т. междунар. отношений. М., 2017. 21 с.
5. Сайт <https://www.pnp.ru/politics/v-mid-zayavili-chto-moskva-gotova-rabotat-v-ramkakh-shos-i-briks.html> (дата обращения: 12.03.2022).
6. Состояние и перспективы энергетического сотрудничества России и стран БРИКС <https://russiancouncil.ru/blogs/semelianova/sostoyanie-i-perspektivy-energeticheskogo-sotrudnichestva-rossii-i-str/> (дата обращения: 16.06.2020).
7. «Пятерка» БРИКС отработала на пять <https://energypolicy.ru/pyaterka-briks-otrabotala-na-pyat/regiony/2020/14/23/> (дата обращения: 01.04.2021).
8. Состояние и перспективы энергетического сотрудничества России и стран БРИКС <https://russiancouncil.ru/blogs/semelianova/sostoyanie-i-perspektivy-energeticheskogo-sotrudnichestva-rossii-i-str/> (дата обращения: 16.10.2020).

Козюлин Вадим Борисович,

кандидат политических наук, заведующий Центром глобальных исследований и международных отношений Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России, профессор Академии военных наук.
E-mail: v.kozyulin@dipacademy.ru

Vadim B.Kozyulin,

Ph.D. (Political Science), Head of the Center for Global Studies & International Relations of the Institute of Contemporary International Studies of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Professor of the Academy of Military Sciences.
E-mail: v.kozyulin@dipacademy.ru

К ДИСКУССИИ О МЕЖДУНАРОДНОМ РЕГУЛИРОВАНИИ СМЕРТОНОСНЫХ АВТОНОМНЫХ СИСТЕМ

TOWARD DISCUSSION ON INTERNATIONAL REGULATION OF LETHAL AUTONOMOUS SYSTEMS

Аннотация. Способность смертоносных автономных систем (САС) соблюдать международное гуманитарное право (МГП) стала предметом дискуссий на площадке ООН. Ряд стран и международных неправительственных организаций настаивают на полном запрете САС. Другие государства, включая Россию, считают, что перспективные автономные системы будут способны лучше человека соблюдать принципы МГП. При этом все государства – участники ООН солидарны в том, что ответственность за действия автономных вооружений должны нести люди.

Развитие военных технологий ведет к автоматизации и автономизации боевых действий, сокращению роли человека на поле боя. В этих условиях Россия выступает за то, чтобы перспективные военные системы оставались подконтрольны человеку, использовались со строгим соблюдением МГП и обеспечивали возможность определения лица, ответственного за их действия.

Abstract. The ability of Lethal Autonomous Weapons Systems (LAWS) to comply with International Humanitarian Law (IHL) has been the subject of debate at the UN. A number of countries and international non-governmental organizations are

pushing for a complete ban on LAWS. Other states, including Russia, believe that advanced autonomous systems will be better able than a person to comply with the principles of IHL. At the same time, all UN member states agree that people should be held responsible for the actions of autonomous weapons.

The development of military technologies leads to the automation and autonomization of combat operations, reducing the role of man on the battlefield. Under these conditions, Russia advocates that advanced military systems remain under human control, be used with strict observance of IHL and provide for attribution of their actions.

Ключевые слова: смертоносные автономные системы, искусственный интеллект, международное гуманитарное право, военный интернет вещей, интернет вещей на поле боя, взаимодействие «человек-машина», контроль со стороны человека, сетцентрические боевые действия.

Key words: Lethal Autonomous Weapons Systems, Artificial Intelligence, International Humanitarian Law, Internet of Military Things (IoMT), Internet of Battlefield Things (IoBT), human-machine interaction, human control, Network-Centric Warfare.

21 декабря 2016 года 5-я Обзорная конференция Конвенции по «негуманному» оружию (КНО) приняла решение сформировать Группу правительственных экспертов (ГПЭ) с полномочиями «изучить и согласовать возможные рекомендации в отношении вариантов, связанных с новыми технологиями в области смертоносных автономных систем (САС)».

Проблема оказалась не так проста, как могла показаться. Государства-участники КНО провели немало встреч на различных уровнях, но не смогли даже согласовать ключевые понятия: смертоносные автономные системы, автономность, контроль со стороны человека, взаимодействие человека и машины. Сложной оказалась задача определить необходимый уровень человеческого участия в принятии решения о применении оружия, попытки найти способы верификации такого контроля были безуспешны.

Для облегчения дискуссии участники условились исходить из того, что на настоящий момент действующих, принятых на вооружение САС еще не существует, а вооружения с автономными функциями (например, барражирующие боеприпасы или автоматические сторожевые турели, системы ПВО и системы активной защиты) согласились считать прототипами или «прекурсорами» смертоносных автономных систем.

В 2019 году ГПЭ согласовала 11 руководящих принципов относительно САС, которые среди прочего подтверждали, что ответственность человека за решения о применении оружейных систем должна быть сохранена, а взаимодействие человека и машины должно осуществляться в соответствии с нормами международного гуманитарного права (МГП) [1].

В связи с пандемией Covid-19 обсуждение САС в очном формате приостановлено, но регулярные вебинары на региональном и международном уровнях свидетельствуют о том, что подготовка к решающим дебатам активно ведется.

Инициативная группа государств и неправительственных организаций настаивает на принятии полного превентивного международного запрета САС. Главный аргумент сторонников полного запрета состоит в том, что автономные вооружения будут не в состоянии соблюдать положения МГП, а именно не смогут различать комбатантов и гражданских лиц, будут не способны оценить угрозу и соизмерить силу ответного удара, станут причинять ущерб гражданским объектам и гражданскому населению.

Некоторые страны в КНО, в том числе Россия, придерживаются иной точки зрения и видят в автономных системах потенциал для более точного соблюдения международного гуманитарного права на фоне психологических проблем, которые испытывает человек на поле боя.

Признавая, что «ограничения и принципы, вытекающие из МГП, действуют в отношении всех без исключения видов вооружений, включая САС», Россия тем не менее делает несколько важных уточнений:

- технологии САС могут существенно снизить негативные последствия использования оружия в контексте МГП, связанные с ошибками оператора, его психическим и физиологическим состоянием, нравственными, религиозными, моральными установками;
- они могут уменьшить вероятность непреднамеренного нанесения ударов по гражданскому населению и гражданским объектам;
- высокий уровень автономности способствует сокращению негативных последствий применения таких систем вооружений, связанных с издержками «человеческого фактора», и позволяет подобным системам действовать в динамичной боевой обстановке и в различной среде, обеспечивая при этом надлежащую степень избирательности и точности, а как следствие, их соответствие принципам и нормам МГП [2].

Анализируя проводимую западными неправительственными организациями кампанию, российская сторона опасается повторения ситуации, которая сложилась при принятии Конвенции по кассетным боеприпасам в 2008 году. Тогда под запрет попали вооружения российского образца, а для «кассетников» стандарта НАТО были сделаны исключения. Именно это имел в виду заместитель главы делегации Российской Федерации К. Воронцов, предостерегая на Тематических дебатах в Первом комитете 76-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН от разделения оружия на категории «приемлемого» и «неприемлемого» [3].

Соединенные Штаты также не поддерживают запрет САС. В Пентагоне считают, что новые технологии в области САС будут способствовать соблюдению МГП за счет:

- снижения риска причинения ущерба гражданскому населению;
- облегчения расследования инцидентов, связанных с потенциальными нарушениями МГП;
- повышения способности осуществлять корректирующие действия;

- автоматического генерирования информации о нераззорвавшихся боеприпасах [4].

Практические соображения и чисто технические причины заставляют военные ведомства ведущих государств сомневаться в самой возможности не только запрета, но и регулирования САС. Вот некоторые из них:

- Испытания дистанционно управляемых наземных роботов в ряде стран показали, что эффективная дальность радиосвязи с оператором не превышает 2-5 км. В автономном режиме наземный робот будет способен действовать на удалении до 500 км. Ограниченная радиосвязь становится техническим препятствием, заставляющим военных разрабатывать абсолютно автономные режимы использования САС.

- Современные боевые действия предусматривают активное применение средств радиоэлектронной борьбы (РЭБ) для подавления или изменения качества управления, связи и разведки противника. Радиоэлектронное подавление считается одним из эффективных средств борьбы с автономными системами. У разработчиков нет универсального решения для сохранения контроля над дистанционно управляемым боевым роботом, подвергшимся РЭБ-атаке. Возможные сценарии для потерявшего связь дрона таковы:

- попытаться выйти в район с устойчивой связью;
- вернуться «на базу»;
- остаться на месте до получения указаний;
- перейти в автономный режим.

С точки зрения военных, автономный режим должен быть предусмотрен, по крайней мере, как вариант «на крайний случай».

Верификация САС представляется технически сложной, хотя не невозможной задачей. Видеоролики в интернете подтверждают, что применение высокоточных боеприпасов может фиксироваться: оператор осуществляет видеозапись, которая будет храниться в архиве министерства обороны. Такие

материалы могли бы служить подтверждением того, что оператор сохранял контроль над беспилотным аппаратом при осуществлении атаки.

Однако для большинства передовых армий мира соображения секретности будут превалировать при рассмотрении верификационных мер. Верификационные механизмы неизбежно начнут вторгаться не только в организационные механизмы воинских подразделений, но также в техническое устройство и программное обеспечение новейших вооружений. Кроме того, верификационные меры по контролю над САС будет нетрудно обойти, ведь, в конце концов, вся разница между автономным и дистанционно управляемым аппаратом скрыта в программном обеспечении, которое, в отличие от «бронепоезда на запасном пути», легко утаить.

Уроки конфликта в Нагорном Карабахе

В реальных военных действиях «человеческий фактор» проявляет себя не лучшим образом. В своем интервью Интерфаксу президент Международного комитета Красного Креста Петер Маурер отметил: «Я не видел за восемь лет во главе МККК, и организация не видела за 157 лет существования, войны, которая бы не сопровождалась нарушениями Женевских конвенций и международного гуманитарного права» [5].

В ходе военного конфликта в Нагорном Карабахе в конце 2020 года были зафиксированы многочисленные нарушения. Тем не менее конфликт показал, что использование беспилотных аппаратов приводит к нарушению МПП реже, чем применение менее современного оружия. Факты, запротоколированные организациями МККК, Amnesty International, Human Rights Watch, Halo Trust и Factcheck.kz, указывают, что нарушения международного гуманитарного права в конфликте осуществлялись с использованием следующих вооружений [6]:

- тяжелая артиллерия (122-мм и 152-мм орудия);
- советские 122-мм РСЗО БМ-21 «Град»;
- 300-мм реактивные снаряды 9М55К с кассетной головной частью российской РСЗО 9М58 «Смерч»;

- кассетные боеприпасы M095 DPICM (Dual-Purpose Improved Conventional Munition) для 160-мм РСЗО израильского производства LAR-160;
- авиационные бомбы;
- баллистические ракеты Р-17 ракетного комплекса оперативно-тактического назначения 9K72 «Эльбрус» (SS-1c Scud B).

При этом в докладах нет ни одного упоминания использования автономных вооружений в нарушение МГП. В интернете можно найти десятки видеосюжетов, фиксирующих удары беспилотников по системам ПВО, бронетехнике и даже живой силе, однако ни одна из упомянутых организаций не посчитала, что атаки дронов нарушили международное гуманитарное право или права человека.

Беспилотные системы (следует признать, что не полностью автономные) не просто продемонстрировали способность выполнить боевую задачу с соблюдением МГП, но практически в эфире продемонстрировали наличие контроля со стороны человека, а также потенциальную возможность атрибуции (идентификации) ответственного за нанесенный ущерб.

При практическом анализе принципов МГП становится очевидным, что международное законодательство требует от военачальников наличия механических навыков и математических способностей, свойственных нейронным сетям:

- распознавание образов;
- способность отличить военных от гражданских лиц;
- умение различать военные и гражданские объекты;
- знание технических характеристик собственных вооружений;
- знание возможностей вооружений противника;
- умение просчитать оборонительные действия противника и их боевую эффективность;
- способность рассчитать минимальные силы и средства, необходимые для достижения военных целей;

- умение определить способ нанесения минимального ущерба гражданским лицам и объектам при выполнении боевой задачи.

Для этого командиры должны обладать глубокими знаниями, аналитическими и арифметическими навыками, иными словами, обширной базой данных, высокой вычислительной мощностью и способностью к обработке «больших данных». То есть именно тем, чем владеют нейронные сети, или искусственный интеллект. Сам принцип соразмерности (или в английском варианте – *proportionality*) указывает на математическую основу правил ведения войны.

Исходя из этого, американская Комиссия национальной безопасности по искусственному интеллекту призвала администрацию Байдена пересмотреть американские подходы по САС и выступить против их регулирования [7].

Ценность человеческого достоинства остается весомым аргументом в пользу запрета или строгого ограничения САС. Но политическая и военная напряженность в международных отношениях, дефицит доверия не позволяют надеяться на взаимопонимание в такой чувствительной сфере, как регулирование САС. Возможно, приемлемой альтернативой полному запрету САС могла бы стать политическая декларация, участники которой взяли бы обязательства придерживаться сохранения человеческого контроля над беспилотными ударными системами.

Однако «военный интернет вещей», вероятно, будет технологией, которая лишит смысла саму дискуссию по САС.

«Военный интернет вещей» против человеческого фактора на поле боя

Развертывание «военного интернета вещей» (Internet of Military Things (IoMT)) или «интернета вещей на поле боя» (Internet of Battlefield Things (IoBT)) подразумевает разработку и принятие на вооружение сети датчиков, носимых и других устройств, которые с помощью технологии связи 5G с использованием облачных хранилищ и периферийных вычислений будут находиться на постоянной сетевой связи.

Тесно связанные с технологией передачи данных 5G, «военный интернет вещей» и военные облачные хранилища станут важными компонентами сетецентрической архитектуры, которая еще только формируется. Например, американская версия 5G проходит тестирование на четырех военных базах [8].

По мнению американских аналитиков, количество датчиков «военного интернета вещей» на квадратный километр поля боя может составить до миллиона единиц (с учетом военного и гражданского оборудования). Количество узлов связи армейской бригады в будущем увеличится на несколько порядков, и сложность управления военной машиной возрастет многократно [9]. Современные способы связи и управления претерпят глубокие изменения, поскольку основными генераторами и получателями сообщений станут не люди, а «вещи». Датчики будут обмениваться информацией между собой и на основе алгоритмов ИИ принимать решения о необходимости определенных действий: смены позиции, доставки боеприпасов и комплектующих и пр. Человек будет включен в информационную сеть, но, по сути, будет представлять собой одну из «интеллектуальных вещей». Некоторые решения будут приниматься без его участия, причем количество таких решений будет возрастать по мере увеличения способностей ИИ-алгоритмов.

Важно отметить, что собственные сети «военного интернета вещей», как и сети союзников, не будут изолированы от сетей противника и третьих сторон. Подобно современному интернету, «военный интернет вещей» также будет единым пространством для всех сторон включая противника, то есть будет доступен для многочисленных средств противодействия. Всеобщая сетевая связь и искусственный интеллект создадут новые возможности как для междоменных атак, так и для защиты от них.

Поле боя будущего будет наполнено различными новыми средствами поражения, в том числе кинетическими средствами, вооружением направленной энергии, средствами подавления радиочастотных каналов и разрушения волоконно-оптических каналов, средствами, направленными на уничтожение источников питания для перспективных средств связи и управления и элементов

«военного интернета вещей». Получат развитие средства электронного нападения непосредственно на датчики IoT или IoVT, электронного перехвата и подслушивания, электронные и кибер-средства для внедрения вредоносных программ в сети противника.

Важным способом военного противоборства станет искажение данных в сетях противника или перехват управления его активами. Вся информация потребует шифрования, а также постоянной перепроверки, например, с помощью технологии блокчейн.

Такой сценарий развития новых военных технологий приведет к ситуации, когда человек утратит возможность управлять силами в случае конфликта, поскольку оценка большого объема информации и скорость изменения ситуации в реальном и, что еще сложнее, в виртуальном пространстве будет требовать от военных способностей, которыми человек не обладает.

Более того, человек окажется самым уязвимым звеном военной машины еще и по той причине, что появятся средства противодействия, направленные на человеческое сознание, нацеленные именно на обман «разумных существ», наиболее восприимчивых к обману. Так, противник будет вводить в заблуждение путем использования злонамеренных программ для формирования недоверия к поступившей информации, к ее интерпретации ИИ-алгоритмами. На каком-то этапе возникнет ситуация, когда роль человека будет сведена к минимуму, и «интеллектуальные вещи» (компоненты «военного интернета вещей») будут противоборствовать непосредственно с «интеллектуальными вещами» противника. «Интернет военных вещей» будет регулировать себя сам в автономном режиме. Человек будет только направлять на его действия на уровне намерений. Развитие технологий ведет к полной автономности системы «интернета военных вещей».

Формирование сетевых систем только начинается в наиболее продвинутых в технологическом и военном отношении государствах. Симбиоз аналитических и командных программ на основе нейронных сетей повышает вероятность того, что в модели взаимодействия «человек-машина» (human-

machine interaction) для человека останется слишком мало места. Вероятно, человек постепенно будет утрачивать контроль над ситуацией, все больше полагаясь на анализ и прогнозы ИИ, в том числе и по той причине, что человеческий язык может стать неудобным инструментом для общения с машиной.

Цейтнот при принятии решений на стратегическом уровне может привести к тому, что оценка национальных угроз и применение стратегических вооружений будут также автоматизированы и переданы на аутсорсинг командно-аналитическим системам с использованием искусственного интеллекта. Это может оказаться вынужденной мерой, на которую человеку придется пойти с учетом ограниченных человеческих способностей и постоянно расширяющихся возможностей искусственного интеллекта.

В этих условиях важно обеспечить, чтобы перспективные военные системы действовали с соблюдением международного гуманитарного права, оставались подконтрольны человеку и сохраняли возможность определить лицо, ответственное за их действия.

Список литературы:

1. Доклад сессии 2019 года Группы правительственных экспертов по вопросам, касающимся новых технологий в сфере создания смертоносных автономных систем вооружений, Группа правительственных экспертов по вопросам, касающимся новых технологий в сфере создания смертоносных автономных систем вооружений, Женева, 25–29 марта 2019 года и 20–21 августа 2019 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/CCW/GGE.1/2019/3> (дата обращения: 26.02.2022)

2. Документ Российской Федерации «Соображения к докладу Группы правительственных экспертов государств-участников Конвенции о «негуманном» оружии по смертоносным автономным системам вооружений по итогам работы в 2017-2021 гг.» <https://documents.unoda.org/wp-55>

content/uploads/2021/06/Russian-Federation_RUS1.pdf (дата обращения: 26.02.2022)

3. Statement by Deputy Head of delegation of the Russian Federation K.Vorontsov in the First Committee of the 76th Session of the UN General Assembly at the Thematic Debate on «Conventional Weapons», 13 October 2021, 2021 [Электронный ресурс] // URL: <https://russiaun.ru/en/news/1comcw13102021> (дата обращения: 25.02.2022)

4. Humanitarian benefits of emerging technologies in the area of lethal autonomous weapon systems, Submitted by the United States of America, Geneva, 9 - 13 April 2018. CCW/GGE.1/2018/WP.4 [Электронный ресурс] // URL <https://undocs.org/pdf?symbol=en/CCW/GGE.1/2018/WP.4> (дата обращения: 26.02.2022)

5. Президент МККК: гуманитарный кризис в Нагорном Карабахе длится уже 28 лет, Интерфакс, 17 ноября 2020 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.interfax.ru/interview/737420> (дата обращения: 26.02.2022)

6. Станет ли дрон гуманнее человека, Вадим Козюлин, НВО, 01 апреля 2021 г. [Электронный ресурс] // URL: https://nvo.ng.ru/concepts/2021-04-01/6_1135_drone.html?print=Y (дата обращения: 26.02.2022)

7. Big Tech is fueling an AI "arms race": It could be terrifying — or just a giant scam, Jun Skolnik, March 16, 2021. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.salon.com/2021/03/16/big-tech-is-fueling-an-ai-arms-race-it-could-be-terrifying--or-just-a-giant-scam> (дата обращения: 26.02.2022)

8. DARPA wants commanding robots to work like a video game, November 02, 2020. [Электронный ресурс] // URL: <https://reader.defensenews.com/2020/02/11/darpa-wants-commanding-robots-to-work-like-a-video-game/content.htm> (дата обращения: 26.02.2022)

9. По результатам конференции Internet of Battlefield Things, Defense IQ, 3 марта 2021 г.

Шангараев Руслан Насимович,
кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного управления
во внешнеполитической деятельности Дипломатической академии МИД
России.
E-mail: shang143@mail.ru

Кашина Анна Анатольевна,
кандидат политических наук, старший преподаватель
кафедры восточных языков Дипломатической академии МИД России.
E-mail: kash_anechka@mail.ru

Ruslan N. Shangaraev,
Ph.D. (Economics), Associate Professor
of the Department of Public Administration in Foreign Policy,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.
E-mail: shang143@mail.ru

Anna A. Kashina,
Ph.D. (Political Science), Assistant Professor
of the Department of Oriental languages,
Diplomatic academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.
E-mail: kash_anechka@mail.ru

СУДАН КАК ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ СОЮЗНИК РОССИИ В АФРИКЕ

SUDAN AS RUSSIAN GEOPOLITICAL ALLY IN AFRICA

Аннотация. Москва продолжает рассматривать вопрос создания пункта материально-технического обеспечения Военно-морского флота на территории Судана. Сейчас у России уже есть один пункт материально-технического обеспечения на Средиземном море в сирийском Тартусе. Появление аналогичной базы в Красном море заметно усилит российские позиции в регионе. Более того, эта база может стать гарантом региональной стабильности и, несомненно, повлияет на возможности доминирования здесь США. На протяжении многих лет Судан, который США и другие западные державы рассматривали как страну-изгоя, естественным образом оказался в более тесном партнерстве с Россией. Однако укрепление этого партнерства — залог успеха

договоренностей о строительстве военной базы — потребует от Москвы значительных усилий.

Abstract. Moscow is considering the creation of a logistics center (PMTO) for the Navy in Sudan. Russia now has one logistics center on the Mediterranean in Tartus, Syria. The appearance of a similar base in the Red Sea will significantly strengthen Russia's position in the region. Moreover, the base can become a guarantor of regional stability and will undoubtedly influence the US plans to dominate here. Sudan that was long considered by the West a kind of failed state is naturally inclining to cooperation with Russia. Meanwhile this will require considerable efforts from Moscow.

Ключевые слова: Россия, Судан, Африка, Красное море, пункт материально-технического обеспечения, военная база, ВМФ России.

Key words: Russia, Sudan, Africa, Red Sea, logistics station, military base, Russian Navy.

Исторические аспекты интересов России в Судане

Судан оказался в «зоне интересов» Советского Союза, как только между двумя странами в 1956 г. были установлены дипломатические отношения. Пятью годами позже страны обменялись визитами на высшем уровне — СССР посетил президент Судана Эль-Ферик Ибрахим Аббуд, а Судан — формальный глава Советского государства, председатель Президиума Верховного Совета СССР Леонид Брежнев. Советский Союз поставлял в Судан оружие и гражданскую технику, количество военных советников в отдельные годы достигало, по некоторым данным, 2 тыс чел.

Пик советско-суданских отношений пришелся на 1969–1971 гг., когда новый глава Судана Джафар Мухеммед Нимейри провозгласил курс на социализм. В этот короткий период двустороннее сотрудничество развивалось в сфере производства. К 1973 г., когда в Судане в целом завершилось освоение производственных мощностей, предприятия, созданные при содействии СССР, занимали ведущие и даже монопольные позиции в производстве некоторых видов продукции и услуг, в частности сухого молока и лука, от 60 до 80%

консервированных овощей и фруктов. Элеваторы, построенные при советском участии в городах Гедареф и Порт-Судан, в конце 1960-х гг. являлись крупнейшими на Африканском континенте. Многие объекты сотрудничества положили начало развитию соответствующих отраслей суданской промышленности и инфраструктуры [1, с. 208-209]. Однако попытка государственного переворота в 1971 г., организованного Суданской коммунистической партией, привела к охлаждению отношений между Хартумом и Москвой.

Со второй половины 1970-х гг. отношения с Советским Союзом, а затем Россией были фактически заморожены. В 1977 г. все советские военные советники покинули Судан, а ещё через несколько лет Нимейри (переориентировавший к тому времени государственную идеологию с марксизма на исламизм) открыто поддерживал моджахедов в Афганистане. После свержения Нимейри в 1985 г. двусторонние отношения вновь стали постепенно налаживаться. В частности, российские предприятия к концу 1990-х гг. стали прилагать усилия, чтобы обеспечить себе участие в строительстве нефтепровода по центральным районам Судана от нефтепромыслов «Хеглиг» до нефтеперерабатывающего завода в г. Эль-Обейд. В январе 1998 г. в Москве было заключено межправительственное соглашение о торговле, экономическом и техническом сотрудничестве между Россией и Суданом. В начале апреля 1999 г. в Хартум с визитом направилась российская парламентская делегация, после чего стороны подписали Меморандум о межпарламентском сотрудничестве.

В начале XXI в. двусторонние отношения характеризовались официальными источниками как союзнические. Судан проводил довольно лояльную России политику по ряду ключевых вопросов. Например, в 2014 г. Хартум поддержал Москву, проголосовав против резолюции ООН по Крыму. С 2010 г. действует Российско-суданский рабочий комитет высокого уровня в качестве главного механизма внешнеполитического взаимодействия и координации работы по развитию многопрофильного сотрудничества. В том же

году был образован Российско-Суданский деловой совет при ТПП России, при участии которого в марте 2020 г в Хартуме прошел первый бизнес-форум «Россия-Судан. Новые горизонты сотрудничества». Двусторонний товарооборот в 2020 г. достигал 374,4 млн долл., что выше показателя 2019 г. – 275,1 млн долл. При этом на экспорт товаров и услуг из России приходилось до 99,9% в его структуре, преимущественно состоящей из продовольствия и продукции сельского хозяйства. Основные экспортные статьи — злаки (пшеница и маслины – 74,4%), растительные и животные масла, жиры – 15,1%, фармацевтическая продукция – 2,24%, продукция полиграфической промышленности – 1,64 % [4]. В сентябре 2021 г. компания «Росгеология» заключила контракт на поиск золота в Судане и составление горно-металлогенических карт. Между двумя государствами не прерывается как экономическое, так и военно-техническое взаимодействие.

Преимущество дружественных и взаимовыгодных отношений между странами, вероятнее всего, сохранится и после переворота, совершенного в Судане 25 октября 2021 г. У президентского дворца в Хартуме несколько месяцев подряд не прекращались забастовки — демонстранты требовали немедленной отставки правительства во главе с Абдаллой Хамдуком и проведения внеочередных президентских и парламентских выборов. Воспользовавшись моментом, власть захватил глава Суверенного совета Судана, генерал сухопутных войск Абдель Фаттах аль-Бурхан, который ввел режим чрезвычайного положения, приказал заключить А. Хамдука под домашний арест, взять под стражу некоторых министров, а также распустить как Совет министров, так и Суверенный совет Судана. Столкновения гражданской оппозиции и людей в погонах на улицах Хартума завершились кровопролитием. Этот демарш Москва в отличие от Вашингтона не осудила напрямую, но ограничилась заявлением, что следит за ситуацией и настаивает на «инклюзивном диалоге», подчеркнув «недопустимость внешнего вмешательства» во внутренние дела Судана.

Реакция международного сообщества, ожидавшего мирного демократического перехода в Судане после «арабской весны» во главе с гражданскими, а не военными лидерами, была весьма резкой. США приняли решение о заморозке чрезвычайной помощи Судану (700 млн долл.), страны ЕС и МВФ пригрозили поступить аналогично, в ООН также осудили действия суданских военных, а в Африканском союзе временно приостановили членство Судана. Однако с учетом того, что США не прибегли к экономическим санкциям, а ряд государств региона, таких как Египет, Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты, воспринял суданский переворот молчаливо и без критики, генерал Абдель Фаттах аль-Бурхан, к слову, состоящий в добрых отношениях со своим тезкой, президентом Египта Абдель Фаттахом ас-Сиси, имеет шансы удержаться у власти, например, если выиграет выборы, которые дал обещание провести в июле 2023 г., и найдет сторонников в будущем правительстве технократов.

Российско-суданские переговоры о военной базе на Красном море

В районе Красного и Аравийского морей — Южном Йемене, Эфиопии, Сейшельских островах и Сомали — до распада СССР существовала разветвленная сеть советских военных баз. В декабре 2018 г. Минобороны Российской Федерации сообщило, что Россия имеет шесть зарубежных военных баз, пять из них располагается в странах ближнего зарубежья и лишь одна — в Сирии. В этом контексте вновь обсуждался вопрос о необходимости восстановления постоянного присутствия в Индийском океане, утраченного в постсоветские годы. Наличие военной базы не только в Средиземноморье, но и на Красном море сильно укрепило бы геополитические позиции Москвы, обеспечило бы стратегический контроль над Баб-эль-Мандебским проливом. Красное море связано со Средиземным через Суэцкий канал, и эта водная артерия является стратегической, поскольку по ней осуществляется около 12% мирового морского грузооборота. Она также служит кратчайшим путем при переходе боевых кораблей из Атлантики в Индийский и Тихий океаны [10]. За

счет расширения числа своих баз с геостратегической точки зрения РФ смогла бы усилить влияние отчасти в Африке, а также в арабском и исламском мире.

Первоначально предполагалось разместить будущую российскую военную базу либо в Джибути, где уже базировалось несколько иностранных военно-морских баз, включая американскую, китайскую и французскую, либо в Сомали, где в 1964–1977 гг. существовала советская военная база, считавшаяся «Стражем ворот в Красном море». Однако на тот момент договориться ни с Сомали, ни с Джибути России не удалось как по причине противодействия западных стран, так и в силу мирового финансового кризиса.

В 2017 г. появилась информация о том, что у России может быть создан пункт материально-технического обеспечения (ПМТО) в Судане. Эту идею выдвинул суданский президент Омар Хассан аль-Башир, который находился 22–23 ноября 2017 г. в России с официальным визитом. Во время переговоров на высшем уровне он предложил разместить российскую военную базу в Порт-Судане, на берегу Красного моря [17]. Между тем российскими экспертами это предложение сначала было встречено скептически. В первую очередь экспертное сообщество видело в проекте неизбежность высоких расходов при еще более высоких рисках внезапного его сворачивания в условиях нестабильной политической ситуации в этом африканском государстве. Кроме того, политическая стратегия президента Республики Судан аль-Башира состояла в поиске союзников для заключения договоренности о военной помощи в борьбе против США, которые якобы намеревались расколоть Судан на пять частей и провозгласить независимость каждой из них [16]. Тем более что, по словам аль-Башира, именно США способствовали отделению Южного Судана в 2011 г. Иными словами, Хартум рассчитывал снискать расположение Москвы и добиться такого же взаимодействия, как между Россией и Сирией, где Москва поддержала режим Башара Асада. Москва с ответом не спешила.

Тем временем в середине декабря 2018 г. развернувшиеся в Судане массовые протесты на фоне серьезного ухудшения экономической ситуации завершились отстранением от власти в апреле 2019 г. Омара аль-Башира,

правившего почти три десятилетия, с последующим признанием его диктатором и вынесением судебных приговоров. Власть в стране захватили военные. Временным исполняющим обязанности президента был назначен бывший министр обороны Авад Мухамед Ахмед ибн Ауф, занимавший ранее также пост первого вице-президента. В августе того же года его сменил Абдель Фаттах аль-Бурхан, возглавивший высший орган, взявший на себя исполнение обязанностей президента, — Суверенный совет Судана. Москва поддержала переворот 2019 г. и оказала дипломатическую защиту Переходному военному совету («предшественнику» Суверенного совета Судана). Российские власти де-факто способствовали заключению в августе 2019 г. соглашения между военным советом и оппозицией (в лице коалиции «Силы за свободу и перемены») о разделе власти. Национальный консенсус, казалось, положил конец конституционному кризису. С тех пор Москва придерживалась тактики балансирования, одновременно углубляя связи с военными Судана, и с гражданской оппозицией, которая внезапно, получив из рук военного совета под давлением Москвы часть власти, перестала быть прозападной [15].

После смены суданского режима соглашение о российской военной базе было подписано с суданской стороны уполномоченным представителем Переходного военного совета 23 июля 2019 г. в Хартуме, но ратификация откладывалась из-за отсутствия в стране органа законодательной власти, обладающего соответствующими полномочиями. Воспользовавшись заминкой в российско-суданских переговорах, вопрос о создании российской военной базы в октябре 2019 г. поднял президент Центральноафриканской Республики Фостен-Арканж Туадера, который заявил: «Мы продолжаем работать с Министерством обороны ЦАР и Министерством обороны РФ над этим вопросом, чтобы изучить возможности». Туадера также отметил, что ЦАР заинтересована в поставках российских вооружений и рассчитывает получить новые партии оружия [14]. Москва Туадеру не отказала, но, видимо, продолжила делать ставку на диалог с Суданом.

Спустя почти год, после того как проект соглашения о создании в Красном море пункта материально-технического обеспечения российского ВМФ был представлен Министерством обороны РФ, согласован с МИД РФ, Верховным судом, Генпрокуратурой и Следственным комитетом РФ, а также предварительно проработан с суданской стороной [7], Россия наконец подписала его 1 декабря 2020 г.

Согласно тексту соглашения его срок рассчитан на 25 лет с условием возможного автоматического продления на 10 лет при отсутствии возражений у обеих сторон [11]. Судя по данным Приложения к постановлению правительства о сооружении ПМТО, базу планируют создать в границах города Порт-Судан. Деятельность этой базы будет осуществляться «с соблюдением норм и требований экологической безопасности, установленных законодательством РФ». Руководство ПМТО обязуется «принимать все возможные меры по предотвращению ущерба населению, природным ресурсам, культурным и историческим ценностям Судана» [12]. Стоит отметить, что согласно официальной позиции нахождение на территории Судана российского пункта нужно для «поддержания мира и стабильности в регионе», это решение «носит оборонительный характер и не направлено против других государств» [18].

Соглашение предполагает, что Судан безвозмездно предоставит землю для российской базы. В пункте базирования ВМФ Россия сможет разместить не больше четырех кораблей, в том числе с ядерной энергетической установкой. Количество военных на базе не должно превышать 300 человек. Также Россия по соглашению получит право ввозить и вывозить через морские порты и аэродромы Судана «любое вооружение, боеприпасы, оборудование», необходимые для работы базы и «для выполнения задач военными кораблями». В соответствии с документом Судан не будет взимать сборы и пошлины за ввоз и вывоз. Соглашение устанавливает, что военные корабли РФ на базе в Судане неприкосновенны, они обладают иммунитетом от досмотра, обыска и ареста [13].

Предстоит дождаться ратификации соглашения с обеих сторон. В начале июня 2021 г. начальник генштаба Судана Мохаммед Осман аль-Хусейн сообщил о необходимости пересмотреть соглашение по военно-морской базе с РФ, намекая то ли на возможную корректировку текста или его модификацию, то ли на отказ от ратификации в принципе. Некоторые источники указывали, что Судан категорически не устраивает пункт договора, где говорится о запрете давать разрешение другим государствам на строительство военных баз в течение 25 лет с момента строительства российской [10]. Однако, вопреки заявлениям СМИ, что соглашение о российской военной базе в Судане заморожено, премьер-министр Абдалла Хамдук опроверг эту информацию на пресс-конференции 16 августа 2021 г. в Хартуме, заверив, что подобные соглашения должны детально прорабатываться и тщательно согласовываться сторонами [9]. Со своей стороны российский МИД в августе 2021 г. подтвердил, что Судан не отозвал подпись под соглашением и остается поле для компромисса [8].

После октябрьского переворота в Судане на фоне общей дестабилизации в этой африканской стране переговорный процесс между Москвой и Хартумом скорее всего затянется, по крайней мере до тех пор, пока не будут организованы выборы органов исполнительно власти. Однако в любом случае какие бы силы ни возглавили Судан, будь то в результате переворота или выборов, Россия будет вести диалог с любым органом, обладающим достаточной степенью легитимности. Таким образом, общий курс и российско-суданские договоренности в отношении военной базы останутся константами.

Геополитическая обстановка и стратегические риски реализации проекта

Согласно планам России ПМТО прежде всего будет использоваться для проведения ремонта, пополнения запасов и отдыха членов экипажей российских военных кораблей. Опыт кампании в Сирии показал, насколько удобно иметь военно-морские и военно-воздушные базы на удалении. При проведении специальных мероприятий база — это место, где можно заправиться, получить боеприпасы и заменить личный состав. Более того, наличие базы, несомненно,

поможет наладить контроль за проходящими здесь транзитными потоками нефти, ведь через Баб-эль-Мандеб пролегает множество морских торговых путей и осуществляется транспортировка нефтепродуктов. Помимо поддержания безопасного коммерческого судоходства для России новая военная база потенциально станет «ключом» к Центральной Африке, где у нее также есть экономические и политические интересы.

Между тем сооружение военной базы на Красном море сопряжено для России с рядом рисков, которые нужно учитывать во избежание стратегических просчетов.

Во-первых, не стоит забывать, что африканский и арабский регионы являются политически нестабильными. Данное обстоятельство в полной мере относится и к Судану с его почти 40-миллионным населением. Эта страна многонациональная, многоконфессиональная, очень бедная, обладает весьма слабой инфраструктурой и сохраняет высокий уровень открытых и потенциальных угроз, в том числе террористических. В мировом рейтинге слабости государств (Fragile States Index) Судан располагается на 8-м месте из 179, следуя за Чадом (7-е место) и ЦАР (6-е место) и опережая Афганистан (9-е место) [2]. Агрегатный индекс свидетельствует о том, что суданские власти весьма слабо контролируют социально-экономическую ситуацию и целостность своей территории.

Во-вторых, создание военной базы на Красном море потребует миллиардов долларов как на ее сооружение, так и на содержание. Чтобы стать эффективной, такая база должна быть многокомпонентной и многофункциональной. Прежде всего, нужен аэродром со взлетно-посадочной полосой, а лучше полосами большой протяженности, чтобы на аэродроме могли базироваться не только истребители, но и самолеты противолодочной, разведывательной и транспортной авиации. В случае необходимости на нем должны обслуживаться и стратегические бомбардировщики дальней авиации ВКС РФ. Кроме того, необходим порт с доками для приема, ремонта и обслуживания кораблей и подводных лодок ВМФ РФ, часть которых будет приписана к базе постоянно или

на ротационной основе, а другая — следовать через нее транзитом. Нужны емкости для хранения ГСМ, склады ЗИП и боеприпасов [7].

В-третьих, можно не сомневаться, что появление российской базы в Судане вызовет настороженность Египта и, вероятно, Саудовской Аравии, которые считают Красное море своим «внутренним озером». Хотя королевство поддержало военных лидеров Судана, пришедших на смену режиму Омара аль-Башира, близость в этом вопросе позиций с Россией не означает, что оно перестало быть стратегическим союзником США, а Вашингтон, вероятнее всего, будет препятствовать расширению российского влияния. Расположение базы на побережье Красного моря также дает возможность вести наблюдение за происходящим на противоположном берегу, т.е. в Королевстве Саудовская Аравия. Египет расположен еще ближе, поэтому опасается использования российской военной базы в разведывательных целях.

Для российско-египетских связей вопрос российско-суданского сотрудничества довольно чувствительный. Отношения Египта и Судана омрачаются давними конфликтами, в числе которых укрывательство Суданом бежавших из Египта активистов группировки «Братья-мусульмане» (запрещена в РФ), неоднозначная позиция Судана в вопросе строительства эфиопской плотины «Возрождение» (Каир воспринимает ее в качестве угрозы национальной безопасности), а также пограничные споры (треугольник Халаиб) и др. Поэтому заметное наращивание военной помощи Судану будет воспринято болезненно. Москве же невыгодно идти на неоправданные риски, ведь Египет является крупным импортером российского вооружения и стратегическим партнером РФ в регионе.

Судану, вероятно, придется довольствоваться той ограниченной военно-технической помощью, которую Москва готова безвозмездно предоставить в рамках соглашения о базировании по «сирийскому варианту». Россия в случае, если ее попросит об этом Хартум, окажет республике содействие, в том числе в поисково-спасательных операциях и «противодиверсионном обеспечении». Это важный фактор с учетом того, что Хартум конфликтует не только с соседями, но

и постоянно борется с сепаратизмом, особенно на западе страны. Вместе с тем, по сведениям Стокгольмского института исследования проблем мира (SIPRI) [3, р. 21], которые подтверждаются данными российского министерства обороны, Судан более 20 лет являлся крупнейшим покупателем российского оружия в Африке южнее Сахары.

С другой стороны, Москва готова поддержать Хартум политически и экономически, даже если придется вести конкуренцию с США. Судан долгое время находился под американскими санкциями, но с октября 2020 г. был исключен из списка стран-спонсоров терроризма² после того, как выполнил все требования Вашингтона и выплатил семьям жертв террористических атак более 300 млн долл. в качестве компенсации. При этом с 2018 г. США, согласно закону CAATSA («О противодействии противникам Америки посредством санкций»), вводят санкции против компаний, организаций и физлиц из любой страны мира за признанные существенными сделки с предприятиями российского оборонного сектора [14]. На этом фоне у России явно расширяется поле для соперничества с Вашингтоном. Несмотря на первую неодобрительную реакцию США на суданский военный переворот 25 октября 2021 г., новая американская администрация в целом настроена на активную работу с Суданом, наладившего отношения с Израилем. Таким образом, создание российской военной базы однозначно сделает Судан ареной противостояния США, РФ, а также других крупных международных акторов вроде Китая, Ирана, Турции и др.

Кроме того, Россия как значимый игрок на рынке углеводородов, имеющий проекты в Судане, заинтересована в контроле над максимально возможным числом важных для этого рынка точек. Основная часть локальных нефтяных месторождений расположена в соседнем Южном Судане, но перспектива их разработки практически полностью зависит от Республики Судан, поскольку через ее территорию проходит единственный трубопровод, по

² Вашингтон обвинял Судан в помощи террористической группировке «Аль-Каида» (запрещена в России), организации взрывов у посольств США в Кении и Танзании в 1998 г., возлагал на суданцев ответственность за подрыв американского эсминца «Коул» в Адене в 2000 г.

которому южносуданская нефть может экспортироваться через нефтяной терминал Порт-Судан. Там же находятся и основные перерабатывающие мощности. В середине 2018 г. стало известно, что Республика Судан и Россия подписали соглашение о строительстве нефтеперерабатывающего завода (НПЗ), предположительно, в Порт-Судане [5] мощностью 400 тыс. баррелей в день, который должен полностью покрыть потребности страны и региона в нефтепродуктах. Но в силу осложнившейся политической и экономической обстановки официальных сообщений о ходе российско-суданского нефтяного проекта больше не поступало.

Заключение

Сооружение военной базы в Судане является стратегически значимым для Кремля проектом и при верных расчетах может принести экономические и политические выгоды. Однако воплощение этого проекта подразумевает масштабные ресурсные вложения, в том числе материально-технические, и преодоление конкуренции с другими мировыми игроками, претендующими на «суданский пирог» (Соединенными Штатами, Китаем, Ираном и Турцией). Процесс привлечения Хартума в орбиту геополитического влияния Москвы, независимо от того, как будут развиваться события на политической арене внутри этой страны, также требует осторожности, особенно в соблюдении стратегического баланса с другими региональными партнерами России. Затягивание Суданом ратификации соглашения о российской военной базе выдавало желание Хартума поторговаться и добиться от Москвы лучших для себя условий. После октябрьского военного переворота в Судане Москве придется взять паузу до тех пор, пока там не будут сформирована в должной мере легитимная исполнительная власть, с которой можно будет продолжить диалог, где российско-суданские договоренности в отношении военной базы останутся константами.

В целом интересы России в более тесном партнерстве с Хартумом выходят за рамки самого Судана. Повестка Москвы должна пониматься в контексте

российского видения укрепления своей роли в регионах Африканского Рога и Красного моря.

Список литературы:

1. Судан: справочник / под общ. ред. А. А. Ткаченко, Ю. М. Кобищанова и О. В. Левина. - М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000.
2. Fiertz N. Fragile States Index 2021 - Annual Report // The Fund for Peace. May 2021. P.7. URL: <https://fragilestatesindex.org/2021/05/20/fragile-states-index-2021-annual-report/> (дата обращения: 09.09.2021)
3. Connolly R., Sendstad C. Russia's Role as an Arms Exporter The Strategic and Economic Importance of Arms Exports for Russia. London: The Royal Institute of International Affairs, Chatham House, 2017. URL: <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/publications/research/2017-03-20-russia-arms-exporter-connolly-sendstad.pdf> (дата обращения: 12.10.2021)
4. https://sudan.mid.ru/ru/dvustoronnie_otnosheniya/
5. https://aif.ru/politics/world/protiv_chyornyh_del_v_krasnom_more_zachem_rossii_voennaya_baza_v_sudane
6. <https://www.rbc.ru/politics/19/11/2020/5fb431d29a7947b75f06e721>
7. <https://eadaaily.com/ru/news/2020/11/12/na-zapade-obsuzhdayut-namerenie-rossii-sozdat-voenno-morskuyu-bazu-v-sudane>
8. <https://www.interfax.ru/russia/77593>
<https://www.interfax.ru/russia/775938>
9. <https://www.altaghyeer.info/ar/2021/08/16/%D8%AD%D9%85%D8%AF%D9%88%D9%83-%D9%8A%D9%83%D8%B4%D9%81-%D9%85%D8%B9%D9%84%D9%88%D9%85%D8%A7%D8%AA-%D8%A8%D8%B4%D8%A3%D9%86-%D8%A7%D9%84%D9%82%D8%A7%D8%B9%D8%AF%D8%A9-%D8%A7%D9%84%D8%B1%D9%88%D8%B3/>.

10. <https://www.independentarabia.com/node/217651/%D8%B3%D9%8A%D8%A7%D8%B3%D8%A9/%D8%AA%D9%82%D8%A7%D8%B1%D9%8A%D8%B1/%D9%85%D8%A7-%D8%A3%D8%A8%D8%B9%D8%A7%D8%AF-%D8%AA%D8%AC%D9%85%D9%8A%D8%AF-%D8%A7%D9%84%D8%B3%D9%88%D8%AF%D8%A7%D9%86-%D8%A7%D9%84%D9%82%D8%A7%D8%B9%D8%AF%D8%A9-%D8%A7%D9%84%D8%B1%D9%88%D8%B3%D9%8A%D8%A9%D8%9F>
11. <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202011110016>).
12. (<https://www.newsru.com/world/11nov2020/basesudan.html>).
13. <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202011110016>
14. <https://www.rbc.ru/politics/16/11/2020/5fb2aab59a79471401c3e49f>
15. <https://regnum.ru/news/polit/2865738.html>).
16. <https://ria.ru/20171125/1509582197.html>
17. <https://rg.ru/2020/11/11/baza-rossijskogo-flota-mozhet-poiavitsia-v-sudane.html>
18. <https://www.bbc.com/russian/features-54965164>

Тузин Антон Михайлович,
соискатель ученой степени кандидата политических наук
Центра международной безопасности Национального исследовательского
института мировой экономики и международных отношений имени Е. М.
Примакова Российской академии наук.
E-mail: tantuan85@gmail.com

Anton M. Tuzin,
candidate of PhD in political sciences at the Center of International Security of
the National Research Institute of World Economy and International Relations named
under Y. M. Primakov of the Russian Academy of Sciences.
E-mail: tantuan85@gmail.com

ПОДХОД США К КОНТРОЛЮ НАД ОБЫЧНЫМИ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ В ЕВРОПЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

U.S. APPROACH TO CONTROL OVER CONVENTIONAL ARMED FORCES IN EUROPE AT THE PRESENT STAGE

Аннотация. Контроль над обычными вооруженными силами в Европе традиционно является крайне важным вопросом для Соединенных Штатов Америки. Причинами тому, с одной стороны, служит превалирование этих типов вооружений в арсеналах страны и ее союзников по блоку НАТО, невзирая на лидерство в ядерных и некоторых иных видах вооружений. С другой стороны, традиционно высокая для США значимость региона Европы как в силу глубоких исторических корней и взаимосвязей, так и сохраняющегося противоборства с главным противником в этой части света — Россией.

Abstract. Control over conventional armed forces in Europe is traditionally extremely important for the United States of America. The reasons for this, on the one hand are the prevalence of the mentioned types of weapons in the arsenals of this state and its NATO bloc allies despite its leadership in nuclear and some other types of weapons. On the other hand, there is traditionally extremely high importance of the region of Europe for the United States both because of the deep historical roots and relationships as well as continuing confrontation with the main counterpart in this region of the world — Russia.

Ключевые слова: ДОВСЕ, Венский документ 2011 года, обычные вооружения, Договор по открытому небу, США, Россия, НАТО, Стратегия национальной безопасности США.

Key words: CFE Treaty, Vienna Document 2011, conventional weapons, Open Skies Treaty, USA, Russia, NATO, U.S. National Security Strategy.

Анализ текущих подходов США к контролю над обычными вооруженными силами в Европе, представляющими собой совокупность пяти категорий обычных наступательных вооружений — танков, боевых бронемашин, артиллерии калибра >100 мм, боевых самолетов и ударных вертолетов, а также личного состава, как он определен в Итоговом акте переговоров о численности личного состава обычных вооруженных сил в Европе от 10 июля 1992 г. (ДОВСЕ-1А), можно осуществлять как минимум с двух позиций: с точки зрения их изложения в системе американских доктринальных документов в области внешней политики и обороны, так и в рамках анализа американских национальных подходов к системе международных договоров по контролю над обычными вооруженными силами в Европе.

Обращают на себя внимание две «философии» в отношении контроля над обычными вооружениями — «жесткий» (количественно-регулятивный) и «мягкий» (информационно-верификационный) подходы. Каждый из них, в свою очередь, представлен тем или иным юридически обязывающим или политическим международным договором либо их группами. «Жесткий» подход обусловлен юридически обязывающим Договором об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) от 19 ноября 1990 г. «Мягкий» — политически обязывающими ДОВСЕ-1А, Венским документом 2011 года мер доверия и безопасности (ВД-2011) от 30 ноября 2011 г. и Договором по открытому небу от 24 марта 1992 г.

Система американских доктринальных документов в области обороны состоит из Стратегии национальной безопасности, Национальной оборонной стратегии и Национальной военной стратегии. Уточняют и расширяют их

положения Четырехгодичные оборонные обзоры, концепции применения видов ВС и др. [1]. Основным документом текущей внешней политики Соединенных Штатов является «Объединенный стратегический план Государственного департамента и Агентства по международному развитию на 2018-2022 годы» [2].

Наиболее всеобъемлющим из документов стратегического планирования является Стратегия национальной безопасности США. Она разрабатывается Советом по национальной безопасности при непосредственном участии президента. Данный документ определяет основные подходы к использованию дипломатической, экономической и информационной мощи страны совместно со своими ВС в мирное и военное время [1]. В действующей на настоящий момент редакции данного стратегического документа 2017 года, принятой в эпоху президента Д. Трампа, утверждается, что «американские преимущества сокращаются по мере того, как «ревизионистские государства» наращивают свои обычные [вооруженные – А. Тузин] силы» [3]. В этой связи Министерству обороны США поручается «разработать новые оперативные концепции и [наработать боевой – А. Тузин] потенциал с тем, чтобы побеждать без гарантированного преимущества <...> включая боевые действия против [противников], действующих ниже уровня конвенционального вооруженного конфликта» [3]. Важной особенностью действующей «Стратегии национальной безопасности США» в редакции 2017 г. применительно к проблематике контроля над обычными вооруженными силами в Европе следует считать также положение о том, что «хотя стратегии ядерного сдерживания не могут предотвратить все конфликты, они являются значимыми в части предотвращения <...> широкомасштабной конвенциональной агрессии» [3]. Это утверждение непосредственно пересекается с Военной доктриной РФ, утверждающей, что «ядерное оружие будет оставаться важным фактором предотвращения возникновения ядерных военных конфликтов и военных конфликтов с применением обычных средств поражения (крупномасштабной войны, региональной войны)» [4].

Применительно к комплексу международных договоров по контролю над обычными вооруженными силами в Европе, позиция США, анализ которой является целью настоящей статьи, неоднозначна и до определенной степени варьируется от документа к документу.

Наиважнейший из них — Договор об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) — соблюдается на основании заявлений американской стороны. США заявляют о том, что «вся их деятельность соответствует изложенным [в данном соглашении – А. Тузин] обязательствам» [5]. Это подтверждается также регулярными инспекциями американских обычных вооруженных сил в Европе со стороны прочих участников договора из числа ряда бывших союзных республик СССР, поскольку участники ДОВСЕ из стран НАТО, включая США, принципиально не проводят взаимных инспекций в рамках обязательств по данному соглашению. Однако «корень зла» кроется в связи с состоянием самого ДОВСЕ на текущий момент.

После распада в 1991 г. СССР и ликвидации Организации Варшавского договора система кольцевых географических подзон ограничения обычных наступательных вооружений, лежавшая в основе первоначально фактически межблокового по линии ОВД – НАТО соглашения (хотя официально и заключенного как межгосударственное), канула в Лету. К настоящему моменту реальное выполнение ДОВСЕ со стороны его участников, включая США, фактически свелось к выполнению условий, разрешенных Статьей VI (т.н. «правило достаточности»), а также политически обязывающим Ташкентским соглашением от 15 мая 1992 г. для участников из ряда союзных республик бывшего СССР национальных страновых лимитов наличия обычных вооружений в зоне применения ДОВСЕ от Атлантики до Уральских гор. Для США лимиты Статьи VI ДОВСЕ составляют «13 300 боевых танков, 20 000 боевых бронированных машин, 13 700 артиллерийских единиц, 5150 боевых самолетов и 1500 ударных вертолетов» [6].

Создававшийся на исходе холодной войны в конце 1980-х гг. и основывавшийся на логике межблокового противостояния, в ходе которой

пребывание войск НАТО на территории ОВД либо наоборот было немыслимым, ДОВСЕ не предусматривает территориальных количественных лимитов для обычных вооружений. Первично само присутствие последних на территории государства – участника соглашения, вне зависимости от национальной либо блоковой принадлежности. Поэтому фактическое сведение к настоящему моменту выполнения всего ДОВСЕ к лимитам «правила достаточности» и Ташкентского соглашения крайне выгодно как для блока НАТО, так и непосредственно для экстерриториальных по естественным причинам обычных вооруженных сил США в Европе.

Обычные вооруженные силы прочих государств-участников ДОВСЕ из числа стран НАТО в упомянутых условиях могут фактически беспрепятственно перемещаться по существенно расширившейся с 1999 г. территории альянса, а также за ее пределами. Для этого необходимо лишь наличие соответствующих межгосударственных соглашений с ненатовскими участниками ДОВСЕ — так работает формальный признак иностранности по отношению к национальным обычным вооружениям других участников. Представляется, что именно эти выгоды, а не формальные доводы о якобы имевшем место несоблюдении Россией так называемых политически обязывающих «Стамбульских обязательств» 1999 г. по выводу войск из Грузии и Молдовы, явились истинными причинами отказа парламентов натовских стран-участниц ДОВСЕ в ратификации в период 1999-2000 гг. варианта соглашения, подписанного в ноябре 1999 г. в Стамбуле и адаптированного к новым условиям постбиполярной Европы.

Ситуация дополнительно усугубляется неурегулированностью проблем с так называемыми «серыми зонами» в Прибалтике. Там США и другие страны НАТО практически неограниченно размещают свои обычные вооруженные силы. Кроме того, сказывается и отсутствие разъяснения термина «существенные боевые силы» в основополагающем акте Россия – НАТО 1997 г., которые в соответствии с упомянутым соглашением Альянс в одностороннем порядке обязался не размещать в зоне своей ответственности на дополнительной

постоянной основе [7]. При этом США продолжают активно критиковать Россию за продолжающий действовать с 2007 г. односторонний мораторий на выполнение условий ДОВСЕ с ее стороны, а также за выход из контрольно-регулятивного органа данного договора — Совместной консультативной группы по ДОВСЕ (СКГ) в марте 2015 г.

Политически обязывающее соглашение ДОВСЕ-1А (Итоговый акт переговоров по численности личного состава обычных вооруженных сил в Европе от 10 июля 1992 г.) соблюдается США в полном объеме. При лимите в 250 000 человек, установленном, судя по столь крупному количественному лимиту, все еще из реалий межблокового противостояния периода холодной войны, по состоянию на 2020 год совокупный контингент американских обычных вооруженных сил в Европе насчитывал 72 540 человек [8].

Еще более любопытна судьба Венского документа 2011 года о мерах укрепления доверия и безопасности. В его рамках ежегодно осуществляются обмен военной информацией, взаимные инспекции подпадающих под оговоренные в соглашении количественные критерии учений, посещения военных объектов обычных вооруженных сил государств-участников, предварительные уведомления об определенных видах военной деятельности и наблюдение за ними и т.д. Хотя в целом США соблюдают положения этого основополагающего соглашения в контексте «мягкого» (информационно-верификационного) подхода к контролю над обычными вооруженными силами в Европе, их отношение к данному международному акту остается весьма неоднозначным.

На протяжении последних шести лет (с конца 2015 г.) США рассматривают будущее Венского документа 2011 года в контексте ряда параллельных тенденций. С одной стороны, это «продолжающаяся агрессия России на Украине и вопиющее пренебрежение нормами международного права и фундаментальными принципами ОБСЕ, что привело к широкомасштабному ухудшению положения в сфере европейской безопасности» [9]. С другой стороны, претензии американских властей касаются отсутствия должных, по их

мнению, уведомлений о многочисленных учениях, прежде всего внезапных, активно проводящихся Россией с середины 2010-х гг. Формально не требующие уведомления, эти учения значительно превышали уведомительные «потолки» ВД-2011.

При этом официальная Москва неизменно утверждает, что превышение достигается за счет родов и видов вооруженных сил, не подпадающих под Венский документ-2011. Регламентируемая же часть задействованного в учениях контингента не превышала пороговых значений и потому не требовала присутствия сторонних наблюдателей. Однако в силу недопуска наблюдателей по указанным выше причинам проверить данные аргументы России на практике не представляется возможным.

Договор по открытому небу (ДОН) в 2021 году вступил в полосу затяжного кризиса (подписан 24 марта 1992 г. в Хельсинки, вступил в силу с 1 января 2002 г.). Его целями являются «развитие открытости и транспарентности, содействие наблюдению за выполнением соглашений в области контроля над вооружениями для расширения возможностей по предотвращению кризисов и регулирования кризисных ситуаций» [10]. Важнейшими из них в силу своего статуса, как в Евроатлантическом регионе в частности, так и в мире в целом, являлись Россия и США. Однако количество взаимных претензий ключевых участников договора в XXI веке стало неуклонно расти. По большей части они сводились к претензиям относительно взаимных затруднений либо полных запретов на пролеты российских или американских самолетов, наблюдения над теми или иными районами двух стран, в том числе пограничных с третьими государствами, не являющихся участниками договора. В этих условиях будущее Договора по открытому небу представляется крайне неопределенным.

Заключение

Действия современных Соединенных Штатов Америки в крайне важной для международной безопасности сфере контроля над обычными вооруженными силами в Европе, в отличие от эпохи окончания холодной войны на рубеже 1980-

х – 1990-х гг., все больше исходят из сугубо национальных, а не блоковых (применительно к союзникам по НАТО) интересов. Отказ учета позиции крупнейшего «незападного» актора региона — Российской Федерации, наряду со стремлением «подверстать» прочие государства постсоветского пространства как под американскую, так и «общезападную» парадигму действий в указанной сфере, несомненно, не будут способствовать выходу широкого инструментария конвенциональных договоров из затяжного кризиса.

Список литературы:

1. *Зайцев А. А., Зайцева Н. В.* Анализ важнейших современных концептуальных документов обеспечения национальной безопасности США. Труды БГТУ. №5, 2016. С. 1. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-vazhneyshih-sovremennyh-kontseptualnyh-dokumentov-obespecheniya-natsionalnoy-bezopasnosti-ssha/viewer> (дата обращения: 31.03.2021).
2. Joint Strategic Plan 2018 – 2022. U.S. Department of State, U.S. Agency for International Development, February 2018 // URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2018/12/Joint-Strategic-Plan-FY-2018-2022.pdf> (дата обращения: 31.03.2021).
3. National Security Strategy of the United States of America. December 2017. P. 3 // URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения: 31.03.2021).
4. Военная доктрина Российской Федерации. п. 16. С. 8. // URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d527556bec8deb3530.pdf> (дата обращения: 31.03.2021).
5. Adherence to and Compliance with Arms Control, Nonproliferation, and Disarmament Agreements and Commitments. U.S. Department of State, April 2021. P. 7. // URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2021/04/2021-Adherence-to-and-Compliance-With-Arms-Control-Nonproliferation-and-Disarmament-Agreements-and-Commitments.pdf> (дата обращения: 30.05.2021).

6. Договор об обычных вооруженных силах в Европе. С. 12. // URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/d/d/14091.pdf> (дата обращения: 29.03.2021).
7. Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией североатлантического договора. Париж, 27 мая 1997 г. // URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_25468.htm
8. The Military Balance 2021. L.: Routledge, 2021.
9. Remarks by Ambassador Philip T. Reeker, Acting Assistant Secretary of State at the OSCE PA Winter Meeting. Vienna, February 25, 2021. // URL: <https://osce.usmission.gov/remarks-by-ambassador-philip-t-reeker-acting-assistant-secretary-of-state-at-the-osce-pa-winter-meeting/>
10. Безопасность Европы. М.: Весь Мир, 2011. С. 313.

Феофанов Константин Анатольевич,
доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений
Дипломатической академии МИД России.
E-mail: konstantin.feofanov@gmail.com

Зуева Полина Николаевна,
магистрант,
Дипломатическая академия МИД России.
E-mail: pollysha18@yandex.ru

Konstantin A. Feofanov,
Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Department of International
Affairs at the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian
Federation.
E-mail: konstantin.feofanov@gmail.com

Polina N. Zueva,
Master's Degree Student,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.
E-mail: pollysha18@yandex.ru

БРЕКЗИТ: ПРЕДПОСЫЛКИ, ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ЕС

BREXIT: PREREQUISITIES, IMPACT ON EU

Аннотация. В настоящей статье рассмотрены особенности положения Соединенного Королевства в Европейском союзе, ставшие одной из предпосылок выхода Великобритании из объединения. Основное внимание уделяется процессу Брекзита и его влиянию на ЕС.

Abstract. The article discusses the aspects of the unique position of the United Kingdom in the European Union, which have become one of the prerequisites for Great Britain's withdrawing from the Union. The focus is on the Brexit process and its impact on the EU.

Ключевые слова: Великобритания, ЕС, Брекзит, влияние Брекзита.

Keywords: Great Britain, United Kingdom, EU, Brexit, Brexit impact.

Введение

Референдум о членстве Великобритании в Евросоюзе на три с половиной года определил вектор внешнеполитического взаимодействия между этими двумя сторонами. Актуальность изучения Брексита обусловлена тем, что вместе с его официальным окончанием первого февраля 2020 года не завершился процесс формирования новых основ всех сфер общественной и государственной жизни как в Королевстве, так и в Союзе. Для того, чтобы иметь возможность составить полную картину событий, необходимую для понимания долгосрочных тенденций, нужно проанализировать предпосылки Брексита, связанные, в частности, с положением Великобритании в объединении, и влияние, которое данный беспрецедентный процесс уже оказал на Европейский союз.

Особенности положения Великобритании в ЕС

Для начала рассмотрим особенности положения Великобритании в ЕС, связанные с содержанием базовых документов Евросоюза — Маастрихтским, Амстердамским и Лиссабонским договорами.

Во-первых, Соединенное Королевство не перешло на общую валюту и являлось одним из 9 государств – членов ЕС, не входящих в Еврозону. В Протоколе номер 15 к Маастрихтскому договору [7] было указано, что Великобритания не обязана переходить к третьей стадии формирования экономического и валютного союза и вводить вместо фунта стерлингов евро. Помимо этого, за Британией признавалось право самостоятельного ведения финансовой политики в соответствии с национальным законодательством, а Банк Англии оставался неподконтрольным Европейскому центральному банку. В названия протоколов к Договору о ЕС были внесены изменения Лиссабонским договором [8] в 2007 году, тем самым была подтверждена их сила.

Государство не подписало в 1985 году Шенгенское соглашение и не присоединилось к Шенгенской конвенции 1990 года. До Брексита шесть членов Европейского союза, в том числе Великобритания, занимали такое положение. Из них только четыре страны, включая Соединенное Королевство, не являлись

ни членами Шенгенского соглашения, ни участниками Еврозоны. Британия присоединилась к тем положениям Шенгенских достижений, которые регулируют взаимодействие стран-членов ЕС в сфере борьбы с преступностью и другими правонарушениями. Однако государство не участвовало в положениях, устанавливающих единый режим пересечения внешних границ Европейского союза за счет введения общей визы. Это право Великобритании было закреплено в Протоколе номер 19, приложенном к Маастрихтскому договору [7].

В соответствии с Протоколом «О применении некоторых аспектов статьи 26 Договора о функционировании Европейского союза к Соединенному Королевству и Ирландии» за Великобританией признавалось право осуществлять визовый контроль лиц, въезжавших в государство с территорий других стран-членов ЕС. Данная оговорка была зафиксирована в Протоколе номер 20 Маастрихтского договора [7].

Великобритания не принимала участия в создании «Пространства свободы, безопасности и правосудия». Такое право Британии было отражено в Протоколе к Амстердамскому договору [6] «О позиции Соединенного Королевства и Ирландии», который затрагивал V раздел третьей части Договора о функционировании Европейского союза 1957 года. В соответствии с Протоколом решения, принятые Советом ЕС и касающиеся «пространства», не были обязательны для исполнения Соединенным Королевством. Данный Протокол входит в ряд протоколов к Маастрихтскому договору под номером 21 [7].

Пятая особенность вытекает из содержания Протокола номер 30 «О применении Хартии Европейского союза об основных правах к Польше и Соединенному Королевству» [7]. В нем оговаривалось, что Европейский суд не мог принимать решения о соответствии законодательства и действий Британии данному документу. Также Хартия действовала на территории Соединенного Королевства в том объеме, который не противоречил национальному праву.

Только два государства — Великобритания и Чехия — не подписали Договор ЕС о фискальной дисциплине, вступивший в силу 1 января 2013 года.

Соглашение предусматривало, что если дефицит бюджета страны превысит 3%, то Еврокомиссия может предложить комплекс мер, направленных на улучшение экономической ситуации в отдельно взятом государстве. В таком случае правительство не может участвовать в процессе обсуждения подобных мер, но не обладает правом отказаться от общего плана их проведения. Дэвид Кэмерон принял решение не подписывать данный документ с целью сохранить имевшийся уровень автономности в реализации финансовой политики.

Несмотря на то что число особенностей кажется небольшим, Соединенное Королевство являлось единственным государством, в отношении которого существовало подобное суммарное количество оговорок. Вследствие своего уникального положения Великобритания обладала возможностью решать определенный круг вопросов самостоятельно или в отличном от установленного для других стран-членов Союза порядке. Это одна из предпосылок проведения референдума о членстве данного государства в ЕС.

Процесс Брекзита

Референдум, проведенный 23 июня 2016 года в Соединенном Королевстве, стал отправной точкой для начала формирования качественно новых отношений между Британией и ЕС. После того как Д. Кэмерон ушел в отставку с поста премьер-министра, лидером Великобритании и главой консервативной партии стала Тереза Мэй. В своей программной речи 17 января 2017 года политик обозначила основные принципы, на основе которых должны были выстраиваться переговоры между Лондоном и Брюсселем [4]. Они стали базой для Белой книги, вышедшей под названием «Выход Британии из ЕС и новое партнерство с ним» [5]. В этом документе содержалось 12 приоритетов, на которые должен был опираться Лондон в процессе ведения переговоров. ЕС ответил принятием на Специальном саммите 29 апреля 2017 года собственного свода директив о проведении обсуждений с британской стороной [3].

Так начался первый этап переговоров, во время которого главный вызов заключался в том, что ЕС не мог предоставить Британии право пользоваться

только тремя свободами единого рынка, при этом ограничивая передвижение людей в рамках общего экономического пространства. В результате обсуждений стороны решили, что Соединенное Королевство должно полностью выйти из единого рынка Евросоюза. Также Великобритания и ЕС смогли принять взаимоприемлемые решения по вопросам о статусе граждан и финансовых выплат. О достижении «достаточного прогресса» [2] на первом этапе переговоров было объявлено 15 декабря 2017 года, что позволило двум сторонам перейти к обсуждению следующего круга еще не разрешенных вопросов.

Во время второго раунда встреч камнем преткновения стал вопрос о будущем положении Северной Ирландии. Проект соглашения о выходе Британии из Союза был согласован Т. Мэй и представителями Евросоюза в середине ноября 2018 года. Но он содержал в себе неприемлемое для большинства британских парламентариев положение об «ирландском страховочном варианте», заключавшемся в сохранении возможности для Северной Ирландии и всей Великобритании остаться в едином рынке ЕС, если между двумя сторонами не будет заключено новое торговое соглашение в течение переходного периода после реализации Брексита. Эта оговорка стала препятствием для ратификации проекта соглашения британским парламентом, вследствие чего Великобритании не удалось прекратить свое членство в Союзе до 29 марта 2019 года, изначально объявленной даты выхода из объединения. ЕС отказался пересматривать спорную формулировку, содержащуюся в проекте соглашения, а парламент Британии не смог выработать альтернативный вариант реализации Брексита, поддерживаемый большинством. В этих условиях пост премьер-министра занял Борис Джонсон, который предложил в случае неудачной попытки изменить изначально согласованный текст соглашения покинуть Союз с разрывом текущих связей. Однако политику удалось достичь компромисса на встрече с представителями Евросоюза в октябре 2019 года. Был отменен план «бэкстопа», и Северная Ирландия могла находиться в составе единого рынка ЕС, при этом оставаясь частью таможенного пространства Соединенного Королевства. Это позволяло одновременно избежать появления

пограничных постов на острове Ирландия, сохранить общее экономическое пространство на нем и защитить выход на рынок стран – членов Союза, а также отвечало стремлению Британии обеспечить целостность своей территории и исключить вероятность повторного присоединения к единому рынку ЕС. Взаимоприемлемое содержание проекта соглашения и консервативное большинство в британском парламенте, утвердившееся в результате досрочных выборов, позволило в полночь 31 января 2020 года, после более трех с половиной лет упорных переговоров, завершить выход Великобритании из состава Евросоюза, что ознаменовало новую главу в истории отношений между двумя сторонами и оказало на них значительное воздействие.

Влияние Брексита на ЕС

Выход Великобритании из ЕС оказал влияние на то, как функционирует и развивается Европейский союз, вызвав структурные изменения в системе, важной частью которой Лондон являлся на протяжении более 40 лет. Объединение столкнулось с необходимостью пересматривать бюджетную политику, поскольку ежегодный взнос Британии был одним из самых крупных среди стран-членов. Также наблюдались снижение доли государств-участников Евросоюза в мировом экспорте, падение объема торговли цифровыми услугами и сужение внутреннего рынка сбыта. Вследствие Брексита произошли изменения в личном статусе более 4,6 млн граждан Европейского союза и Великобритании, что привело к необходимости адаптировать законодательство и механизмы, защищающие личные права и свободы. Выход Великобритании, являющейся ядерной державой и постоянным членом Совета Безопасности ООН, вызвал необходимость создания новых органов в сфере обороны. Например, в 2017 году было создано Постоянное структурированное сотрудничество, а с 2019 года функционирует Скоординированный ежегодный обзор по вопросам обороны.

Брексит, с одной стороны, актуализировал вопрос о престижности членства в Евросоюзе, с другой стороны, второе дыхание получила дискуссия среди европейских лидеров о начале реализации структурной и качественной

реформы Союза, темп обсуждения которой ранее снижался. Выход Королевства из ЕС послужил напоминанием странам-членам о наличии насущных проблем, и в июне 2016 года, после объявления итогов британского референдума, на неофициальной встрече в Брюсселе лидеры стран ЕС договорились перейти к широкому обмену мнениями по вопросу интеграции. В марте 2017 года была опубликована Белая книга, в которой содержался обзор различных путей развития Союза до 2025 года [10]. Документ был назван Жан-Клод Юнкером «вкладом Европейской комиссии в новую главу Европейского проекта». Став председателем Европейской комиссии, Урсула фон дер Ляйен проложила курс развития ЕС в соответствии с предложенными стратегическими приоритетами ЕС, в числе которых находится цифровизация и «Зелёная сделка» [9]. В январе 2020 года, после реализации Брексита, который Эммануэль Макрон охарактеризовал как «исторический сигнал тревоги», президент Франции еще раз подчеркнул крайнюю важность усиления интеграции, проведения «глубоких реформ» и свою приверженность подобному курсу действий [1].

Заключение

По результатам исследования влияния Брексита на ЕС можно сделать следующие выводы. Brexit не привел к эффекту домино, в результате которого страны, где сильны евроскептические настроения, например Венгрия, Греция, Дания, Франция, Швеция, могли последовать примеру Соединенного Королевства и провести референдум о членстве в Евросоюзе. Выход Великобритании из ЕС оказал негативное влияние на имидж Союза, престижность членства в нем и авторитетность копенгагенских критериев. Brexit отразился на структуре многих европейских органов, балансе сил в них и поставил на повестку дня вопрос об их рабочем языке, поскольку английский не является официальным языком ни одного из нынешних государств-членов ЕС.

Более того, выход Великобритании из Союза ощутимо изменил вес объединения в мировой политике. Сейчас для обеих сторон Брексита основной

задачей стал поиск своего места в мире. Роль на мировой арене, которую ЕС сможет взять на себя, зависит от того, удастся ли лидерам европейских стран найти взаимоприемлемое решение по вопросу реформирования объединения. Особенно это актуально в условиях, когда между государствами-членами Союза наблюдается раскол по многим вопросам, а Брюссель вынужден бросить на борьбу с распространением новой коронавирусной инфекции средства, которые можно было использовать для разработки и проведения комплексной реформы, способной консолидировать силы европейских государств.

Список литературы:

1. Alimi, J. Brexit: un «signal d'alarme historique» pour Macron [Electronic resource] // Le Parisien. – 2020. – 31 January. – URL: <https://www.leparisien.fr/politique/brexit-un-signal-d-alarme-historique-pour-macron-31-01-2020-8249844.php>
2. Boffey, D. 'Sufficient progress' in Brexit talks announced after May's dash to Brussels [Electronic resource] // The Guardian. – 2017. – 8 December. – URL: <https://www.theguardian.com/politics/2017/dec/08/sufficient-progress-in-brexit-talks-announced-after-mays-dash-to-brussels>
3. Special European Council (Art. 50), 29 April 2017 [Electronic resource] // Official website of the Council of the European Union. – URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/meetings/european-council/2017/04/29/>
4. The government's negotiating objectives for exiting the EU: PM speech [Electronic resource] // Official website of the UK government. – URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/the-governments-negotiating-objectives-for-exiting-the-eu-pm-speech>
5. The United Kingdom's exit from and new partnership with the European Union [Electronic resource] // Official website of the UK government. – URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/589191/The_United_Kingdoms_exit_from_and_partnership_with_the_EU_Web.pdf

6. Treaty of Amsterdam [Electronic resource] // EU official website. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:11997D/TXT>
7. Treaty on European Union [Electronic resource] // EU official website. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12012M%2FTXT>
8. Treaty of Lisbon [Electronic resource] // EU official website. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12007L%2FTXT>
9. Von der Leyen, U. A Union that strives for more. My agenda for Europe [Electronic resource] // Official website of the EU. – URL: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/political-guidelines-next-commission_en_0.pdf
10. White paper on the future of Europe [Electronic resource] // Official website of the EU. – URL: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/white_paper_on_the_future_of_europe_en.pdf

Рекец Марина Олеговна,
аспирант,
Дипломатическая академия МИД России.
E-mail: emmarina@mail.ru

Marina O. Rekets,
Post-graduate Student of the Diplomatic Academy
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.
E-mail: emmarina@mail.ru

ДАНИЯ И АРКТИЧЕСКИЕ АМБИЦИИ КИТАЯ

DENMARK AND CHINA'S ARCTIC AMBITIONS

Аннотация. В статье исследуется трансформация подходов Королевства Дания к выстраиванию взаимодействия с Китаем в Арктике в 2010-2020-х годах. На примере ряда инвестиционных проектов проанализирована реакция политического руководства Дании на набирающую обороты стратегию Китая по проникновению в Гренландию.

Abstract. This article examines the transformation of the Kingdom of Denmark's approach to cooperation with China in the Arctic region in the second decade of the XXI century. Using a number of investment projects as an example the author analyzes the reaction of the Danish political leadership to China's strategy of ensuring its interests in Greenland.

Ключевые слова: Дания, Арктика, Китай, Северная Европа, Гренландия.

Keywords: Denmark, Arctic, China, Northern Europe, Greenland.

Начало 2000-х годов отмечено ростом международного внимания к Арктике и стремлением отдельных государств, географически и исторически не связанных с данным регионом, обеспечить свое участие в происходящих в нем процессах. В наибольшей степени такой подход характерен для Китая, проводящего последовательный курс на международное признание легитимности его особого интереса к Крайнему Северу. Повышенное внимание арктической проблематике Пекин начал уделять с конца 1980-х годов. В этот

период стали появляться работы китайских ученых по некоторым направлениям прикладных полярных исследований. В 1986 году была впервые предпринята экспедиция исследователей из КНР к Северному полюсу, а в 1989 году на базе Министерства природных ресурсов был учрежден Институт полярных исследований Китая (Polar Research Institute of China). Начиная с 1996 года, Китай становится участником ряда региональных арктических неправительственных организаций, преимущественно научно-исследовательского профиля. Получив в 2007 году статус непостоянного наблюдателя в Арктическом совете, Пекин практически сразу заявил о своем намерении стать постоянным наблюдателем в этой ключевой региональной организации и в 2013 году добился этой цели.

В конце 1990-х – начале 2000-х годов китайская дипломатия предпринимала целенаправленные усилия по созданию условий для участия Китая в международном сотрудничестве в Арктике посредством расширения двустороннего взаимодействия со странами Скандинавии с акцентом на развитие торгово-экономических связей и взаимодействие в научно-исследовательской сфере. На этом пути был достигнут ряд успехов – в 2004 году на норвежском архипелаге Шпицберген в районе Нью-Олесунд (Ny-Ålesund) была открыта первая и единственная на сегодняшний день в Арктике китайская исследовательская станция, а в 2009 году нефтяная компания China National Offshore Oil Corporation (CNOOC), 70% акций которой принадлежат государству, приобрела миноритарные доли в нескольких нефтяных месторождениях крупнейшей нефтегазовой компании Норвегии Statoil [10]. В 2013 году CNOOC расширила свое присутствие в Арктике за счет покупки крупной канадской нефтедобывающей компании Nexen и заключения партнерского соглашения с исландской компанией Eukon по ведению совместной разведки нефтяных месторождений в районе между Исландией и норвежским островом Ян-Майен [15].

Значимое место в реализации стратегии Китая по подключению к международному сотрудничеству в Арктическом регионе отведено Дании. В

2000-х годах заметно возросла интенсивность политических контактов между двумя странами. Начиная с 2002 года, ежегодно происходил обмен делегациями высокого уровня.

Значительный импульс отношениям двух стран придал А. Фог Расмуссен, который за время пребывания на посту премьер-министра Дании дважды – в 2004 и 2008 году – посетил Китай с визитами. В ходе последнего визита в 2008 году лидеры двух стран приняли Совместное заявление об установлении всестороннего стратегического партнерства. В документе отмечено обоюдное стремление углублять взаимодействие в таких сферах, как изменение климата и защита окружающей среды, энергетика, исследования, инновации и образование [6]. Таким образом, Дания стала единственной скандинавской страной, чьи отношения с Китаем вышли на уровень стратегического партнерства. Выступая в 2004 году в Датском институте международных исследований, А. Фог Расмуссен отметил, что Китай начинает играть все более активную роль в глобальной политике безопасности и Дания «не должна рассматривать это развитие событий как угрозу. Напротив, она может извлечь большую выгоду из более тесного сотрудничества с Китаем» [16].

В 2012-2017 годах отношения между двумя странами активно развивались – состоялись визиты Генерального секретаря КПК Китая Ху Цзиньтао в Данию, премьер-министров Дании Х. Торнинг-Шмидта и Л. Лекке Расмуссена в Китай. В 2015 году Дания вопреки давлению со стороны США вошла в число стран-учредителей созданного по инициативе Китая Азиатского фонда инфраструктурных инвестиций [41]. Активизация контактов на высшем уровне сопровождалась ростом взаимной торговли. В период с 2004 по 2015 год датско-китайский товарооборот увеличился почти в пять раз – с 22 млрд крон (3,7 млрд долл. США) до 120 млрд крон (20 млрд долл. США), что вывело Китай на второе место после США среди торгово-экономических партнеров Дании за пределами Европы [14].

В этот период перспективы двустороннего взаимодействия с Китаем позитивно оценивались датскими экспертами. Делался упор на то, что «Дании

удалось стать важнейшим партнером Китая на Севере», а у самого Королевства впервые сформировались столь значимые отношения с государством, находящимся вне круга западных стран [14].

Вместе с тем анализ открытых ежегодных докладов Службы военной разведки Дании (Forsvarets Efterretningstjenste, СВРД) о потенциальных внешнеполитических рисках для Королевства свидетельствует о том, что с 2011 года датчане начинают с настороженностью фиксировать растущий интерес Китая к Арктике. Так, в докладе СВРД 2011 года впервые обращено внимание на готовность китайского бизнеса инвестировать в экономику Исландии и высказан прогноз вероятности проявления Китаем в обозримой перспективе заинтересованности в реализации инвестиционных проектов в Гренландии [2: 39].

Благоприятные возможности для осуществления подобных планов создавало то, что в 2009 году был принят Закон о самоуправлении Гренландии и власти автономии начали работать над привлечением иностранных инвестиций в горнорудную и нефтедобывающую отрасли, рассматривая их в качестве локомотивов экономического развития острова. В этот период стремительно возрастает интенсивность прямых контактов между официальными лицами Китая и Гренландии. С 2011 года делегации во главе с министром финансов и природных ресурсов Гренландии ежегодно принимали участие в профильных мероприятиях в рамках выставок и конференций «China Mining Congress&Expo» и «Mines and Money Hong Kong». В 2012 году Гренландию впервые посетил министр земельных и природных ресурсов Китая К. Шауши [30], а в 2013 году в Гренландии побывала представительная делегация китайских инвесторов [11].

Указанная активность позволила китайским компаниям заключить серию контрактов на разработку и добычу полезных ископаемых на территории Гренландии. В январе 2015 года одна из крупнейших китайских угле- и железодобывающих корпораций General Nice выкупила принадлежавшие британской London Mining права на разработку месторождения железной руды в Исуа (Isua) на юго-западе Гренландии, что стало первым проектом в Арктике со

сто процентным китайским капиталом [22]. Практически в это же время China Nordic Mining в составе группы Jiangxi Union Mining была привлечена в качестве соинвестора, а позднее получила эксклюзивную лицензию на разработку месторождения меди и цинка в районе фьорда Карлсберг (Carlsberg Fjord) в восточной части Гренландии [31]. В 2015 году китайская государственная компания China Non-Ferrous Metal Mining Group заключила соглашение с австралийской Ironbark Zinc Limited о совместной разработке предположительно крупнейшего в мире месторождения цинка и свинца во фьорде Цитронен (Citronen Fjord) в районе Перл Лэнд (Pearl Land) в северной части Гренландии [23].

Однако наиболее резонансным проектом стало участие китайского капитала в разработке месторождения Кванефельд (Kvanefjeld), считающегося вторым в мире по запасам оксидов редкоземельных металлов и шестым – по запасам урана [17]. В 2007 году австралийская компания Greenland Minerals приобрела права на разработку месторождения Кванефельд, но в связи с датско-гренландскими разногласиями о праве Гренландии самостоятельно регулировать добычу и экспорт радиоактивных материалов (урана) работы на месторождении длительное время не проводились. В 2016 году, после достижения договоренностей между датским и гренландским правительствами о механизмах организации экспорта урана третьим странам, китайская компания Shenghe Resources Holding приобрела 12,5% акций Greenland Minerals, а также заручилась поддержкой планов увеличения своей доли в компании до 60% в будущем [40].

Столь активные устремления китайских компаний к участию в добыче стратегически значимых природных ресурсов в Гренландии вызвали широкие общественно-политические дебаты в Дании о грядущей экономической экспансии Китая в Гренландии и уязвимости Королевства перед этой угрозой. Опасения были обусловлены и тем, что для реализации упомянутых проектов в Гренландии китайские компании планировали привлечь значительное число сотрудников из Китая. Такая возможность предусматривалась принятым парламентом Гренландии в 2012 году законом «О строительном-монтажных

работах на крупномасштабных проектах», который был нацелен на привлечение иностранных инвесторов и разрешал использование в Гренландии рабочей силы из-за рубежа с оплатой труда более чем в два раза ниже нормы, установленной для гренландцев [5].

В силу малочисленности населения Гренландии (53 тыс. чел.) ее потребности в зарубежных кадрах для осуществления крупных проектов настолько велики, что их удовлетворение может создать серьезный этнодемографический дисбаланс на острове. По оценкам Министерства занятости Дании, при реализации только двух проектов – горнорудного «Исуа» (Isua) и по добыче алюминия «Маниитсок» (Maniitsoq) – необходимо было привлечь свыше 4700 специалистов, что в 2 раза превышало численность рабочих, задействованных в строительном секторе Гренландии в 2013 году, и составляло 9% всего населения автономии [7]. Такая перспектива вызвала серьезную обеспокоенность и у правительства Дании, и среди оппозиции, побудив ведущих датских политических деятелей скорректировать тональность своих высказываний относительно перспектив инвестиционного сотрудничества с Китаем в Арктике.

Так, премьер-министр Дании Х. Торнинг-Шмидт, комментируя упомянутые планы, заявила, что в вопросах привлечения Гренландией рабочей силы из Китая окончательное слово останется за правительством Дании [13]. Руководство на тот момент оппозиционной партии Венстре (Venstre) высказалось в более категоричном ключе – лидер партии Л. Лёкке Расмуссен (в 2009–2011 годах и 2015–2019 годах занимал должность премьер-министра Дании) призвал на неопределенное время приостановить обсуждение этого вопроса и установить мораторий на дальнейшие шаги на этом направлении. В свою очередь депутат Фолькетинга и высокопоставленный член партии Венстре К. Хойт Фредриксен (министр обороны Дании в 2016–2019 годах) заявил, что допуск китайцев на территорию Гренландии «может иметь долгосрочные негативные последствия и в конечном итоге превратит остров в китайский арктический бастион» [18].

Дальнейшему росту датского скептицизма в отношении арктических планов Китая способствовал интерес последнего к инвестициям в стратегически значимые инфраструктурные проекты в Гренландии. В 2015 году китайская компания General Nice сразу после получения прав на разработку упомянутого выше месторождения «Исуа» заявила о желании приобрести бывшую базу ВМФ Дании Грённедал (Grønne dal), выставленную правительством Дании на продажу после прекращения ее эксплуатации в 2014 году [41]. Переговоры носили закрытый характер, в связи с чем, как отмечают датские исследователи, остается неясным, каким образом General Nice обосновывала свой интерес к приобретению бывшего военного объекта в Гренландии. Планы китайской компании вполне предсказуемо стали поводом для самой серьезной обеспокоенности правительства Дании.

В 2016 году после закрытых для прессы консультаций с главами ведущих политических партий, премьер-министр Л. Лёкке Расмуссен принял решение приостановить продажу объекта [12]. Несмотря на то что тема всколыхнула общественность и нашла широкое отражение в датских СМИ, никаких официальных заявлений по этому поводу сделано не было. В январе 2017 года Л. Лёкке Расмуссен заявил, что Министерство обороны Дании возобновит деятельность на базе Грённедал, которую будет использовать в качестве пункта логистической поддержки [38]. Датские исследователи обращают внимание на то, что ситуация вокруг базы Грённедал стала прецедентом, когда решение о недопущении продажи китайской компании объекта в Гренландии принималось на высшем уровне и было продиктовано соображениями национальной безопасности [35].

Столкнувшись с трудностями, китайские инвесторы не оставили попыток подключиться к реализации крупных проектов в Гренландии, наиболее резонансная из которых связана с планами участвовать в реконструкции имеющихся и возведении новых аэропортов на острове. Гренландские власти на протяжении длительного времени прорабатывали возможности привлечения иностранных инвестиций для развития аэропортовой инфраструктуры, что

должно было способствовать преодолению территориальной разобщенности и придать импульс экономическому развитию автономии. Проект был призван стать самым масштабным и дорогостоящим в истории Гренландии: предполагалось привлечь инвестиции по разным оценкам в размере до 10 млрд крон (1,7 млрд США) – суммы, соответствующей практически 50% ВВП Гренландии [4; 24].

В 2017 году в ходе официального визита в Пекин председатель правительства Гренландии К. Киельсен выступил в поддержку участия китайских государственных банков в финансировании возведения аэропортов на острове [20]. В 2018 году, вопреки возражениям датского правительства, китайская государственная компания China Communications Construction Company (CCCC) была внесена в предварительный список кандидатов на осуществление проекта, что в буквальном смысле всколыхнуло политический истеблишмент и экспертное сообщество в Дании [29]. В связи с этим министр обороны страны К. Хойт Фредериксен заявил: «Мы приветствуем сотрудничество с Китаем до тех пор, пока оно носит исключительно экономический характер. Но мы внимательно следим за тем, чтобы инвестиции в эти объекты не преследовали других целей. И здесь возникают определенные проблемы» [39]. Датские исследователи отмечали сходство китайской стратегии в Гренландии с подходом, апробированным КНР в странах Африки, когда инвестиции в добывающий сектор сопровождаются масштабными капиталовложениями в инфраструктуру. Выразалось мнение, что при реализации такой модели Гренландия фактически подпадет под контроль Пекина, что может создать серьезные геополитические вызовы не только для Дании и Гренландии, но и для НАТО в целом [27].

Такая перспектива являлась неприемлемой и для Вашингтона. Противодействию планам Китая в отношении строительства аэропортов в Гренландии была посвящена встреча министра обороны США Дж. Мэттиса с его датским коллегой К. Хьот Фредериксеном в мае 2018 года. Вскоре после нее 10 сентября 2018 года премьер-министр Дании Л. Лёкке Расмуссен и глава

правительства Гренландии К. Киельсен подписали Соглашение об участии Дании в проекте строительства аэропортов в Гренландии и укреплении экономического сотрудничества между Данией и Гренландией. В 2019 году оно было дополнено планом действий, в соответствии с которым датское правительство обязалось инвестировать до 2030 года 700 млн крон (105 млн долларов США) в строительство новых международных аэропортов в городах Нуук и Иллулисат в обмен на 33,3% акций гренландской госкомпании «Калааллит Аэропортс Интернационал» (Kalaallit Airports International) [9].

Датские исследователи обращают внимание на то, что решение о финансировании Данией проекта было принято вопреки заключению Экономического совета Гренландии о его нерентабельности и продиктовано стремлением не допустить участия китайского капитала в строительстве объектов инфраструктуры двойного назначения в датской Арктике [26]. Одновременно с подписанием датско-гренландского соглашения 16 сентября 2018 года Министерство обороны США опубликовало заявление по итогам визита заместителя министра обороны США Дж. Руда на авиабазу Туле в Гренландии, в котором говорилось о планах США «инвестировать в проекты, имеющие отношение к аэродромной инфраструктуре в Гренландии, в том числе в те, которые могут использоваться как для гражданских, так и для военных нужд» [37]. На фоне этих событий в июне 2019 года китайская компания СССС отказалась от планов участия в проекте реконструкции и строительства аэропортов в Гренландии.

Таким образом, до середины 2010-х годов Дания в целом не рассматривала усиление позиций Китая в Арктике в качестве потенциальной угрозы своим интересам. Копенгаген активно поддерживал заявку Китая на предоставление ему статуса постоянного наблюдателя в Арктическом совете, а стремление Пекина играть заметную роль в международном сотрудничестве на Крайнем Севере характеризовалось датскими официальными лицами как «естественный, легитимный интерес» [25]. Данный тезис в начале 2010-х годов продвигался, в частности, министром иностранных дел Дании В. Сёвндалем и поддерживался

бывшим министром иностранных дел и авторитетным датским политиком П. Стигом Меллером. К концу же 2010-х годов датские подходы претерпели существенные изменения.

В настоящее время в риторике политического руководства Дании применительно к устремлениям Китая в Арктике преобладает высокая степень настороженности. Такая трансформация обусловлена рассмотренной выше инвестиционной активностью КНР в Гренландии, которая к концу 2020-х годов стала восприниматься экспертами в качестве угрозы датским национальным интересам. Опасения также подкреплялись заметно усилившимся арктическим профилем Китая, что выражалось в заявлениях его официальных лиц и ряде внешнеполитических инициатив.

В 2018 году была опубликована арктическая стратегия Китая, так называемая Белая книга, ставшая первым нормативным документом КНР по данной проблематике. Она, как и представленная годом ранее программа «Полярный шелковый путь», призванная инкорпорировать Северный морской путь в транспортную систему Нового шелкового пути, вызвала обеспокоенность в датском экспертном сообществе [38]. Внимание исследователей привлекла «новая тональность» документа, в котором Китай впервые предпринимает попытку легитимировать свой особый интерес к Арктическому региону, характеризуя себя как «приполярное» и «близкое к Арктике» государство [1; 32]. Кроме того, отмечалось, что в стратегии отчетливо прослеживается вектор на интернационализацию Арктики – проводится мысль о том, что этот регион не должен рассматриваться как «закрытый», а неарктические государства, такие как Китай, имеют законное право принимать участие в установлении норм и правил его будущего развития [32].

Заявленные в документе амбиции Китая в Арктике рассматриваются датскими исследователями в контексте описанных выше попыток проникновения китайского капитала в стратегически значимые отрасли экономики Гренландии [33]. Все это ускорило переосмысление подходов Дании к датско-китайскому сотрудничеству в целом и, в частности, к двустороннему

взаимодействию в Арктике [41]. В результате Китай из значимого экономического партнера Дании в представлении датского политического истеблишмента трансформировался в потенциального и опасного геополитического конкурента, способного поставить под угрозу целостность Датского государства.

Эти изменения базировались в том числе и на оценках датских военных экспертов. Так, в 2018 году специалисты Института стратегических исследований Академии обороны Дании обратили внимание на «возрастающую роль Гренландии в арктической дипломатии Китая» и его «стремление к установлению прямых контактов с Гренландским самоуправлением» [32]. В анализе внешнеполитических рисков, представленном Службой военной разведки Дании (СВРД) в 2019 году, отмечено существенное увеличение значения Арктики в системе внешнеполитических приоритетов Китая в 2016–2017 годах, что отражается на повышении инвестиционной активности китайских государственных компаний и фондов в регионе, в первую очередь применительно к инфраструктурным проектам. В документе подчеркивается, что вследствие тесной связи между бизнесом и политической системой Китая масштабные китайские инвестиции в экономику Гренландии будут сопряжены со значительными рисками для Дании [3].

В докладе «Новые тенденции развития военно-политической обстановки в Арктике», опубликованном Датским институтом международных исследований (ДИИС) в 2020 году, отмечено, что уровень участия Китая в проектах в Гренландии в настоящее время не представляет существенной угрозы для Королевства, однако последовательное стремление Пекина расширить свое присутствие в стратегически значимых областях датской Арктики требует особого внимания. Наибольшие проблемы для безопасности Дании, по оценкам ДИИС, могут быть связаны с возрастающим противостоянием США и Китая на Крайнем Севере, ареной для которого становится Гренландия [8]. Исследователи указывают на то, что Гренландия может служить перспективным плацдармом для продвижения Китая в Арктике, а также подчеркивают заинтересованность

Пекина в возможном отделении острова от Датского содружества и образовании самостоятельного гренландского государства [34]. В целях реализации такого сценария Китай, по их оценкам, стремится оказывать влияние на политические элиты Гренландии посредством инструментов «мягкой силы», действуя крайне осторожно из опасения вызвать негативную реакцию датских властей.

Наиболее отчетливо смена стратегии датского правительства на китайском направлении проявляется в вопросах инвестиционного и научного сотрудничества. В 2010-х годах привлечение китайских инвестиций в датскую экономику являлось одной из ключевых задач политики Королевства на азиатском направлении. Для реализации этой цели датское политическое руководство взяло курс на нивелирование таких традиционно чувствительных вопросов в датско-китайском диалоге, как права человека и проблема Тайваня. Тем не менее уже в 2019 году датские власти приняли решение присоединиться к инициативе ЕС по введению системы контроля за инвестициями иностранных компаний в критически значимые сектора экономики государств – членов Евросоюза, перечень которых оказался весьма обширным и включил в себя энергетику, телекоммуникации и интернет-технологии, транспорт, продовольствие, а также здравоохранение [19]. Несмотря на то что инициатива была негативно воспринята в датском бизнес-сообществе и подверглась критике Конфедерацией датской промышленности (Dansk Industri), проект закона был разработан в короткие сроки, 1 сентября 2020 года принят Фолькетингом и вступил в силу.

В ходе полемики, сопровождавшей его разработку, высказывались опасения, что дополнительные барьеры существенно отразятся на инвестиционном климате и сократят приток иностранных капиталовложений в экономику Дании. Однозначно негативную реакцию вызвал этот закон и у властей Гренландии, министр иностранных дел которой С. Люнге в июне 2020 года заявил: «Когда речь идет об иностранных инвестициях в сферы, входящие в компетенцию гренландского правительства, самостоятельное принятие решений является нашим суверенным правом» [28].

Подводя итог, стоит отметить, что за минувшие пять лет подходы Дании к выстраиванию взаимодействия с КНР на Крайнем Севере претерпели существенные изменения. Из желанного инвестора и значимого партнера Китай стремительно трансформировался в геополитического конкурента за датскую Арктику. Такое развитие, с одной стороны, обусловлено настойчивыми усилиями Пекина по реализации проникновения в датскую Арктику и стремлением к увеличению доли своего участия в делах региона. С другой стороны, оно продиктовано пониманием датским политическим руководством уязвимости Королевства в связи с ростом центробежных тенденций в Гренландии, которые могут усиливаться под влиянием китайского фактора. Помимо этого, заметное влияние на формирование датского скептицизма в отношении арктических амбиций Китая оказали США, рассматривающие со времен окончания Второй мировой войны Гренландию в качестве зоны своих особых геостратегических интересов.

В силу этого не вызывает сомнения, что хотя курс на сдерживание китайских устремлений в Гренландии является дополнительным триггером во взаимоотношениях Копенгагена и Нуука, его реализация будет продолжена. В последнее время Дания не раз демонстрировала способность решительно действовать в отстаивании своих интересов, в том числе в Арктике.

Список источников и литературы

1. China's Arctic Policy / The State Council of the People's Republic of China. February 2018. URL: http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm (дата обращения: 11.03.2021).
2. Efterretningsmæssig risikovurdering 2011. København: Forsvarets Efterretningstjeneste, 2011. 50 s..
3. Efterretningsmæssig risikovurdering 2019. København, Forsvarets Efterretningstjeneste, 2019. 59 s.

4. Gross domestic product (GDP) of Greenland from 2011 to 2019 // Statista Research Department. May 5, 2021. URL: <https://www.statista.com/statistics/805932/gdp-of-greenland/> (дата обращения: 16.06.2021).
5. Inatsisartutlov nr. 25 af 18. december 2012 om bygge- og anlægsarbejder ved storskalaprojekter // Inatsisiliorneq lovgivning. URL: <http://lovgivning.gl/lov?rid=%7b6D7F52B4-6893-4BDC-A943-601817D309A0%7d> (дата обращения: 23.02.2021).
6. Joint Statement between the Government of the People's Republic of China and the Government of the Kingdom of Denmark on the Establishment of a Comprehensive Strategic Partnership. October 25, 2008 // LawInfoChina. URL: <http://lawinfochina.com/display.aspx?id=7037&lib=tax&SearchKeyword=&SearchCKeyword=> (дата обращения: 14.03.2021).
7. Notat om den grønlandske storskalalov og Grønlands ILO-forpligtelser i relation hertil // Folketinget, Beskæftigelsesudvalget 2012. 13 marts 2013. URL: <https://www.ft.dk/samling/20121/almdel/beu/bilag/129/1224119.pdf> (дата обращения: 12.02.2021).
8. Nye Sikkerhedspolitiske Dynamikker i Arktis. Muligheder og udfordringer for Kongeriget Danmark // Dansk Institut for International Studier, 2020. S. 34. URL: <https://www.diis.dk/publikationer/nye-sikkerhedspolitiske-dynamikker-arktis> (дата обращения: 21.10.2020).
9. Tillægsaftale til aftale af 10. september 2018 mellem regeringen og Naalakkersuisut om dansk engagement i lufthavnsprojektet i Grønland og styrket erhvervssamarbejde mellem Grønland og Danmark, 27. februar 2019 // Naalakkersuisut – Government of Greenland. URL: https://naalakkersuisut.gl/~/_media/Nanoq/Files/Attached%20Files/Formandens%20Departement/Tillgsaftale%20af%2027%20februar%202019%20DK.pdf (дата обращения: 19.03.2021).
10. *Амирджанян М.* Китайский нефтегигант CNOOC покупает канадскую Nexen за \$15,1 млрд // Ведомости. 23 июля 2012. URL:

https://www.vedomosti.ru/business/articles/2012/07/23/kitajskaya_neftegazovaya_kompaniya_snoos_poкупает_kanadskuyu (дата обращения: 11.02.2021).

11. *Andersson P., Willaing Zeuthen J., Kalvig P.* Chinese Mining in Greenland: Arctic Access or Access to Minerals? // Arctic Yearbook. 2018. URL: https://arcticyearbook.com/images/yearbook/2018/China-and-the-Arctic/7_AY2018_Andersson.pdf (дата обращения: 16.02.2021).

12. *Breum M.* Analysis: did the Danish PM Prevent a Chinese Acquisition on Greenland? // High North News. 20 December 2016. – URL: <https://www.highnorthnews.com/en/analysis-did-danish-pm-prevent-chinese-acquisition-greenland> (дата обращения: 22.02.2021).

13. *Brobeg H.* Kinesisk arbejdskraft er et dansk anliggende // Sermetsiaq. 1 september 2012. URL: <https://sermitsiaq.ag/node/134912> (дата обращения: 23.02.2021).

14. *Bøje Forsby A.* Førsteviolinist i det nordiske ensemble? Danmarks forhold til Kina // Internasjonal Politik. 2016. № 3. S. 3.

15. CNOOC teams with Eykon Energy to explore Arctic oil and gas // Offshore Technology- 06 June 2013. URL: <https://www.offshore-technology.com/uncategorised/news-cnooc-eykon-energy-explore-oil-gas-arctic/> (дата обращения: 10.02.2021).

16. *Fogh Rasmussen A.* De globale udfordringer for EU // Information. 12. marts 2004. URL: <https://www.information.dk/2004/03/globale-udfordringer-eu> (дата обращения: 19.01.2022).

17. *Hall M.* Eyes on Greenland: how Global Superpowers can Court Greenland in a Rare Earths Tug of War // Mining Technology. 29 June 2021. URL: <https://www.mining-technology.com/features/eyes-on-greenland-how-global-superpowers-can-court-greenland-in-a-rare-earths-tug-of-war/> (дата обращения: 27.09.2021).

18. *Haslund A.E.* Venstre advarer mod Kinas Arktis-drømme // Berlingske. 28 januar 2013. URL: <https://www.berlingske.dk/politik/venstre-advarer-mod-kinas-arktis-droemme> (дата обращения: 26.02.2021).

19. *Hemmer P.* Government to Introduce Screening of Foreign Direct Investments and Regulatory Intervention // *Bech Bruun*. URL: <https://www.bechbruun.com/en/news/2019/regeringen-vil-indfre-screening-af-udenlandske-investeringer-og-indgrebslov> (дата обращения: 11.02.2021).

20. *Hinshow D., Page J.* How the Pentagon Countered China's Designs on Greenland // *The Wall Street Journal*. 10. February 2019. URL: <https://www.wsj.com/articles/how-the-pentagon-countered-chinas-designs-on-greenland-11549812296> (дата обращения: 14.04.2021).

21. *Højgaard Sørensen B.* Grønland siger ja til billige kinesere // *Berlingske*. 7 december 2012. URL: <https://www.berlingske.dk/business/groenland-siger-ja-til-billige-kinesere> (дата обращения: 21.02.2021).

22. *Højgaard Sørensen B.* Kinesere skal redde Grønlands gigantiske mineprojekt // *Berlingske*. 12 januar 2015. URL: <https://www.berlingske.dk/oekonomi/kinesere-skal-redde-groenlands-gigantiske-mineprojekt> (дата обращения: 11.02.2021).

23. *Højgaard Sørensen B.* Kineserne gør klar til mineeventyr i Grønland // *Berlingske*. 15 april 2014. URL: <https://www.berlingske.dk/virksomheder/kineserne-goer-klar-til-mineeventyr-i-groenland> (дата обращения: 14.02.2021).

24. *Højgaard Sørensen B.* Topøkonom fraråder Grønland at bygge tre nye lufthavne til milliarder // *Berlingske*. 14 september 2017. URL: <https://www.berlingske.dk/virksomheder/topoekonom-fraraader-groenland-at-bygge-tre-nye-lufthavne-til-milliarder> (дата обращения: 27.02.2021).

25. *Jørgensen S.A.* Søvnald vil hjælpe Kina til Arktis // *Berlingske*. 31 oktober 2011. URL: <https://www.berlingske.dk/politik/soevndal-vil-hjaelpe-kina-til-arktis> (дата обращения: 17.03.2021).

26. *Juncher Jørgensen T.* Lufthavnsudvidelser er ikke rentable // *Sermitsiaq*. 26 august 2017. URL: <https://sermitsiaq.ag/node/199305> (дата обращения: 14.03.2021).

27. *Ken Jakobsson A.* Kina har store ambitioner om strategiske investeringer i Grønland. Ser vi en vasalstat i vente? // *Ræson.dk*. 15 september 2018. URL:

<https://www.raeson.dk/2018/ph-d-andre-ken-jakobsson-kina-har-store-ambitioner-om-strategiske-investeringer-i-groenland-ser-vi-en-vasalstat-i-vente/> (дата обращения: 11.03.2021).

28. *Krog A.* Grønland vil ikke på forhånd udelukke kinesiske investeringer // *Altinget*. 15. juni 2020. URL: <https://www.altinget.dk/artikel/195592-groenland-vil-ikke-paa-forhaand-udelukke-kinesiske-investeringer> (дата обращения: 12.03.2021).

29. *Mehya A.* How a Potential Chinese-Built Airport in Greenland could be Risky for a Vital US Air Force Base // *Defense News*. 7 September 2018. URL: <https://www.defensenews.com/global/europe/2018/09/07/how-a-potential-chinese-built-airport-in-greenland-could-be-risky-for-a-vital-us-air-force-base/> (дата обращения: 11.03.2021).

30. *Mohr J.* China in the Arctic and the Case of Greenland // *Handbook on Geopolitics and Security in the Arctic. The High North Between Cooperation and Confrontation*. Springer, 2020. P. 122.

31. *Mortensen B.O.G., Su J.J., Mouyal L.W.* Chinese Investment in Greenland. *Advances in Polar Science*. 2016. Vol. 27. № 3. S. 193.

32. *Sørensen C.T.N.* Kina som Stormagt i Arktis // *Forsvarsakademiet. Policy Brief*. Februar 2018. S. 5. URL: <https://fak.dk/globalassets/fak/dokumenter/publikationer/-kina-som-stormagt-i-arktis--2018-.pdf> (дата обращения: 16.03.2021).

33. *Sørensen C.T.N.* Rigsfællesskabet mellem Kina og USA i Arktis // *Udenrigs*. 2020. № 1. URL: <https://www.udenrigs.dk/2020/12/14/rigsfaellesskabet-mellem-kina-og-usa-i-arktis/> (дата обращения: 15.06.2021).

34. *Sulliksen Tømmerbakke S.* Dansk e-tjeneste er bekymret for Kina i Arktis. Og setter Grønland som sikkerhedsrisiko nummer én // *High North News*. 24.12.2019. URL: <https://www.highnorthnews.com/nb/dansk-e-tjeneste-er-bekymret-kina-i-arktis-og-setter-gronland-som-sikkerhedsrisiko-nummer-en> (дата обращения: 20.03.2021).

35. *Sverdrup-Thygeson B., Lindren V.Y., Lanteigne M.* China and Nordic Diplomacy. NY.: Routledge, 2018. 146 p.

36. *Turnowsky W.* Løkke lover oprydning på Grønnedal // Sermitsiaq. 31 januar 2017. URL: <https://sermitsiaq.ag/node/193614> (дата обращения: 14.03.2021).
37. *Turnowsky W.* Amerikansk forsvar vil investere i grønlandske lufthavne // Sermitsiaq. 17 september 2018. URL: <https://sermitsiaq.ag/node/208366> (дата обращения: 15.03.2021).
38. *Turnowsky W.* Uro om Polar Silkevej // Sermitsiaq. 15 februar 2018. URL: <https://sermitsiaq.ag/node/203221> (дата обращения: 15.03.2021).
39. USA advarer Claus Hjort om kinesisk entreprenør på Grønland // Ritzau. 25 Maj 2018. URL: <https://www.dr.dk/nyheder/politik/usa-advarer-claus-hjort-om-kinesisk-entreprenor-pa-gronland> (дата обращения: 12.03.2021).
40. *Volpe M.* The Tortuous Path of China's Win-Win Strategy in Greenland // The Arctic Institute. March 24, 2020. URL: <https://www.thearcticinstitute.org/tortuous-path-china-win-win-strategy-greenland/?cn-reloaded=1> (дата обращения: 14.03.2021).
41. *Yang Jiang* Danmarks politik i forhold til kinesiske investeringer: Pragmatisk balancegang mellem voksende trusselsperspektiver // Internasjonal Politikk. 2020. Vol. 78. № 1. S. 43–53.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ

Нежданов Владимир Львович,
соискатель, Дипломатическая академия МИД России,
эксперт ИАМП, Дипломатическая академия МИД России,
ассистент, кафедра истории и мировой политики,
Тюменский государственный университет.
E-mail: vn1993@yandex.ru

Vladimir L. Nezhdanov,
Post-graduate Student, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of
the Russian Federation,
Expert, Institute of Contemporary International Studies of the Diplomatic
Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
Assistant, Department of History and World Politics,
Tyumen State University.
E-mail: vn1993@yandex.ru

«ИДЕИ СИ ЦЗИНЬПИНА О СОЦИАЛИЗМЕ С КИТАЙСКОЙ СПЕЦИФИКОЙ НОВОЙ ЭПОХИ»: МЕХАНИЗМ РЕФОРМИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПОРЯДКА И РАЗВИТИЯ КНР

«XI JINPING THOUGHT ON SOCIALISM WITH CHINESE CHARACTERISTICS FOR A NEW ERA»: MECHANISM OF REFORMING THE WORLD ORDER AND THE PRC DEVELOPMENT

Аннотация. Внешняя политика Китайской Народной Республики, концептуальными основами которой выступают «Идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи» (далее – «Идеи Си Цзиньпина») как современное дополнение прежней концепции социализма с китайской спецификой, направлена на содействие развитию КНР, реформирование международного порядка и практики управления глобальными процессами. Внешнеполитическая деятельность КНР находится в прямой зависимости от целей Коммунистической партии, связанных с достижением «Китайской мечты» и «Двух столетних целей». В этой связи проведен анализ «Идей Си Цзиньпина» и определен характер взаимоотношений внутриполитических и внешнеполитических концепций в рамках формирующейся идеологической системы.

Abstract. The foreign policy of the People's Republic of China, the conceptual foundations of which are «Xi Jinping Thought on Socialism with Chinese Characteristics for a New Era» (hereinafter referred to as «Xi Jinping Thought») as a modern addition to the former concept of Socialism with Chinese characteristics, is aimed at promoting the development of the PRC, reforming the international order and the practice of global governance. The foreign policy activity of the PRC is directly dependent on the goals of the Communist Party related to the achievement of the «Chinese Dream» and the «Two Centenaries». In this regard, an analysis of the «Xi Jinping Thought» was made and the nature of the relationship between domestic and foreign policy concepts within the framework of the emerging ideological system was determined.

Ключевые слова: «Идеи Си Цзиньпина», Китай, КНР, КПК, мировой порядок, инициатива «Один пояс – один путь», «Сообщество единой судьбы», «Китайская мечта».

Key-words: «Xi Jinping Thought», China, PRC, CPC, world order, «Belt and Road Initiative», «Community of Shared Future», «Chinese Dream».

Введение

Развитие современных подходов во внутренней и внешней политике Китайской Народной Республики, происходящее на фоне изменений партийно-политического дискурса, связывают, прежде всего, с именем генерального секретаря ЦК КПК, председателя КНР Си Цзиньпина или с «пятым поколением руководителей», занявших ключевые партийные и государственные позиции в конце 2012 - начале 2013 г.

Предлагаемые «пятым поколением руководителей» новации, объединенные под общим названием «Идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи» (далее – «Идеи Си Цзиньпина»), выступают дополнением прежних концепций социализма с китайской спецификой, делая акцент на взаимозависимости как внутривнутриполитических, так и внешнеполитических целей КНР, указывая на комплексные изменения в мире.

Председатель КНР неоднократно подчеркивал, что продолжение политики «реформ и открытости», развитие КНР важно для мирового благополучия так же как и глобальная стабильность для продолжения укрепления позиций Китая [17, p. 272].

«Идеи Си Цзиньпина» можно охарактеризовать как систему концепций, нацеленных на детализацию и конкретизацию политического дискурса и предложение целостной картины партийно-государственного видения существующей ситуации.

Целью статьи является анализ «Идей Си Цзиньпина» и определение характера взаимоотношений внутривнутриполитических и внешнеполитических концепций в рамках формирующейся идеологической системы.

«Идеи Си Цзиньпина»: от технократии к идеологии

Хотя содержание «Идей Си Цзиньпина» было обобщено и обнародовано только на XIX съезде КПК (2017 г.), концепции, связанные с развитием внутривнутриполитической системы КНР, наряду с идеями реформирования международного порядка, стали появляться сразу после XVIII съезда партии (2012 г.).

«Идеи Си Цзиньпина» представляют собой дополнение прежних концепций социализма с китайской спецификой, основываясь на официальных выступлениях, заявлениях, статьях, комментариях и политических концепциях, выдвигаемых председателем КНР Си Цзиньпином с 2012 г. Система этих идей содержит основные цели и задачи строительства и развития социализма с китайской спецификой, они позиционируются как достижение в китаизации марксизма [3].

Доктор философских наук, профессор В.Г. Буров отмечает, что после XVIII съезда КПК идеология партии подверглась масштабным изменениям, касающимся теории, вопросов социально значимых ценностей и международных отношений [2, с. 4].

Научный сотрудник Совета по геостратегии (Великобритания) Ч. Партон, говоря об изучении КНР, обращает внимание на необходимость учитывать тот

факт, что марксизм является идеологией, имеющей важное значение при формировании внутренней и внешней политики Китая [12].

Запрос на укрепление идеологической базы КПК и КНР не представляет собой что-то новое, поскольку исследователи еще в середине 2000-х гг. обратили внимание на то, что критика неолиберализма с целью обеспечить политическую стабильность страны стала рассматриваться в качестве одной из важнейших задач [4, с.104].

В 2013 г. Си Цзиньпин подчеркнул, что марксистская философия позволяет добиться лучшего понимания закономерностей мирового развития и позволяет находить возможности для качественного преодоления возрастающих рисков [25]. В 2016 г. Си Цзиньпин акцентировал внимание на сохранении марксизма в качестве основного теоретического метода [23]. Председатель КНР связывает жизнеспособность марксистской идеологии с постоянным ее обновлением, что дает возможность китайским коммунистам способствовать развитию марксизма, используя политическую практику Китая [29], а также подчеркивает, что мировоззрение и методологию политической деятельности КПК продолжает составлять диалектический материализм [26], тогда как закономерности мирового развития рассматриваются с позиций исторического материализма [27].

Наконец, в декабре 2021 г. на страницах журнала «Цюши» Си Цзиньпин акцентировал внимание на том, что для понимания действий современного Китая первостепенное значение приобретает знание тактики и стратегии КПК, ее идеологического курса и исторического опыта [24].

Включение «Идей Си Цзиньпина» как совокупности выступлений, заявлений, статей, комментариев и политических концепций, выдвигаемых председателем КНР с 2012 г., в устав КПК и Конституцию КНР говорит о долгосрочном характере указанных изменений.

Мировой порядок в «Идеях Си Цзиньпина»

В выступлениях и статьях председателя КНР Си Цзиньпина система международных отношений рассматривается как сочетание возможностей и

угроз [17, р. 298]. Такого рода восприятие международной обстановки проникает в том числе в официальные документы, например в Совместное заявление России и КНР о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии [8]. Так, наряду с процессами многополярности, экономической глобализации, культурного многообразия, трансформации системы глобального управления и перераспределения баланса мировых сил говорится об осложнении ситуации в сфере глобальной безопасности, увеличении числа вызовов и угроз.

Председатель КНР Си Цзиньпин в беседах с Генеральным секретарем ООН Пан Ги Муном в 2013 и 2014 г. отмечал, что международная система вступила в период перемен [17, р. 274]. В июне 2018 г. Си Цзиньпин предложил оборот «изменения, которые происходят один раз в сто лет» (百年未有之大变局), смысл которого заключается в том, что международная система переживает глубокие изменения, приближая мир к истинной многополярности. В этом случае Китай должен использовать открывшуюся возможность для сохранения и укрепления собственных позиций [30].

Трехтомник «Си Цзиньпин. О государственном управлении» выступает одним из главных источников «Идей Си Цзиньпина», объединяя речи и выступления председателя КНР. Анализируя три тома данной работы, можно заметить, что среди факторов, определяющих подходы КНР к вопросам международных отношений, отмечены готовность Пекина брать на себя больше обязательств, а также призыв к комплексному преобразованию системы глобального управления.

При принятии политических решений Пекин опирается на «коренные интересы» (核心利益), под которыми понимаются (1) государственный суверенитет, (2) национальная безопасность, (3) территориальная целостность, (4) национальное воссоединение, (5) политическая система КНР, (6) гарантии экономического и общественного развития [11]. Как следствие, решения,

принимаемые Пекином, учитывают, прежде всего, обеспечение исполнения указанных интересов.

Интересы, связанные с вопросами общественно-политического развития, были уточнены в Белой книге под названием «Право на развитие: философия, практика и вклад Китая», опубликованной в декабре 2016 г. Развитие – основной приоритет КПК в области управления и национального возрождения, ключ к решению остальных вызовов. Данный подход рассматривается как комбинация традиционной культуры Китая и «четырех основных принципов» (四项基本原则), включающих в себя социалистический путь развития, демократическую диктатуру народа, руководство со стороны Коммунистической партии, а также основополагающее значение марксизма-ленинизма и идей Мао Цзэдуна [13].

Вопросы реформирования системы международных отношений поставлены в центр идеологической работы КПК после окончания XVIII съезда.

В марте 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин сформулировал концепцию «Международные отношения нового типа» (新型国际关系), суть которой заключается в построении глобальной системы сотрудничества на взаимовыгодной основе, развитии внешней политики в позитивном ключе и поддержке китайского проекта стабильного международного развития [6, с. 310].

Концепция выступает в качестве концептуального видения КНР по вопросу реформирования мирового порядка для преодоления кризиса глобального управления. Предлагается следовать новой политической логике, подразумевающей взаимное уважение стран и регионов; новой этической логике, подчеркивающей важность справедливости и отказа от «двойных стандартов»; новой экономической логике, предполагающей взаимную выгоду государств [21].

Выступая перед дипломатическим корпусом КНР в 2017 г., Си Цзиньпин подчеркнул, что Китай должен закрепить свои позиции в качестве одной из центральных стран мировой системы, что позволит Пекину сделать более значительный вклад в развитие человечества [19, p.490].

«Международные отношения нового типа» сохраняют ключевое значение суверенного государства в рамках системы, их новизна заключается в формировании взаимовыгодного сотрудничества и построении «Сообщества единой судьбы» [22].

Концепция «Сообщества единой судьбы» (命运共同体) оценивается КПК как миссия по внесению вклада в развитие человечества и отражает универсальные ценности: развитие, справедливость, демократию, свободу, стремление к миру и процветанию [16, р. 2-3]. Проведенные исследования позволяют увидеть, что со времени провозглашения концепция «Сообщества единой судьбы» трансформировалась в обширную систему, включающую национальный, региональный и глобальный уровни [7, с. 355]. Вместе с этим Шэнь Хайсюн, заместитель заведующего отделом пропаганды ЦК КПК и генеральный директор Медиакорпорации Китая, рассматривает развитие концепции «Сообщества единой судьбы» в контексте совершенствования механизма глобального управления [10, с.712].

Председатель КНР Си Цзиньпин, выступая на встрече высокого уровня КПК и политических партий мира в 2017 г., отмечал, что построение «Сообщества единой судьбы» нацелено на реформирование международного порядка, формирование глобальной системы коллективной безопасности, создание условий для возможностей развития всех стран и борьбы с бедностью. По мнению Си Цзиньпина, такого рода система должна быть открытой и инклюзивной, не позволяющей изолировать какие-либо страны [19, р. 503-504]. В качестве механизмов по реформированию международной системы были названы: поддержание международного мира, совместная работа всех стран для достижения развития, обмена и взаимное обучение между различными цивилизациями [19, р. 507].

Еще одной международной концепцией «Идей Си Цзиньпина» является инициатива «Один пояс – один путь» (一帶一路), представляющая собой альтернативную идею управления глобальной экономикой [6, с.44].

Доцент МГИМО (У) МИД России А.А. Киреева считает, что инициатива «Пояса и Пути», провозглашенная в условиях замедления темпов роста китайской экономики, призвана стимулировать развитие Китая в период трансформации его социально-экономической модели с целью перехода на интенсивную модель развития [5, с.65-67]. По мнению исследователей Г. Чэна, Л. Чэня, Д.А. Дегтерева, Ц. Чжао, координация усилий и гибкая стратегия китайской инициативы открывают возможности для создания системы экономического сотрудничества, альтернативной западным подходам [9, с.80]. Отметим, что Си Цзиньпин охарактеризовал «Пояс и Путь» как базу для продвижения «Сообщества единой судьбы», которая способна предоставить новые ресурсы для реформирования и улучшения глобальной системы управления [19, р.562-563].

Таким образом, инициатива «Пояса и Пути» выступает не просто системой, направленной на развитие торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества, но и может быть рассмотрена в качестве альтернативы системе, продвигаемой странами Запада.

Нельзя не заметить, что названные концепции дополняются рядом более узких категорий, таких как «мирное развитие» (和平发展道路), «поддержание справедливости и общих интересов» (正确义利观), «новый взгляд на развитие» (新发展理念), «правильное понимание роли Китая» (正确角色观) и т.п.

Внутренняя и внешняя политика Китая: взаимосвязанные цели

Внешиеполитические и внутривполитические цели, намеченные партийно-государственной элитой КНР в рамках «Идей Си Цзиньпина», обладают прямой взаимозависимостью.

Обратимся к двум концепциям, а именно «Китайской мечте» (中国梦) и «Двум столетним целям» (两个一百年), которые лежат в основе «Идей Си Цзиньпина».

Исследователь Государственного университета Чжэнчжи Цай Чунминь указывает, что «Китайская мечта» (中国梦) как политическая концепция, предложенная Си Цзиньпином 29 ноября 2012 г. во время посещения выставки «Путь к возрождению» в Национальном музее Китая, стала одной из основ политики страны и изначально носила двойственный характер — в качестве обновленной идеологической базы внутренней политики, а также новых подходов в международных отношениях КНР [14]. Реализация «Китайской мечты» рассматривается партийно-государственным руководством как историческая миссия КПК и КНР [31]. Концепция отражает специфику китайской политики, философии, культуры и общества, выступая выражением китайской исторической памяти и квинтэссенцией национального духа китайцев [32].

«Китайская мечта», обладая как внутривнутриполитическим, так и внешнеполитическим значением, выделяет специфику КНР и объединяет граждан в рамках государства-нации, акцентирует внимание на альтернативном современному Западу характере идеологии КПК, подчеркивает стремление КНР построить современную страну, добиться развития китайской модели универсализма в международных отношениях [20].

«Две столетние цели» (两个一百年), предполагающие формирование среднезажиточного общества в КНР к столетию КПК (2021 г.) и комплексное укрепление позиций страны к столетию КНР (2049 г.), выступают ключевым условием для воплощения в жизнь «Китайской мечты».

Заметим, что в выступлении по случаю 100-летия Коммунистической партии Китая 1 июля 2021 г. Си Цзиньпин заявил, что КНР достигла первой столетней цели по искоренению бедности и созданию общества средней зажиточности. В

этой связи КНР начала движение к второй столетней цели, то есть превращению Китая в великое, современное социалистическое государство [28].

Хотя «Две столетние цели» были провозглашены Си Цзиньпином в ноябре 2012 г. на XVIII съезде КПК, первоначально они были сформулированы еще на XV съезде КПК в 1997 г. в докладе председателя КНР Цзян Цзэминя.

В 2014 г. Си Цзиньпин подчеркивал, что для реализации «Китайской мечты» и «Двух столетних целей» Пекин нуждается в мирной международной обстановке и хороших взаимоотношениях со странами-соседями [18, p.479]. Условиями достижения «Китайской мечты» и «Двух столетних целей» выступают международный мир, развитие, взаимовыгодное сотрудничество, другими словами, ценности, характерные для «Международных отношений нового типа» и «Сообщества единой судьбы».

Доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии РАН В.Г. Буров отмечает, что реализация концепций, включенных в систему «Идей Си Цзиньпина», формируется под руководством КПК и следует в рамках теории марксизма. Специфической чертой в данном случае следует считать процесс «китаизации марксизма». Как следствие, подходы западных специалистов, рассматривающие КНР с позиции государственного капитализма, оказываются заблуждением [1, с.14-18].

С. Цанг, научный сотрудник и преподаватель Оксфордского университета, указывает, что в 1990-е – 2000-е гг. политическое устройство КНР эволюционировало в так называемый «консультативный ленинизм», характеристиками которого выступают укрепление позиций КПК посредством поддержания стабильности в стране, сосредоточенность на реформе управления, усиление способности КПК реагировать на общественное мнение, примат экономического развития, укрепление национальной гордости в рамках нарратива об истории КПК и КНР [15, p.866].

Наряду с этим Си Цзиньпин говорит о прямой взаимозависимости международного развития и развития КНР [19, p.496-498], что ставит

реализацию внутривполитических концепций в абсолютный приоритет, помещая их в один ряд с «коренными интересами» Китая.

Выводы

Таким образом, можно сделать ряд выводов, позволяющих охарактеризовать специфику «Идей Си Цзиньпина» в контексте развития КНР и реформирования международного порядка.

Во-первых, происходит переход партийно-государственного аппарата КНР от технократических к идеологическим подходам как во внутренней, так и во внешней политике, причем идеологизация процесса принятия решений подразумевает комбинацию китайской традиционной культуры, «китаизированного» и классического марксизма. В связи с этим значения многих политических терминов, используемых Китаем, приобретают новые оттенки, требующие дополнительного уточнения и объяснения.

Так, концепция «Сообщества единой судьбы» включает в себе ряд универсальных ценностей, а именно мир, стремление к развитию, справедливость, верховенство закона, демократия, а также другие общечеловеческие приоритеты [18, р.569-570]. При этом данные концепции следует рассматривать через призму «китаизированного» и классического марксизма. Шэнь Хайсюн отмечает, что ЦК КПК следует тенденциям эпохи как во внутренней, так и во внешней политике, в основе которых лежит «идея о нахождении всех стран мира в одной лодке», выдвигает новые концепции и идеи по всем аспектам построения нового порядка в международных отношениях [10, с.655].

Во-вторых, можно говорить о формировании в общих чертах системы «Идей Си Цзиньпина», в рамках которой существуют несколько базовых концепций, таких как инициатива «Пояса и Пути», «Сообщество единой судьбы», «Международные отношения нового типа», а также «Китайская мечта» и «Две столетние цели», которые находятся в прямой взаимозависимости и оказывают влияние друг на друга.

«Китайская мечта» является ключевой концепцией и может быть рассмотрена как историческая миссия КПК. В таком случае реализация «Двух столетних целей» становится основным условием достижения «Китайской мечты». Взаимозависимость внутреннего и международного развития [17, р.272], обозначенная Си Цзиньпином, указывает на то, что реализация инициативы «Пояса и Пути» направлена на создание благоприятных условий экономического развития как стран-партнеров, так и КНР [19, р.555]. Наконец, проект «Пояс и Путь» выступает проводником «Сообщества единой судьбы» [19, р.562], что способствует формированию «Международных отношений нового типа».

Указанные концепции подчиняют себе ряд более узких категорий. Так, насчитывается более 100 «ключевых слов», являющихся составной частью идеологии «Идей Си Цзиньпина». Их введение позволяет добиться уточнения концепции и обеспечить ее развитие в идеологической системе. Например, вокруг концепции «Китайской мечты» формируется группа «ключевых слов», которая включает в себя «Построение прекрасного Китая» (美丽中国), «Китайскую силу» (中国力量), «Китайский дух» (中国精神), «Китайский путь» (中国道路).

В-третьих, специфика китайских концептуальных подходов связана с обеспечением «коренных интересов» (核心利益), в рамках которых основное значение приобретает стремление поддержать динамику экономического и общественного развития КНР и всего мира. В связи с этим акцент на развитии, вероятно, подразумевает стремление добиться изменения международной экономической базы и укрепления позиций КНР, что в конечном счете должно выступить основанием для реформирования системы глобального управления.

Список литературы:

1. Буров В.Г. Китаизированный марксизм — теоретическая основа деятельности Компартии Китая // Азия и Африка сегодня. – №12. – 2019. - С. 9 – 21.
2. Буров В.Г. Новые тенденции в китайской идеологии после XVIII съезда КПК // Азия и Африка сегодня. – №10. 2020. – С. 4 – 13.
3. Идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи, 16.09.2021 // Жэньминьван. – URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2021/0916/c416957-9897207.html> (дата обращения: 18.01.2022)
4. Китай: угрозы, риски, вызовы развитию // Под ред. В. Михеева. – М.: Центр Карнеги. 2005. – 647 с.
5. Киреева А.А. «Инициатива пояса и пути»: содержание, цели, значение // Сравнительная политика. – Т. 9. №3. 2018. – С. 61-74.
6. Ключевые слова Си Цзиньпина / Пер. с кит. Семенова А.В., Семеновой Т.Г.; науч. Ред. Ван Бинь. Сост.: «Учебная группа» зарубежного издания «Жэньминь жибао». – М.: ООО Международная издательская компания «Шанс». 2021. – 351 с.
7. Нежданов В.Л. «Сообщество единой судьбы» как одна из ключевых концепций «Идей Си Цзиньпина о дипломатии» // Россия и политический порядок в меняющемся мире: ценности, институты, перспективы. Материалы IX Всероссийского конгресса политологов. – М.: Издательство «Аспект Пресс». 2021. – С. 355 – 356.
8. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии, 04.02.2022 // Президент России: официальный сайт. – URL: <http://kremlin.ru/supplement/5770> (дата обращения: 7.02.2022)

9. Чэн Г., Чэнь Л., Дегтерев Д.А., Чжао Ц. Значение стратегии «Один пояс, один путь» для Китая и Евразии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – Т. 19, №1, 2019. – С. 77-88.
10. Шэнь Хайсюн. Си Цзиньпин и политика реформ и открытости // М.: ООО Международная издательская компания «Шанс», 2021. – 799 с.
11. China's Peaceful Development // Information Office of the State Council The People's Republic of China. – URL: http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2014/09/09/content_281474986284646.htm (accessed: 21.01.2022)
12. Parton Ch. China watching in the 'New Era': A guide // Council on Geostrategy. – URL: <https://www.geostrategy.org.uk/research/china-watching-in-the-new-era-a-guide/> (accessed: 21.01.2022)
13. The Right to Development: China's Philosophy, Practice and Contribution // The State Council of the People's Republic of China. – URL: http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2016/12/01/content_281475505407672.htm (accessed: 01.02.2022)
14. Tsai Chung-min. The Chinese Dream: a Vision for China's Future or a Decade-Long Fantasy? // Carnegie Endowment for International Peace – URL: https://carnegieendowment.org/files/Chung-min_Tsai.pdf (accessed: 02.02.2022)
15. Tsang S. Consultative Leninism: China's new political framework // Journal of Contemporary China. – №18(62). November. 2009. – P. 865 – 880.
16. Xi Jinping. On Building a Human Community with a Shared Future // Central Compilation and Translation Press. 554 p. – URL: <http://en.chinadiplomacy.org.cn/ebook/xicomunity1en/mobile/index.html> (accessed: 10.02.2022)
17. Xi Jinping. The Governance of China / Vol. 1. – URL: <http://en.chinadiplomacy.org.cn/ebook/xibook1en/mobile/index.html> (accessed: 10.02.2022)

18. Xi Jinping. The Governance of China / Vol. 2. – URL:<http://en.chinadiplomacy.org.cn/ebook/xibook2en/mobile/index.html> (accessed: 10.02.2022)

19. Xi Jinping. The Governance of China / Vol. 3. – URL:<http://en.chinadiplomacy.org.cn/ebook/xibook3en/mobile/index.html> (accessed: 10.02.2022)

20. Ван Ивэй. Чжунго мэн дэ саньчун нэйхань [Тройной смысл китайской мечты] // Хуаньцю Шибао. – URL: <https://opinion.huanqiu.com/article/9CaKrnJz4wr> (дата обращения: 17.01.2022)

21. Го Шуюн. Синьсин гоцзи гуаньси: шицзе чжисюй чжун гоу дэ Чжунго фанань [Го Шуюн. Новый тип международных отношений: план Китая по перестройке мирового порядка] // Цюши. – URL: http://www.qsttheory.cn/dukan/hqwg/2018-02/24/c_1122443419.htm (дата обращения: 23.01.2022)

22. Лю Цзяньфэй. Синьсин гоцзи гуаньси “синь” цзай нали? [Где «новое» в новом типе международных отношений?] // Новостной портал КПК. – URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2018/0416/c40531-29927502.html> (дата обращения: 26.01.2022)

23. Си Цзиньпин цзай чжэсюэ шэхуэй кэсюэ гунцзо цзуотань хуэй шан дэ цзянхуа [Выступление Си Цзиньпина на симпозиуме по философии и общественным наукам] // Новостной портал КПК. – URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2016/0519/c64094-28361550.html> (дата обращения: 19.01.2022)

24. Си Цзиньпин. «Ду дун цзиньтянь дэ Чжунго, бисюй ду дун Чжунго Гунчаньдан» [Си Цзиньпин. «Чтобы понять сегодняшний Китай, нужно понять Коммунистическую партию Китая»] // Цюши ван. – URL: http://www.qsttheory.cn/zhuanqu/2021-12/03/c_1128126506.htm (дата обращения: 29.01.2022)

25. Си Цзиньпин. Туйдун цюань дан сюэси хэ чжанво лиши вэйву чжуи гэн хао жэньши гуйлю гэнцзя нэндун ди туйцзинь гунцзо [Си Цзиньпин.

Поощрять партию изучать и осваивать исторический материализм, лучше понимать законы и активнее продвигать работу] // Жэньминь жибао. – URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2013/1205/c64094-23748665.html> (дата обращения: 30.01.2022)

26. Си Цзиньпин: бяньчжэн вэйву чжуй ши Чжунго гунчаньдан жэнь дэ шицзегуань хэ фанфалунь [Си Цзиньпин: Диалектический материализм — это мировоззрение и методология китайских коммунистов] // Новостной портал КПК. – URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2019/0101/c83846-30497908.html> (дата обращения: 01.02.2022)

27. Си Цзиньпин: цзяньчи лиши вэйву чжуй будуань кайпи дандай Чжунго макэсы чжуй фачжань синь цзинцзе [Си Цзиньпин: Придерживаться исторического материализма и постоянно открывать новую область развития современного китайского марксизма] // Государственный совет КНР. – URL: http://www.gov.cn/xinwen/2020-01/15/content_5469442.htm (дата обращения: 31.01.2022)

28. Си Цзиньпин: Цзай цинчжу Чжунго гунчаньдан чэнли ибай чжоунянь дахуэй шан дэ цзянхуа [Си Цзиньпин: речь на праздновании столетия со дня основания Коммунистической партии Китая] // Новостной портал КПК. – URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2021/0701/c437828-32145969.html> (дата обращения: 15.02.2022)

29. Цзай цзиньнянь Макэсы даньчэнь 200 яжоунянь дахуэй шан дэ цзянхуа [Выступление на праздновании 200-летия со дня рождения Маркса] // Цюши. – URL: http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2018-05/15/c_1122827825.htm (дата обращения: 04.02.2022)

30. Цюаньмиань жэньши хэ лицзе “байнянь вэй ю чжи да бианьцзюй” [Познакомиться и полностью понять «изменения, которые происходят один раз в сто лет»] // Новостной портал КПК. – URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2020/0103/c40531-31533088.html> (дата обращения: 24.01.2022)

31. Чжунго мэн [Китайская мечта] // Keywords to Understand China. - URL: http://keywords.china.org.cn/2019-04/19/content_74700286.html (дата обращения: 07.02.2022)
32. Чжунго мэн: Чжунго цзиншэнь юй Чжунго даолу [Китайская мечта: китайский дух и китайский путь] // Новостной портал КПК. – URL: <http://theory.people.com.cn/n/2013/1223/c40531-23924632.html> (дата обращения: 10.02.2022)

Рябинина Ольга Константиновна,
кандидат политических наук, доцент кафедры романо-германских языков
Дипломатической академии МИД России.
E-mail: ryabininaok@gmail.com

Olga K. Ryabinina,
Ph.D. (Political Science), Associate Professor, Department of Romano-
Germanic Languages at the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation.
E-mail: ryabininaok@gmail.com

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ФИНЛЯНДИИ

FORMATION OF POLY-ETHNIC COMPOSITION OF THE POPULATION OF MODERN FINLAND

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы диаспор, проживающих на территории Финляндии, а также причины образования столь большого числа диаспоральных групп в Финляндии.

Abstract. The article deals with the problems of diasporas living in Finland, as well as the reasons for the formation of such a large number of diaspora groups in Finland.

Ключевые слова: Финляндия, диаспоральная политика, диаспоральная группа, шведоязычная диаспора, русскоязычная диаспора, финские саамы, финляндские татары, финляндские евреи, финляндские цыгане.

Key words: Finland, diaspora policy, diaspora group, Swedish-speaking diaspora, Russian-speaking diaspora, Finnish Saami, Finnish Tatars, Finnish Jews, Finnish gypsies.

Страны Европейского союза, чье население стареет, а численность сокращается, давно стали магнитом для мигрантов со всего мира. Однако экономическую выгоду миграции чаще превосходят социально-политические проблемы.

Актуальность данной работы заключается в исследовании ключевых проблем формирования диаспор в отдельно взятом полиэтническом регионе. Рассмотрены основные тенденции адаптации диаспор в Финляндии.

Финляндия – страна сравнительно небольшая, даже по европейским меркам, с населением приблизительно 5,5 млн человек. В Финляндии 2

официальных государственных языка – финский и шведский. Она имеет тесные исторические и экономические связи с Россией и Швецией.

В стране проживает 6 больших диаспоральных групп: шведы, финские саамы, татары, евреи, цыгане и русские.

Шведоязычные граждане Финляндии – официальное название этнической группы, которую называют еще «финские шведы». До середины XIX века единственным официальным языком был шведский. С подъемом финского национального движения в XIX веке, все чаще стали звучать требования о придании финскому языку статуса официального. С 1863 года финский стал, наряду со шведским, языком обращения к представителям власти в Финляндии. С 1883 года закон обязал государственных чиновников всех уровней говорить и выдавать документы на финском. Наконец, в 1892 году финский язык был провозглашен государственным языком, наравне со шведским. Конституция Финляндии 1906 года провозгласила всеобщее равное избирательное право и однопалатный парламент, фактически сделав финский язык первым государственным языком страны [1; 26; 27; 28].

Согласно законодательству Финляндии шведский и финский языки равноправны. Но это только часть истины. На самом деле, законодательная база, связанная со статусом шведского языка, сочетает в себе, с одной стороны, незыблемость основных принципов и, с другой – гибкость в его применении.

Язык обучения в школах Финляндии либо финский, либо шведский, в зависимости от родного языка ученика. Имеются шведские низшие и высшие ступени общеобразовательной школы, гимназии, профессионально-технические училища.

В Финляндии издается пятнадцать шведских газет. Наиболее крупная и известная — «Хувудстадсбладет». Телерадиовещательная компания Финляндии передает по двум каналам телевизионные новости и программы также и на шведском языке. С 1997 года работает два шведских радиоканала. Национальная телерадиовещательная компания имеет отдельную редакцию шведских программ. Театры, ставящие пьесы на шведском языке, есть в Хельсинки

(Хельсингфорс), Турку (Або) и Вааса (Васа).

В Финляндии существует лишь одна политическая партия, объявившая себя шведоязычной, — «Свенска фолкпартиэт» (Шведская народная партия). Кроме того, шведоязычных граждан объединяет организация «Шведский фолькетинг» (однопалатный парламент) Финляндии (Finlands Svenska Folkting). 75 его членов избираются непрямым голосованием каждые четыре года на основе результатов муниципальных выборов и представляют шведоязычных представителей различных партий. Фолькетинг заботится о культурных правах шведоязычного населения и с этой целью вносит предложения в правительство и другие органы. Его деятельность частично субсидируется государством.

Существует мнение, что **финские саамы** являются аборигенами, коренными жителями Финляндии. Такая точка зрения не находит подтверждения. Историками и этнографами установлено, что испокон веков финские и саамские племена жили вместе на этой земле. Однако с точки зрения законодательства Финляндии саамы считаются коренными жителями [2; 23; 24; 25].

Финляндское законодательство содержит определение саама, основанное, в первую очередь, на языковых критериях. Саамом является лицо, которое сознает себя таковым и которое само или у которого, по крайней мере, один из родителей или прародителей выучил саамский в качестве первого языка. В 1995 году понятие саама расширили таким образом, что оно охватывает также потомков лиц, внесенных в земельный, налоговый или демографический реестры, как саамы горные, лесные или рыболовы. Саамский парламент возражает против расширения определения, ссылаясь на то, что это откроет дверь в саамскую общину тем, чьи предки уже давно слились с финским населением.

По данным саамского парламента, число финляндских граждан, отвечающих требованиям определения «саамы», составляет приблизительно 7000 человек. Большинство из них, 4000 человек, продолжает жить на исконной саамской территории, состоящей из четырех самых северных муниципалитетов

Лапландской губернии: Утсйоки, Инари, Энонтекиэ и северной части муниципалитета Соданкюля. На этой территории действуют Закон о саамском языке 1991 года и Закон о саамском парламенте 1995 года.

Из десяти саамских языков в Финляндии говорят на трех: северном, инари и сколтском. Самую большую группу образует северный саамский, которым владеет 70-80% саамов [3; 4; 5].

В 1995 году в Конституцию Финляндии были внесены изменения с целью предоставления саамам более действенных гарантий прав, обеспечивающих им автономию в сфере использования родного языка и культуры в пределах саамской территории. Отдельный Закон о саамском языке вступил в силу в 1992 году и применяется в основном на этой территории. Саам, являющийся участником или заслушиваемой стороной, может использовать свой язык в судах, государственных и муниципальных органах, чья правовая или административная юрисдикция охватывает всю саамскую территорию или ее часть. Согласно закону саамский житель Финляндии может объявить саамский своим родным языком в реестре населения. Решения парламента, а также постановления правительства, касающиеся саамских вопросов, должны переводиться на саамский язык. На дорожных указателях обязательными стали названия местности и на финском, и на саамском языках. В муниципалитете Инари часть названий местности указывается на всех трех саамских языках.

После ратификации «Европейской хартии о региональных языках и языках меньшинств» правительство Финляндии приняло 59 обязательств в отношении саамского языка. Действующий Закон о саамском языке не полностью решил поставленные задачи, в связи с чем была создана рабочая группа, обсуждающая возможность пересмотра закона с тем, чтобы он более эффективно способствовал использованию саамских языков.

Совещательная комиссия по делам саамов была основана в 1960 году как консультативный орган с представителями из министерств, Лапландской губернии и саамского парламента для улучшения социального, культурного, образовательного, экономического и правового положения саамов.

Союз саамов, созданный в 1956 году как Северный Саамский совет является теперь общим консультативным органом саамских обществ Финляндии, Норвегии, Швеции и России.

В связи с рационализацией оленеводства, требующей значительных капиталовложений, и сокращением количества оленей всего около 10% саамских семей могут обеспечить себя занятием. В отличие от Норвегии и Швеции, право заниматься оленеводством принадлежит в Финляндии не только саамам, но и всем, кто живет в особом оленеводческом районе.

В Лапландской губернии и некоторых частях губернии Оулу саамские и иные жители могут бесплатно охотиться на государственных землях на территории муниципалитета их проживания. Рыболовные привилегии в государственных водах также относятся к традиционным правам пользования, принадлежащим местному саамскому и иному населению.

Вопрос о правах саамов на земли в северной Лапландии остается нерешенным [6]. Правительство Финляндии объявило в 1990 году, что оно не может ратифицировать конвенции Международной организации труда под номером 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых государствах», так как законодательство страны не полностью обеспечило «права собственности и владения территориями их традиционного проживания».

28 октября 2021 года Правительство Финляндии приняло решение о создании саамской комиссии правды и примирения. Целью комиссии служит выяснение форм дискриминации саамов в прошлом и настоящем, получение представления о том, какое влияние ущемление прав оказало на представителей этого народа [7]. На работу комиссии отведено два года. Итогом работы комиссии должен стать доклад.

Финляндские татары представляют тюркский народ, исповедующий ислам. Их численность составляет около 900 человек. Это гомогенное религиозное, культурное и языковое меньшинство, признанное законодательно [8].

Еще в ранние годы автономного Великого княжества Финляндия татар занимали строить для русской армии крепость Бумарсунд на Аландских островах и крепость Свеаборг на островах возле Хельсинки. Все они вернулись в Россию, лишь исламское кладбище в Бумарсунде свидетельствует об их пребывании в Финляндии.

Предки нынешних татар пришли в Финляндию из двух десятков деревень Сергачского уезда на Волге к юго-востоку от Нижнего Новгорода в период с 1870-х до середины 1920-х годов. Это были купцы, торговавшие пушниной и текстильными товарами, поселившиеся сначала в Хельсинки и его окрестностях. В 1925 году была основана первая исламская община (Finlandiya Islam Cemaati). Когда, в результате Второй мировой войны, Выборг отошел к СССР, выборгские татары переселились в Тампере и Хельсинки. Вторая община татар была основана в Тампере в 1943 году. Меньшие их группы живут в Котке, Турку, Раума, Пори, Ярвенпяя, Лаппеенранте и Куопио. Татарские кладбища имеются в Хельсинки и Турку.

Татары полностью интегрировались в финское общество, но, несмотря на это, сохранили национальную идентичность. Им удалось сохранить татарский язык, на котором они общаются не только в семье, но и в своих организациях. С 1948 по 1969 год в Хельсинки имелась татарская начальная школа, которую финансировали на долевых началах исламская община и город Хельсинки. Примерно половина уроков велась на финском, другая – на татарском языке. С реформой общеобразовательной школы оказалось невозможным продолжать работу татарской школы, так как учеников было слишком мало для получения государственных субсидий. В течение осеннего и весеннего семестров исламская община устраивает преподавание татарского языка в объеме одного урока в неделю во второй половине дня или вечером по предметам «язык и культура», «религия», «история». Татарский детский сад существует с 1950-х годов. Летние курсы на татарском языке устраиваются в Татарском центре обучения в Киркконумми, недалеко от Хельсинки.

С 1935 года Татарское культурное общество организует культурные

мероприятия со спектаклями, народной музыкой и танцами, декламацией стихотворений. Гордостью спортивного клуба «Yolduz» является его футбольная команда. Татарам удалось утвердиться на влиятельных позициях в экономической и культурной жизни Финляндии в качестве предпринимателей, врачей, юристов, инженеров, преподавателей.

Новых татар-иммигрантов принимают в татарскую общину на том условии, что они владеют татарским языком. Татары, как и русскоязычные, и евреи, представлены в Совецательной комиссии по этническим отношениям (ETNO), которая является экспертным органом при Министерстве труда Финляндии.

Евреи впервые начали селиться в королевстве Швеция в XVIII веке, в период правления терпимого к иноверцам короля Густава III [9]. Им разрешили поселиться всего в нескольких городах шведской части королевства — Марстранде, Стокгольме, Гётеборге, Норчепинге и Карлскруне, но не в финской части. Во время автономии (1809-1917 гг.) в Финляндии появились российские евреи - купцы, ремесленники и некоторые отставные военные. Лишь после 1917 года, когда Финляндия стала независимой, евреям предоставили полные права финляндского гражданства [10].

Первый еврейский молитвенный дом был открыт в крепости Свеаборг возле Хельсинки в 1830 году, первую синагогу освятили в 1870 году [11].

Еврейские общины соблюдают закон «халача», согласно которому евреем является тот, у кого мать — еврейка, или тот, кто принял еврейскую веру «по общепринятой процедуре».

Первая еврейская школа действовала в Хельсинки с 1893 по 1900 год. Сегодняшняя школа, общая для мальчиков и девочек, основана в 1918 году. Первые евреи, переехавшие в Финляндию в XIX веке, говорили на идиш и русском языке. Поселившись в Финляндии, они выбрали шведский как свой первый язык. Еще в 1930 году все они регистрировали шведский язык как родной. До 1932 года языком обучения в еврейской школе был шведский, затем его сменил финский. Большинство евреев двуязычные, свободно говорят на

финском и шведском.

Евреи хорошо интегрировались в финское общество и имеют представителей почти во всех его сферах. Евреи, как и другие национальные меньшинства, представлены в Совещательной комиссии по этническим отношениям (ETNO). В отличие от некоторых стран, например Германии и Венгрии, в Финляндии евреи не возражают против того, что их считают национальным меньшинством.

В какой степени Европейская рамочная конвенция по защите национальных меньшинств должна затрагивать евреев, а в какой Европейская хартия о региональных языках и языках меньшинств должна касаться языка идиш — эти вопросы пока остаются среди финляндских евреев открытыми. Еврейские общины Северных стран работают над определением общих подходов к этому вопросу.

Финляндские цыгане впервые появились в королевстве Швеция в начале XVI века. Несмотря на репрессивное законодательство, они остались в Швеции. Цыган вербовали в шведскую армию благодаря их храбрости, например, они участвовали в Тридцатилетней войне. В XVII веке цыганам приказали поселиться в восточной части страны, на территории современной Финляндии [12]. В конце XVIII – начале XIX века целью официальной политики было слияние цыган с финским населением. С 1960-х годов была поставлена задача интеграции цыган в финское общество с одновременным уважением их потребности в сохранении своей национальной идентичности. Численность цыган в настоящее время достигает 10 тыс. человек. Большинство из них проживает в южной Финляндии. В результате значительного переселения из Финляндии в Швецию в 1960–1970-е годы в Швеции сейчас живет около 3 тыс. финляндских цыган.

Глубокие структурные сдвиги в финском обществе оказали неблагоприятное воздействие на возможности кочевых цыган добывать себе средства к существованию традиционными способами, такими как торговля лошадьми, работа жестянщика, изготовление кожевенных товаров, мелкая

торговля. В настоящее время цыгане заняты в основном в области социального обеспечения и здравоохранения, улучшения бытовых условий молодежи, подготовки учителей-цыган, информационных технологий, эстрадного искусства.

Учитывая серьезную жилищную проблему и традицию жить большими семьями, государство с 1970-х годов стремится способствовать приобретению жилья цыганскими семьями путем выделения субсидий и льготных ссуд. И все-таки новые «жилищные модели» дробят традиционные для цыган большие семьи.

Финляндские цыгане используют свой родной язык — диалект «каале» [13]. Ряд государственных мер, принятых в рамках программы содействия в преподавании цыганского языка, привел к его возрождению. С 1990 года цыганские дети имеют возможность учить родной язык, сначала лишь на вечерних занятиях, теперь же как один из предметов в школе.

С целью развития литературного цыганского языка изданы букварь, хрестоматия, пособие по грамматике, цыганско-англо-финский словарь. Помимо этого, на «каале» переведены части Библии.

В Финляндии существуют три национальные общественные цыганские организации: Цыганская миссия (Romano Missio, 1906) — старейшая из них, Финляндская свободная цыганская миссия (Finitiko Phirro Romano Missio, 1964) и Финляндское цыганское общество (Finitiko Romano Skokka, 1967).

Официальным государственным органом является Совещательная комиссия по делам цыган (Romano Saakengo Rakkibosko Skokka), которая работает с 1956 года в сотрудничестве с Министерством социального обеспечения и здравоохранения. Комиссия выдвигает инициативы и предложения, которые могут привести к законодательным и административным реформам.

В 1992 году был создан Отдел по развитию образования и культуры цыган (Romaseelengo Skoolako ta Kultturessko Stakkos) при Главном управлении просвещения Финляндии для содействия в продвижении языка и культуры

цыган, в частности путем проведения курсов и семинаров.

С начала 1999 года закон обязывает телерадиовещательную компанию Финляндии оказывать информационные услуги на цыганском языке.

В числе депутатов парламента Финляндии нет цыган, но они избраны в некоторые муниципальные советы. Финляндские цыгане активно участвуют в работе Северного цыганского совета, Международного цыганского союза, Совета Европы и ОБСЕ. Ратифицируя «Европейскую хартию о региональных языках и языках меньшинств» 9 ноября 1994 года, Финляндия заявила, что будет применять общие принципы, перечисленные в главе 2, «к цыганскому языку и прочим не территориальным языкам Финляндии». Правительство Финляндии сообщило, что оно считает цыганскую общину национальным меньшинством в соответствии с Европейской рамочной конвенцией по защите национальных меньшинств.

Русские в Финляндии (также русскоязычная община Финляндии, финск. Suomen venäläiset) — третья по величине этническая община страны после финнов и шведов численностью около 84 тыс. чел. (оценка 2020 г.), или около 1,5% населения страны [12]. Как и финские татары, русские имеют давнюю историю проживания на территории Финляндии со сложным и многообразным демографическим, миграционным и социально-политическим развитием. Характерно разделение на старую (переселенцы и их потомки до 1920-х гг., так называемые «старые русские») и новую русские общины (переселенцы с начала 1990-х гг.).

До Второй мировой войны наблюдалось три волны иммиграции русских в Финляндию [15].

Первая волна иммигрантов состояла из крестьян, переселенных из России на Карельский перешеек в начале XVIII века (на земли, завоеванные Швецией). Территории были отнесены к России и образовали Выборгскую губернию, которая стала называться «Старой Финляндией». Когда территория Старой Финляндия в 1812 году была присоединена к Великому княжеству Финляндскому, имевшие русское происхождение крестьяне стали его

подданными. Доля русских в городском населении Старой Финляндии в то время составляла около 30%.

Вторая волна иммигрантов состояла из русских служащих, военных, православных священников и купцов. В период автономного Великого княжества они получили разрешение жить в Финляндии. Доля русского населения в Финляндии за весь период существования Великого княжества составляла около 0,2%. В 1880 году в стране постоянно проживало 4200 русских, в 1900 году их было 6 тыс., в 1910 году число русских возросло до 7400 человек [16].

В 1917 году, в год обретения Финляндией независимости, в стране проживало около 6 тыс. русских, а в 1920 году приблизительно 5 тыс. Снижение численности объясняется ассимиляцией со шведоязычным населением и возвращением в Советскую Россию.

Третья волна эмиграции, включающая русских эмигрантов, ингерманландцев и беженцев из Восточной Карелии, была вызвана революцией. Особенно большой наплыв был в постреволюционный период 1920-х гг. После 1922 года число беженцев сократилось, т.к. многие продолжили путь в крупнейшие эмигрантские центры — Париж, Брюссель, Берлин и Прагу [17].

Довольно многочисленны группы экономических мигрантов из РФ и стран СНГ, которые начали прибывать в страну в конце 1980-х и особенно интенсивно на протяжении 1990-х годов. Среди них особо выделяется группа карельских по происхождению репатриантов (ингерманландские финны) из РФ, которым финское правительство позволило селиться в стране с середины 1990-х гг. Большинство современных карел хорошо владеют русским языком и сохраняют связи со своей исторической родиной, как и большая часть русскоязычных иммигрантов в Финляндии. Они сейчас и составляют самую многочисленную группу иммигрантов в Финляндии.

Сейчас многие демографы говорят о появлении так называемой четвёртой русской волны в Финляндии. Это многочисленные российские туристы и собственники, заинтересованные в приобретении финской недвижимости,

бизнесмены из соседних регионов РФ, в первую очередь из Санкт-Петербурга, Ленинградской области, республики Карелия и др. [18].

По последним данным, численность русской диаспоры в Финляндии составляет около 55 000 человек. Её основная часть – этнические финны (включая ингерманландцев и вепсов), эмигрировавшие из Советского Союза и России, однако считающие родным языком русский. Кроме того, в диаспоре представлены граждане, состоящие в браке с гражданами Финляндии, и, наконец, граждане России, работающие по контрактам в сфере образования, культуры, науки, а также бизнесмены [19].

Представители русской диаспоры в Финляндии по отношению к себе предпочитают использование термина «русскоязычные», объясняя это тем, что на сегодняшний день язык и сохраненная эмигрантами культура — это то, что объединяет живущих в Финляндии выходцев из России и бывшего СССР. Разделение, скажем, по этническому признаку они не признают перспективным, потому что это могло бы навредить сотрудничеству и с точки зрения защиты общины от дискриминации. Они считают, что легче и эффективнее держаться вместе, основываясь именно на понятии «русскоязычные».

В соответствии с действующим в Финляндии законодательством граждане России (как и граждане других стран), постоянно проживающие в Финляндии и зарегистрированные в местных муниципальных органах, имеют почти те же права, что и граждане Финляндии, за исключением одного – они не имеют права участвовать в президентских и парламентских выборах. Однако они имеют право участвовать в выборах в местные органы власти на уровне муниципалитетов, а также создавать общественные организации и объединения, направленные на сохранение национальных и культурных традиций, языка.

Финское законодательство, касающееся сферы образования, предоставляет удовлетворительные возможности для организации обучения иммигрантов. Задачей языкового обучения детей-иммигрантов является достижение функционального двуязычия, под которым подразумевается умение пользоваться двумя (или более) языками. Тем не менее, по мнению

представителей русскоязычной диаспоры в Финляндии, наряду с владением финским или шведским языками должны поддерживаться родной язык и культура иммигранта.

В Финляндии насчитывается свыше 50 русскоязычных организаций, клубов, спортивных обществ, кружков культурно-просветительской направленности. Старейшая из организаций — Русский культурно-демократический союз (РКДС) [20], основанный в 1945 г. Среди наиболее массовых организаций можно отметить «Русский клуб» в г. Турку, «Русский клуб» в г. Тампере, финско-русское общество «Наш дом», действующее в городах Кархула, Котка и Пюхта, финско-русский клуб в г. Коувола и т.д.

В 2000 году была создана Финляндская ассоциация русскоязычных обществ (ФАРО) [21], которая поставила перед собой цель объединить русскоязычные организации, представлять их интересы в государственных органах, добиться признания русскоязычного населения в качестве этнического меньшинства, на что официальные власти пока не идут.

Новые русскоязычные иммигранты в основном исповедуют православие, лютеранство или не причисляют себя к какой-либо религии.

С 1998 года в Финляндии издается газета «Спектр» на русском языке. Некоммерческое издание предназначено для русскоязычного населения, живущего в Финляндии, стремится учитывать потребности читателей. За последние годы «Спектр» приобрел статус основного печатного источника информации для русскоязычного населения. Газета могла бы быть эффективным средством для распространения официальной информации, однако пока не удается использовать все ее возможности.

С 1993 года выходит коммерческое издание «Северный торговый путь — Pietarin kauppatie» на русском и финском языках.

Журнал «Новые рубежи» издается с 1999 года, выходит шесть раз в год. Первое время это был развлекательный журнал, но сейчас в нем также публикуются статьи о политике и экономике Северной Европы.

Финская радио- и телекомпания «Юлейсрадио» с марта 2001 года

ежедневно выпускает 50-минутную радиопрограмму на русском языке. Каждый вечер транслируются 45-минутные новости на русском языке. Она дублирует ключевые события и новости на русском языке на своём официальном сайте, а также в социальных сетях.

В сфере экономики и культуры Финляндии возросло значение русского языка. Объемы туризма из России в Финляндию росли до пандемии COVID -19 (до 2020 г.). В настоящее время наблюдается сильный спад в связи с временной отменой железнодорожного сообщения между Финляндией и Россией и только недавно возобновленным авиасообщением между странами. Однако уровень владения русским языком и знание русской культуры пока недостаточны. Из взрослого населения Финляндии русским в той или иной степени владеют 5-7 %.

Несмотря на существование законодательства, у русскоязычного населения в Финляндии имеется целый ряд проблем, порой приводящих к проявлениям дискриминации в различных сферах. Исходя из данных, полученных в ходе нашего исследования, большую роль в отношении финнов к российской диаспоре играет отношение к конкретным ее представителям (кластерный фактор). К тем иммигрантам, которые стремятся интегрироваться в общество и имеют стабильный социальный и профессиональный статус, финны (соседи, коллеги по работе, однокурсники и т.д.) относятся положительно. Наблюдается и противоположная тенденция в отношении неблагополучных граждан.

Следует отметить и еще одну проблему. Представители русскоязычного населения Финляндии уже длительное время добиваются признания их официальным меньшинством и получения определенных гарантированных государством прав меньшинств. Однако государственные органы Финляндии официально пока не определяют русскоязычное население страны или так называемых «старых русских» как языковое и этническое меньшинство.

В международном праве нет общепризнанного определения языкового или этнического меньшинства. Такого рода понятий обычно нет и в международных договорах. Признание этнического или языкового меньшинства в любом

государстве — практическая мера, когда государство лишь принимает факт существования языкового, религиозного или этнического меньшинства на своей территории. В известном смысле это если не ущемляет права, то снижает статус русскоязычной диаспоры.

С целью развития и подготовки вопросов, касающихся русскоязычной диаспоры, а также устранения недостатка информации следует обеспечить принятие конкретных мер в рамках заключенных Финляндией международных договоров, а также двусторонних соглашений между Финляндией и Российской Федерацией.

Таким образом, Финляндия учит творческому подходу в решении национальных проблем, лишённому стремления к унификации. Комплекс законодательных мер позволяет сохранить самобытность народа, ставшего меньшинством на собственной этнической территории, без создания территориальной автономии и ущемления прав представителей других национальностей. В то же время для обособленной этнической группы, отличающейся менталитетом от основной части страны (Аландские острова), предусмотрена широкая политическая автономия [22].

Можно сказать, что на государственном уровне в Финляндии создана эффективно действующая система обеспечения условий для адаптации иностранцев к финскому обществу при одновременном сохранении культурной и национальной идентичности.

Список литературы:

1. Шведоязычные жители Финляндии // <http://terijoki.spb.ru/history/templ.php?page=swedfinns&lang=ru;>
2. Русская Лапландия // <http://www.ruslapland.ru/saami.htm>
3. Керт Г.М. Саамский язык. Л., 1971; Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985; Хелимский Е.А. Саамский язык // Красная книга языков народов России. Энциклопедический словарь-справочник, М., 1994.
4. Резюме, подготовленное управлением верховного комиссара по

правам человека в соответствии с пунктом 15 с приложения к резолюции 5/1 совета по правам человека, Женева, 7-18 апреля 2008 г.

5. Правительство приняло решение о создании саамской комиссии правды и примирения // yle.fi/uutiset/osasto/novosti/pravitelstvo_prinyalo_reshenie_o_sozdanii_saamskoi_komissii_pravdy_i_primireniya/12165316

6. Татарская община Финляндии // http://www.tatar.ru/?node_id=3063;

7. Мияссарова Г. Такие далеки е и близкие финские татары // <http://www.tatarica.yuldash.com/society/article172>;

8. Гайнетдинов Р. Татары в дальнем зарубежье // http://tatarica.narod.ru/world/diaspor/tatdiaspor_041203.htm

9. Карлов С. Площадь Рауля и переулок Аарона: Евреи Стокгольма. Часть 1 // <http://www.sem40.ru/ourpeople/world/Sweden/19823/>

10. Лившиц М. Еврей Финляндии // <http://www.jewish.ru/history/facts/2002/06/news994161270.php>

11. Шустерман С. Финская синагога разменяла сотню // <http://www.jewish.ru/theme/world/2006/09/news994239371.php>

12. К вопросу о жизни национальных меньшинств в Финляндии. «Очи черные» на финской северной земле // Информационный портал «Вся Финляндия» <http://da.fi/524.html>

13. Торопов В. Г. История изучения цыганского языка в России // Цыгане. Сб. статей. М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 1999. — С. 16-26

14. www.stat.fi/til/vrm.html

15. Русскоязычное население Финляндии. История вопроса. // Из отчета рабочей группы при Совещательной комиссии по этническим отношениям при Минтруда Финляндии <http://finoved.madistudio.com/?idm=39&op=main&idcont=127>

16. Кочарова А. русскоязычное население Финляндии // <http://eursa.org/node/412/print>

17. Русскоязычное население Финляндии. История вопроса. // Из отчета рабочей группы при Совещательной комиссии по этническим отношениям при Минтруда Финляндии
<http://finoved.madistudio.com/?idm=39&op=main&idcont=127>
18. Лескинен А. Вопросы русскоязычных в Европе на примере Финляндии // Helsingin Sanomat, 20.05.2003 (перевод А. Лескинен)
19. Вересов Н. Страна Суоми – открытое общество? // <http://nveresov.narod.ru/stranasuomi.htm>
20. VKDL = Venäläinen Kulttuuridemokraattinen Liitto, Русский Культурно-Демократический Союз.
21. SVYL = Suomen Venäjänkielisten Yhdistysten Liitto ry, Финляндская Ассоциация Русскоязычных Обществ
22. Пюккёнен А. Финский ответ на национальный вопрос // Газета «Санкт-Петербургские Ведомости»
http://www.spbvedomosti.ru/article.htm?id=10244933@SV_Articles
23. Saami or Lapps // <http://www.suri.ee/eup;>
24. The Saami (Lapps) // <http://virtual.finland.fi/finfo/english/minorit3.html#live;>
25. The Sami Homeland // <http://www.itv.se/boreale/laante.htm>; Саамы // <http://finugor.ru/?q=node/877>
26. Shvedish in Finland // Research Centre of Wales
<http://www.uoc.edu/euromosaic/web/document/suec/an/e1/e1.html>;
27. Report by the Finland-Swedish Association // http://www.minelres.lv/reports/finland/PDF_Finland_FSA.pdf;
28. Прохоров П. Какой язык доведет до Хельсинки // <http://norse.ru/society/suomi/suomi-lang.html>

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Анисимов Игорь Олегович,
кандидат юридических наук, заместитель декана факультета «Международные
отношения и международное право», доцент кафедры международного права
Дипломатической академии МИД России.
E-mail: i-anisimov@mail.ru

Гуляева Елена Евгеньевна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права
Дипломатической академии МИД России.
E-mail: gulya-eva@yandex.ru

Дадашов Мусанниф Назир оглы,
третий секретарь посольства Азербайджанской Республики
в Российской Федерации.
E-mail: m.n.dadashov@gmail.com

Igor O. Anisimov,
Ph.D (Law), Deputy Dean of the Faculty of International Relations and
International Law, Associate Professor of the Department of International Law of
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.
E-mail: i-anisimov@mail.ru

Elena E. Gulyaeva,
Ph.D (Law), Associate Professor of the Department of International Law of
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.
E-mail: gulya-eva@yandex.ru

Dadashov Musannif Nazir oglu,
Third Secretary of The Embassy of Republic of Azerbaijan
to the Russian Federation.
E-mail: m.n.dadashov@gmail.com

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE INTERNATIONAL LEGAL PROTECTION OF CULTURAL PROPERTY

Аннотация. В статье рассматриваются становление и эволюция международно-правовой защиты культурных ценностей с древнейших времен по настоящее время. Целью статьи является выявление предпосылок и особенностей каждого исторического периода развития международного права в контексте международно-правовой защиты культурных ценностей, а также систематизация соответствующих международно-правовых актов. Авторами приводится собственная периодизация развития международно-правовой защиты культурных ценностей. Делается вывод о том, что первоначальный этап кодификации международно-правовой защиты культурных ценностей непосредственно связан с развитием правил и обычаев ведения войны.

Abstract. The article considers the formation and evolution of the international legal protection of cultural property from ancient times to the present. The purpose of the article is to identify the prerequisites and features of each historical period in the development of international law in the context of the international legal protection of cultural property, as well as to systematize the relevant international legal acts. The authors provide their own periodization of the development of international legal protection of cultural property. It is concluded that the initial stage of codification of the international legal protection of cultural property is directly related to the development of the rules and customs of warfare.

Ключевые слова: вооруженный конфликт, культурные ценности, культурное наследие, международное гуманитарное право, МККК, право вооруженных конфликтов, преднамеренное разрушение, справедливая война, традиционные знания, ЮНЕСКО.

Key words: armed conflict, cultural property, cultural heritage, international humanitarian law, ICRC, law of armed conflict, intentional destruction, just war, traditional knowledge, UNESCO.

Введение

На протяжении тысячелетий памятники истории и культуры повреждались или уничтожались в результате войн, стихийных бедствий и актов вандализма.

Учитывая ту роль, которую играют культурные и религиозные объекты в развитии человечества, перед мировым сообществом встала задача по обеспечению международно-правовой охраны религиозных, культурных и научных объектов. В начале XX в. ситуация осложнялась не только отсутствием универсального международного договора, который был бы посвящен исключительно международно-правовой охране указанных объектов, но и международной организации, которая разработала бы соответствующие нормы и стандарты. Данные проблемы обусловили создание в 1945 г. ЮНЕСКО (специализированного учреждения ООН по вопросам образования, науки и культуры). Благодаря ее деятельности, а также деятельности ряда неправительственных международных организаций, например МККК и ИКОМОС, удалось сформировать международно-правовую базу, регламентирующую отношения государств по охране культурных объектов не только в случае вооруженного конфликта, но и в мирное время.

За более чем 70-летнюю историю существования ЮНЕСКО ее подход к защите культурных объектов постоянно совершенствовался и продолжает совершенствоваться. Эволюция международно-правовой защиты культурных объектов связана, во-первых, с увеличением числа культурных объектов; во-вторых, с появлением новых факторов, угрожающих их сохранности; в-третьих, с созданием новых методов и технологий изучения и управления культурным наследием. В этой связи представляется необходимым проведение научного исследования, посвященного вопросам становления и развития международно-правовой защиты культурных ценностей с древнейших времен по настоящее время.

Становление правовой защиты культурных ценностей в Древние века (ок. 3100 г. до н.э. – 476 г. н.э.)

На протяжении тысячелетий культурным ценностям угрожали различные факторы, самым разрушительным из которых является вооруженный конфликт [1]. В связи с этим первоначальный этап кодификации международно-правовой

защиты культурных ценностей на универсальном уровне стоит рассматривать в исторической взаимосвязи с такими отраслями международного права, как право вооруженных конфликтов и международное гуманитарное право. Однако, по мнению авторов, предпосылки правовой защиты культурных ценностей³ возникли еще в период рабовладельческого строя.

Анализ истории развития международного права показывает, что в Древние века правовое регулирование межгосударственных отношений только начало свое формирование⁴ [2]. В связи с тем, что нормы международного права носили религиозный и обычно-правовой характер [2, с. 34], правила ведения войны практически не были кодифицированы. Война рассматривалась как правомерный способ ведения внешней политики. Кроме того, в праве Древней Греции и Древнего Рима убийство мирных жителей и уничтожение религиозных сооружений других народов считалось правомерным [3, с. 26], а культурные ценности становились бесхозными (*res nullis*). В соответствии с законодательством о военных трофеях такое имущество становилось собственностью захватчика.

Вместе с тем уже в период рабовладельческого строя в праве отдельных государств начали закрепляться правила ведения войны, согласно которым места отправления культа пользовались неприкосновенностью [2, с.36]. Соответствующие нормы содержались, например, в законодательстве Древней Индии и исламском праве.

Авторы считают, что именно нормы о неприкосновенности храмов и иных религиозных объектов послужили основой для формирования в будущем института международно-правовой защиты культурных ценностей в случае вооруженного конфликта.

³ Термин «культурные ценности» появился относительно недавно, в середине XX в. В связи с этим, когда мы ведем речь о «культурных ценностях» в Древние и Средние века, мы, прежде всего, подразумеваем под ними религиозные предметы, места отправления культа и иное ценное имущество, принадлежавшее государству.

⁴ При написании статьи, авторы опирались на периодизацию истории международного права, разработанную сотрудниками кафедры международного права Дипломатической академии МИД России; подробнее см.: Анисимов, И.О. История международного права: учебное пособие / И.О. Анисимов, С.В. Комендантов / под науч. ред. С.А. Егорова. - Москва : Проспект, 2020. - 80 с.

Подводя итог, можно отметить, что уважительное отношение к местам отправления культов и иным религиозным объектам было связано с их священным, а не художественным характером. Помимо этого, как подчеркивают исследователи, положения о неприкосновенности не распространялись на религиозные объекты, принадлежащие другим нациям, народам и государствам [3, с. 27].

Развитие правовой защиты культурных ценностей в Средние века (476 – 1648 гг.)

В Средние века защите религиозных (культурных) объектов уделялось больше внимания. Многие труды известных ученых того времени были посвящены вопросам защиты именно культурных ценностей (Г. Гроций, Ж.Ж. Руссо, Э. де Ваттель, Я. Пшилуский).

Частично это нашло отражение в концепции справедливой войны⁵. Остановимся на ней подробнее. Доктринальная конструкция международного

⁵ Смысл понятия «*bellum justum*» первоначально был заложен в работах Цицерона, Платона и Аристотеля. Существительное «*bellum*» означает «война», «борьба», а прилагательное «*justum*» – «справедливая», «честная». По Платону, войны «несправедливые» отличаются тем, что основываются на человеческой жажде наживы и пристрастию к удовольствиям. По его же утверждению, познание справедливости основывается на познании блага, и, опираясь на познание, можно говорить об установлении правителями всеобщего мира. В работе «Государство» Платон разделял по классам тех, кто принимает решение об объявлении войны, и тех, кто непосредственно занимается ее ведением. В контексте внутригреческих конфликтов он выделяет важность ограничения вооруженного насилия. Римский государственный деятель и оратор Цицерон называл справедливой войной ту, что ведется исходя из заранее предъявленных и официально оглашенных требований к стороне противника. Понимание ведения справедливой войны по римской традиции связано с намеренным допущением тех юридических оснований, которые придают правомерность военным действиям. Такое избрание военной политики было выгодно римлянам в осуществлении вооруженной экспансии.

Большинство авторов выдвигает три справедливые причины войны: самозащиту, возвращение имущества, наказание (Вильгельм Маттэи, «О справедливой и дозволенной войне»). Эти три причины встречаются в заявлении Камилла, обращенном к галлам: «*Все, что дозволено по праву, - защитить, вернуть, воздать*» (Тит Ливии, кн. V). В этом перечне, если слову «возвратить» не придавать более широкого смысла, опущено истребление того, что нам причитается. По словам Платона, войны ведутся в случаях не только угнетения или ограбления кого-либо, но также и обмана («Алкивиад»). Сенека отмечает: «*в высшей степени справедливо и согласно с правом народов правило: "Верни свой долг"*» («О благодетельных», кн. III, гл. 14). Та же мысль выражена в формуле древнеримских фециалов: «*что не отдано, не уплачено, не выполнено, то следует отдать, выполнить, уплатить*» (Тит Ливии, кн. I), а у Саллюстия в «Истории» сказано: «*требую возврата вещей по праву народов*». Августин, говоря о том, что «*справедливыми следует признать те войны, которые ведутся ради отмщения обид*» («Книга Иисуса Навина», кн. VI, вопр. 10), слово «отмщение» применяет в более общем смысле — взамен «воздаяния». Это подтверждается дальнейшим текстом, где приводятся примеры: «*так, нападать следует на народ или на государство, если оно не озаботится покарать деяния преступников или же не возвратит насильственно похищенное*».

Понятие справедливой войны с течением времени менялось. В современном мире оно также развивается — уже имеет более гуманную трактовку и с нормативной точки зрения сформировано наиболее обосновано. Появились новые критерии оценки конфликтов, которые обсуждаются на международном поле. Международные

права была впервые выдвинута более чем за двадцать лет до Вестфальского трактата голландцем Гуго Гроцием (1583-1645 гг.). В сочинении «О праве войны и мира» (1625 г.) на основе сочетания идей естественного права и изучения действующего позитивного права сформулированы три основных принципа: суверенности, международного сотрудничества и гуманизма.

Данный труд состоит из трех книг, но для авторов особый интерес представляет Книга вторая «О праве войны и мира», в которой Глава I «О причинах войны и сначала о самозащите и защите имущества», Глава X «Об обязанностях, возникающих из собственности», Глава XVII «Об ущербе, причиненном правонарушением, и о возникающем отсюда обязательстве» посвящены вопросам защиты собственности и имущества в период вооруженного конфликта.

Г. Гроций делает вывод, что истинная цель войны, согласно естественному закону, заключается в *«сохранении в неприкосновенности жизни и членов тела, сохранении и приобретении вещей, полезных для жизни...»* [4, с. 84]. Иными словами, он утверждает, что естественное право предполагает наличие легальной возможности на самозащиту, **защиту собственного имущества**, восстановление нарушенных прав и может быть выражено даже в форме войны. В момент самозащиты, по мнению Г. Гроция, свобода выбора человека сужается, собственная жизнь или жизнь близких оказывается той естественной ценностью, которая определяет выбор соответствующих действий. Важно отметить, что на примере упомянутой ситуации Г. Гроций показывает приоритетность ценности жизни по отношению к ценности свободы, **а также материальным ценностям.**

Г. Гроций очерчивает ряд ситуаций, когда человеку необходимо отказываться от права возмездия против обидчика. Так, применение силы в случае защиты собственного имущества будет целесообразным, если речь идет о ценном имуществе или когда от убийства вора зависит наша жизнь либо жизнь

организации, такие как Организация Объединенных Наций, во многом предохраняют от масштабных конфликтов и захватнических экспансий.

Следует подчеркнуть, что в эпоху Античности и Средние века понятие справедливой войны было субъективным и использовалось одной стороной в качестве оправдания для нападения на вторую.

близких. В остальных случаях, например, если имущество малоценно и отсутствует угроза физической безопасности, согласно Г. Гроцию, лучше лишиться имущества, нежели применять насилие.

Г. Гроций утверждал следующее: *«Ибо для природы собственности безразлично, возникает ли она в силу права народов или же в силу внутригосударственного права: ведь ей всегда присущи свойственные ей черты, к числу которых относится обязанность каждого владельца вернуть имущество собственнику»*.

Стоит отметить, что только с появлением Вестфальской системы международных отношений (1648 г.) защита религиозных и культурных объектов в случае вооруженных конфликтов была отражена в международном праве на универсальном уровне. Кроме того, впервые были закреплены положения о возвращении захваченных ценностей в места их происхождения.

Развитие международно-правовой защиты культурных ценностей при переходе от Средних веков к Новому времени (середина XVII в. - 1920 г.)

Большую роль в кодификации правил защиты культурных ценностей в случае вооруженного конфликта сыграло принятие в 1863 г. Инструкций Либеры для управления армиями (США). Как отмечают специалисты, данные Инструкции *«оказали влияние на разработку законов военного времени в <...> Великобритании, Германии, Испании, Италии, России, Франции и Японии»* [3, с. 29].

Первой попыткой закрепления международно-правовой защиты культурных ценностей на универсальном уровне стало принятие в 1874 г. на Брюссельской конференции проекта Международной декларации о законах и обычаях войны [5] (далее - Проект 1874 г.). Так, ст. 8 Проекта 1874 г. установила, что любой захват, уничтожение или умышленное повреждение исторических памятников, произведений искусства и науки должны быть предметом судебного разбирательства со стороны компетентных органов.

Несмотря на то что данный международно-правовой акт не был ратифицирован, основные положения, заложенные в нем, нашли отражение в последующих международных договорах. Например, в Гаагской конвенции IV о законах и обычаях войны 1907 г. [6] (далее - Гаагская конвенция IV) установлено, что *«должны быть приняты все необходимые меры к тому, чтобы щадить, насколько возможно, храмы, здания, служащие целям науки, искусств и благотворительности, исторические памятники, госпитали и места, где собраны больные и раненые, под условием, чтобы таковые здания и места не служили одновременно военным целям»* (ст. 27). Более того, данной статьей определена обязанность осаждаемой стороны обозначить указанные здания и места особыми видимыми знаками, о которых осаждающие должны быть заранее поставлены в известность.

Ст. 56 Гаагской конвенция IV закрепляет, что собственность церковных, благотворительных, образовательных, художественных и научных учреждений приравнивается к частной собственности. Кроме того, *«всякий преднамеренный захват, истребление или повреждение подобных учреждений, исторических памятников, произведений художественных и научных воспеваются и должны подлежать преследованию»*.

Развитие международно-правовой защиты культурных ценностей в Новое время (1920-1945 гг.)

В 1935 г. был принят Договор об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников (далее – Пакт Рериха) [7], инициатором разработки которого выступил русский художник Н.К. Рерих. Данный международно-правовой акт *«стал первым в истории международных отношений специальным договорным актом, посвященным регламентации межгосударственного сотрудничества по защите объектов культуры в период вооруженного конфликта»* [1, с.2].

В соответствии со ст. I Пакта Рериха *«исторические памятники, музеи, научные, художественные, образовательные и культурные учреждения*

считаются нейтральными и как таковые пользуются уважением и покровительством воюющих сторон». Более того, данная статья устанавливает, что сотрудники вышеперечисленных учреждений пользуются таким же уважением и покровительством. Это положение распространяется на учреждения как в случае вооруженного конфликта, так и в мирное время.

Вместе с тем ст. V Пакта предусматривает, что *«памятники и учреждения, указанные в статье I, перестают пользоваться привилегиями <...> в случае их использования в военных целях».*

Важной особенностью Пакта Рериха является предусмотренная в нем система обозначения объектов, обладающих исторической, культурной и научной значимостью. Это позволяет воюющим сторонам идентифицировать соответствующие объекты в случае вооруженного столкновения и избегать их случайного или преднамеренного повреждения.

Развитие международно-правовой защиты культурных ценностей в Новейшее время (с 1945 г. по н/в)

Как отмечают специалисты [1, с. 3], положения Пакта Рериха легли в основу Гаагской конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г. (далее – Гаагская конвенция 1954 г.). Данный международно-правовой акт был разработан ЮНЕСКО совместно с МККК. Необходимо сказать, что одной из предпосылок его разработки стало то, что культурным ценностям был нанесён серьёзный ущерб в ходе последних вооруженных конфликтов и что вследствие развития военной техники они всё больше и больше подвергаются угрозе разрушения [8, с. 2]. Особенностью Гаагской конвенции 1954 г. является закрепление на универсальном уровне определения термина *«культурные ценности»* (ст. 1), а также возможности предоставления *«специальной защиты»* соответствующим объектам (ст. 8). Кроме того, положения Гаагской конвенции 1954 г. распространяются на защиту культурных ценностей в случае вооруженного конфликта немеждународного характера (ст. 19).

В 1977 г. был принят Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям 1949 г. Ст. 53 Протокола запрещает совершать в отношении культурных ценностей и мест отправления культа враждебные действия, использовать их для поддержки военных усилий и делать их объектами репрессалий [9].

Принятый в 1999 г. Второй протокол к Гаагской конвенции 1954 г. установил обязанность сторон вывозить движимые культурные ценности из мест, находящихся вблизи военных объектов, или предусматривать надлежащую защиту на местах и избегать размещения военных объектов вблизи культурных ценностей (ст. 8) [10]. Кроме того, Протокол содержит критерии предоставления усиленной защиты культурных ценностей.

Вместе с тем культурному наследию угрожают и другие факторы – стихийные бедствия; общественные работы, проводимые с нарушением стандартов; акты вандализма и иные акты, направленные на преднамеренное разрушение объектов культурного наследия. Это обусловило необходимость международно-правового регулирования защиты культурных ценностей не только в случае вооруженного конфликта, но и в мирное время.

Так, в период с 1956 г. по настоящее время ЮНЕСКО был принят целый ряд рекомендаций, касающихся охраны, сохранения и защиты культурных ценностей, в частности Рекомендация, определяющая принципы международной регламентации археологических раскопок (5 декабря 1956 г.); Рекомендация, касающаяся наиболее эффективных мер обеспечения общедоступности музеев (14 декабря 1960 г.); Рекомендация о сохранении красоты и характера пейзажей и местностей (11 декабря 1962 г.); Рекомендации о сохранении культурных ценностей, подвергающихся опасности в результате проведения общественных или частных работ (19 ноября 1968 г.); Рекомендация об охране культурного и природного наследия в национальном плане (16 ноября 1972 г.); Рекомендация о сохранении и современной роли исторических ансамблей (26 ноября 1976 г.); Рекомендация о международном обмене культурными ценностями (26 ноября 1976 г.); Рекомендация об участии и вкладе народных масс в культурную жизнь (26 ноября 1976 г.); Рекомендация об охране движимых культурных

ценностей (28 ноября 1978 г.); Рекомендация об охране и сохранении движущихся изображений (27 октября 1980 г.); Рекомендация об охране и популяризации музеев, коллекций, их разнообразия и их роли в обществе (17 ноября 2015 г.) и т.д.

Всплеск разграбления археологических объектов и древних памятников в 1950-х гг. послужил основанием для принятия Конвенции о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности 1970 г. [11]. Благодаря данному международно-правовому акту были приняты существенные меры по разработке соответствующих правовых норм и стандартов, подготовке специалистов, укреплению международного сотрудничества и содействию в возвращении похищенных или незаконно вывезенных предметов искусства [12].

Охрана культурного наследия в мирное время тесно связана с принятием Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г. Данный международно-правовой акт стал первым договором, закрепившим на универсальном уровне термин *«культурное наследие»* [13]. В преамбуле Конвенции указывается, что *«культурному и природному наследию все более угрожает разрушение, вызываемое не только традиционными причинами повреждений, но также и эволюцией социальной и экономической жизни, которая усугубляет их еще более опасными, вредоносными и разрушительными явлениями»*. Кроме того, отмечается, что часто мер, принимаемых государствами на национальном уровне, бывает недостаточно для того, чтобы организовать надлежащую защиту объекта.

В преамбуле Всеобщей декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии 2001 г. говорится, что *«процесс глобализации, стимулируемый быстрым развитием новых информационных и коммуникационных технологий, хотя и представляет вызов для культурного разнообразия, вместе с тем создает условия для нового диалога между культурами и цивилизациями»* [14].

Также в тексте данного международно-правового акта получила дальнейшее развитие концепция культурных прав человека. Так, установлено,

что защита культурного разнообразия неотделима от уважения достоинства человеческой личности и подразумевает обязательство уважать права человека и основные свободы, особенно права меньшинств и коренных народов (ст. 4).

С развитием технических средств погружения и так называемого «рекреационного дайвинга» возникла необходимость в охране археологических и иных исторических объектов, расположенных под водой. В этой связи ЮНЕСКО была разработана и принята Конвенция об охране подводного культурного наследия 2001 г. [15] (далее – Конвенция 2001 г.). В преамбуле Конвенции отмечается необходимость *«реагировать соответствующим образом на возможное негативное влияние на подводное культурное наследие правомерной деятельности, которая может случайно воздействовать на него»*. Кроме того, в преамбуле отмечается рост коммерческой эксплуатации объектов подводного культурного наследия, а также *«доступность высоких технологий, расширяющих возможности обнаружения подводного культурного наследия и доступа к нему»*.

Таким образом, Конвенция об охране подводного культурного наследия 2001 г. стала первым специальным международно-правовым актом, регулирующим отношения государств в области охраны исторических объектов, расположенных на морском дне.

Несмотря на наличие большого числа международно-правовых актов в области охраны культурных ценностей к началу XXI в., не все виды культурного наследия охватывались ими. Например, охрана традиционных знаний, обычаев и традиций малочисленных и коренных народов не была урегулирована в международном праве. В связи с этим в 2003 г. ЮНЕСКО была принята Конвенция об охране нематериального культурного наследия. Целями данной Конвенции служат охрана и уважение нематериального культурного наследия, привлечение внимания к проблемам охраны такого наследия, развитие международного сотрудничества и оказание помощи [16].

В 2003 г. была принята Декларация ЮНЕСКО, касающаяся преднамеренного разрушения культурного наследия [17]. Предпосылками принятия данной

Декларации послужили акты вандализма в отношении объектов культурного наследия. Одним из таких актов стало уничтожение талибами Бамианских статуй Будды в 2001 г. Особенность Декларации заключается в том, что ее положения действуют как в мирное, так и военное время.

Основной целью Конвенции об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения 2005 г. [18] (далее – Конвенция 2005 г.) являются охрана и поощрение разнообразия форм культурного самовыражения, воплощенных в *«культурной деятельности и культурных товарах и услугах»*, которые и становятся способами передачи современной культуры.

Как отмечают эксперты, в отличие от Декларации 2001 г., которая охватывает все аспекты культурного разнообразия, Конвенция 2005 г. касается только конкретных аспектов, которые предусмотрены в ст. 8 и 11 Декларации 2001 г. [19].

Заключение

В ходе работы над настоящим исследованием авторы пришли к следующим выводам.

1. Анализ истории становления международно-правовой защиты культурных ценностей выявил ряд предпосылок появления и развития рассматриваемого института. Было установлено, что вооруженный конфликт служил основной предпосылкой становления международно-правовой защиты культурных ценностей. Это связано с тем, что такие ценности могут быть не только уничтожены или повреждены в ходе вооруженного столкновения, но и захвачены в качестве военного трофея. Таким образом, ранние периоды кодификации защиты культурных ценностей связаны со становлением и кодификацией сначала обычаев ведения войны на национальном уровне, а затем Гаагского и Женевского права.

2. Дальнейшая кодификация международно-правовой защиты культурных ценностей связана с необходимостью защитить такие объекты в мирное время. Предпосылками заключения новых международных договоров в

рамках ЮНЕСКО в сфере охраны культурного наследия стали следующие факторы:

- увеличение числа незаконных археологических раскопок;
- неконтролируемый ввоз и вывоз культурных ценностей;
- необходимость защитить объекты при проведении общественных работ, а также реставрации и консервации ценных объектов;
- стихийные бедствия;
- увеличение числа актов преднамеренного разрушения культурных ценностей в мирное время.

3. Проводя анализ истории кодификации международно-правовой защиты культурных ценностей, авторы приводят собственную периодизацию этапов такой кодификации:

I этап: с древнейших времен до 632 г. Характеризуется отсутствием международно-правового регулирования защиты культурных ценностей. При этом национальное право отдельных государств содержит нормы о защите религиозных объектов, расположенных на их территории.

II этап: 632–1648 гг. Также характеризуется отсутствием международно-правового регулирования защиты культурных ценностей, однако все больше научных работ известных мыслителей того времени посвящено вопросам защиты культурных и религиозных объектов в случае вооруженного конфликта.

III этап: 1648–1874 гг. Со становлением Вестфальского мира все больше положений различных актов предусматривало возвращение предметов в государства их происхождения. Сначала это касалось только государственных архивов, а затем было распространено на произведения искусства, перемещенные в ходе сражений.

IV этап: 1874–1954 гг. Обусловлен становлением и развитием Гаагского права, положения которого также регулировали вопросы защиты исторических, научных и культурных объектов в период вооруженного конфликта.

V этап: 1954–1972 гг. Данный период рассматривается авторами как промежуточный и обусловлен деятельностью ЮНЕСКО в области разработки

международно-правовых норм охраны культурных ценностей. За указанное время был принят ряд деклараций, а также Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности 1970 г.

VI этап: с 1972 г. по настоящее время. Характеризуется введением новой терминологии, принятием универсальных конвенций по защите культурного и природного наследия в мирное время. Впервые на универсальном уровне закреплена защита нематериального культурного наследия. Интенсификация террористических и иных противоправных актов, направленных непосредственно на повреждение и уничтожение культурного наследия, привела к необходимости обеспечения принятия мер по противодействию преднамеренному уничтожению культурных ценностей.

В основе предложенной периодизации лежат конкретные исторические события, связанные со становлением национальных правил ведения войны, развитием правовой науки в контексте защиты культурных ценностей, а также принятием универсальных международных соглашений. Кроме того, учитывалась периодизация истории международного права, которая была разработана российскими учеными-международниками, в том числе сотрудниками кафедры международного права Дипломатической академии МИД России.

Список литературы

1. Егоров С.А., Анисимов И.О. «Культурная чистка» и защита культурных объектов в период вооруженных конфликтов // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». 2019. № 6. - С. 1-7.

2. Анисимов, И.О. История международного права: учебное пособие / И.О. Анисимов, С.В. Комендантов / под науч. ред. С.А. Егорова. - Москва : Проспект, 2020. - 80 с.

3. Видинеев Д.И. Прогрессивное развитие института международно-правовой защиты культурных ценностей дис. ... на соиск. уч. степ. канд. юрид. наук. - Москва, 2017. - 233 с.

4. Баскин Ю.Я., Фельдман Д.И. История международного права. М., 1990. С. 96-97.

5. Project of an International Declaration concerning the Laws and Customs of War. Brussels, 27 August 1874. // URL: <https://ihl-databases.icrc.org/applic/ihl/ihl.nsf/INTRO/135> (дата обращения: 15.11.2021).

6. Гаагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г. // URL: https://doc.mil.ru/documents/quick_search/more.htm?id=11967448@egNPA (дата обращения: 15.11.2021).

7. Договор об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников 1935 г. // URL: <http://www.icr.su/rus/evolution/pact/> (дата обращения: 15.11.2021).

8. Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (Гаага, 14 мая 1954 г.) // Нормативные акты ЮНЕСКО по охране культурного наследия. – М.: ЮниПринт, 2002.

9. Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям 1977 г. // URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/legal-fact-sheet/protocols-1977-factsheet-080607.htm> (дата обращения: 15.11.2021).

10. Второй Протокол к Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (Гаага, 26 марта 1999 г.) // Нормативные акты ЮНЕСКО по охране культурного наследия. – М.: ЮниПринт, 2002.

11. Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности (Париж, 14 ноября 1970 г.) // Международные нормативные акты ЮНЕСКО. – М., 1993.

12. Негри В. Конвенция 1970 года: первый шаг к признанию универсальности культуры // Курьер ЮНЕСКО, 2020. №3. - С. 9-10.

13. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (Париж, 16 ноября 1972 г.) // Нормативные акты ЮНЕСКО по охране культурного наследия. – М.: ЮниПринт, 2002.

14. Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии (Париж, 2 ноября 2001 г.) // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml (дата обращения: 15.11.2021).

15. Конвенция об охране подводного культурного наследия (Париж, 2 ноября 2001 г.) // Нормативные акты ЮНЕСКО по охране культурного наследия. –М.: ЮниПринт, 2002.

16. Конвенция об охране нематериального культурного наследия (Париж, 17 октября 2003 г.) // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml (дата обращения: 15.11.2021).

17. Декларация ЮНЕСКО, касающаяся преднамеренного разрушения культурного наследия 2003 г. // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/heritage_destruction.shtml (дата обращения: 15.11.2021).

18. Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения (Париж, 20 октября 2005 г.) // Нормативные и практические меры по охране культуры: Справочник ЮНЕСКО. –Алматы, 2008.

19. Культурное разнообразие // Центр по проблемам информатизации сферы культуры (Центр ПИК). URL: <http://rus-eu-culture.ru/610/cultdivers/> (дата обращения: 15.11.2021).

Даниэль Дела Колета Эйсаки,
аспирант кафедры защиты основных прав Университета Итауны (UIT),
магистр в области диффузных и коллективных прав
Методистского университета Пирасикабы (UNIMEP),
адвокат,
Бразилия, Южная Америка.
E-mail: danicoleta@hotmail.com

Дейлтон Рибейро Бразил,
доктор философии в области права в университете UNIME, Италия,
кандидат юридических наук в Университете Гама Филью (UGF),
Рио-де-Жанейро,
доктор юридических наук Университета Итауна (UIT) и юридического
факультета Святого Августина (FASASETE-AFYA),
Бразилия, Южная Америка.
E-mail: deilton.ribeiro@terra.com.br

Daniel Dela Coleta Eisaqui,
PhD student in Protection of Fundamental Rights at the University of Itaúna
(UIT). Master's degree in Diffuse and Collective Rights by the Methodist University
of Piracicaba (UNIMEP). Bachelor of Legal Sciences from the Methodist University
of Piracicaba (UNIMEP). Attorney in Law. Brazil, South America.
E-mail: danicoleta@hotmail.com

Deilton Ribeiro Brasil,
Post PhD in Law at Università degli Studi di Messina, Italy. PhD in Law at
Gama Filho University-Rio de Janeiro. Scholar at Master and Doctorate's degree in
Protection of Fundamental Rights at the University of Itaúna (UIT), Saint Augustin
Law Faculty (FASASETE-AFYA), Brazil, South America.
E-mail: deilton.ribeiro@terra.com.br

РОЛЬ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ В УПРАВЛЕНИИ РИСКАМИ И ПРЕДОТВРАЩЕНИИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ КАТАСТРОФ В СВЕТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРАВА

BEYOND THE SPECIAL ASSESSMENT TAX: THE ROLE OF TAXATION IN RISK MANAGEMENT AND ENVIRONMENTAL DISASTER PREVENTION IN LIGHT OF THE ECONOMIC ANALYSIS OF LAW

Аннотация. В данной статье автор анализирует необходимость сбора средств на общественные работы, связанные с предотвращением бедствий и управлением рисками. Цель исследования – попытка ответить на два вопроса:

является ли налог на специальные взносы хорошим способом финансирования работы инфраструктуры предотвращения бедствий в свете подхода налоговых стимулов, существуют ли другие варианты, которые более эффективны в свете бихевиористской экономики. Направление в исследовании догматично, а метод подхода дедуктивен. Методологию исследования составляют библиографический и документальный сбор материала с использованием доктрины, национального законодательства и международных договоров. Автором делается вывод в поддержку освобождения от специального налога на имущество в случае, когда общественные работы связаны с предотвращением стихийных бедствий и необходимостью замены такого налога другими механизмами финансирования.

Abstract. This article analyzes the fundraising of public works related to disaster prevention and risk situation management and aims to answer two questions: is special assessment tax a good way to fund disaster prevention infrastructure work in light of a tax incentive approach, and are there other options that are more effective in light of behaviorist economics? Its focus is dogmatic, and the method of the approach is deductive. The research method is both bibliographic and documental, utilizing doctrine, national legislation, and international treaties. The article concludes in support of the exemption of the special assessment tax when public works are related to disaster prevention and substitution of such tax with other funding mechanisms.

Ключевые слова: экологическое право, закон о стихийных бедствиях, налогообложение, управление рисками, государственная политика.

Keywords: environmental law, disaster law, taxation, risk management, public policies.

Introduction

This article aims to discuss the funding of public works related to disaster prevention and risk management. Its objective is to analyze the pertinence of legal predictions, including in regard to public works related to defending against droughts, floods, and erosion, in the hypothetical tax incidence of special assessment tax.

Therefore, the problem under discussion here involves two questions: whether special assessment tax is a good way of funding disaster prevention infrastructure work and whether there are other options that are more effective.

Regarding the methodological approach, the focus is dogmatic as the article proposes answering the aforementioned formulated research questions by systemizing and interpreting established legal sources, including critical argumentation of these normative sources to conclude in a *de lege ferenda* reasoning. The method of approach is deductive in the sense that it applies general theoretical premises to analyze a particular case and reach a conclusion to improve the legal system and the disaster prevention framework. The research method is both bibliographic and documental, utilizing doctrine, national legislation, and international treaties.

The theoretical framework on which this article is structured is provided by the “economic analysis of law” and “behavioral law and economics” through key concepts such the idea of “cost of rights,” “Fiscal State,” and the legal theory of promotional function of law, which leads to the notion of “tax incentives.” As an axiological guideline, the basis of these reflections is the implementation of disaster prevention systems considering the notion of sustainability and a new environmental rationality.

This article is divided into three sections. Section 1 discuss the role of the economic analysis of law in the protection of rights in a Fiscal State as well as the promotional function of law in risk management. Section 2 is dedicated to the role of taxation in the sense of contribution for the improvement of the precautionary dimension of disaster law. Section 3 formulates a critique of special assessment tax and proposes its substitution for new fundraising mechanisms. The article ends with a discussion of the main conclusions.

The contribution of economic analysis of law to the protection of fundamental rights in a fiscal state

Both law and economy are branches of human sciences that are crucial when aiming to study human behavior. Former U. S. Supreme Court Justice Oliver Wendell Homes once said that “every lawyer ought to seek an understanding of economics” [31]. In this article, we explain this statement. In accordance with Gregory Mankiw,

economics studies how society manages its scarce resources, how people make decisions, how people interact with one another and the forces and trends that affect the economy [50, p. 4]. On the other hand, law is an “order by which human conduct is regulated in a specific way” [39, p. 50]. Thus, both of these concepts concern the dynamics of decision-making in society.

Against this conceptual background, a structuralist approach can be assumed: the things that humans do, think, perceive, and feel are consequences of arrangements within a broader system. As argued by Claude Lévi-Strauss (1963) [48], the concept of system implies the coexistence of several elements, “none of which can undergo a change without effecting changes in all the other elements” [48, p. 279]. In this way, law and economy are based on social frameworks. Brian Tamanaha (2015) [68] noted in regard to law – and the idea is also applicable to economy – that it is shaped by society and, in turn, acts in shaping society. The two concepts are “the product of and reflects the polity, religion, trade, manners, moral views, customs, temperature, geography, and everything else about and within a society, seen holistically” [68, p. 2241].

Consequently, a “pure theory of law” as proposed by Kelsen is neither possible nor desirable. There is no place for an autopoietic understanding of law [21]. Although there is no unequivocal explanation for the nature between law and economy, there is a mutual relationship between them [24, p. 29-38]. Economic factors affect the behavior of individuals, and the economic development depends on legal institutions and frameworks that can more or less act as regulatories. Therefore, law is necessary for the functioning of the economy, and considering economic circumstances is important for legal effectiveness [23].

As a result of this reasoning, a new methodological approach in human and social sciences was formulated and termed “the economic analysis of law” or “Law and Economics.” The main idea behind this approach is using economic efficiency to analyze the law, and it involves addressing two basic issues: the description of the effects of legal rules and the desirability of these same rules in the light of their consequences [63, p. 1].

The focus in using such an approach is to improve the achievement of the common good and social welfare, that is, to understand and evaluate the reality of the legal system and regulatory framework. The first guideline for this approach is to assume that “people are rational, acting with a view toward the possible consequences of their choices” (Steven Shavell, 2004, p. 4). Another is the fact we live in a society with scarce resources, and it is necessary to allocate the available resources in an efficient way, that is, through trade-offs and cost-benefit analyses [50, p. 4-6].

The main goal is to build a legal system that assures the protection of fundamental rights with lower costs and without generating externalities. In regard to this purpose, taxation plays an important role because the current model of the state is founded on fiscal bases [56], meaning that public finances are dependent on taxes. In this sense, the role of the economic analysis of law is to allow for the implementation of fiscal governance, which involves being able to distribute taxation in an efficient way, balancing fiscal sustainability and budget surplus and allowing for adequate protection of rights [42].

As noted by Bruno Bodart and Luciana Yeung [7], from the moment there is a positivization of rights, primarily fundamental ones in constitutions, these rights become more than political rhetoric; they are true obligations that must be implemented. However, if the public administration (the government) does not have enough resources or management capacity, the enforceability of these rights will be postponed in an endless circle. In conclusion, rights have costs. Therefore, the economic analysis of law is an appropriate approach by which to define the funding structure, electing as its guideline not a quantitative level of taxes but the introduction of a qualitative concern in regard to the tax system.

1.1. The cost of rights in contemporary fiscal states

It is said that Oliver Wendell Holmes once declared that taxes are the price paid for a civilized society [55]. In the same sense, Stephen Holmes and Cass Sunstein (2019) argue that liberty depends on taxes. In fact, not only liberty but all recognized rights depend on taxes to be fulfilled. There is a financial need in the contemporary

state that is fulfilled by taxes in the current model of social, economic, and political organization [55, p. 12].

Under a liberal model of state, the watchword was freedom, more precisely, the French motto of physiocrats, *laissez faire* [1; 30, p. 38, p. 56], or the libertarian slogan “don’t tread on me,” both of which advocate individual liberty, property rights, a free market economy, and minimal government [61, p. 43]. This model of the state was known by the French expression of *État gendarme* [2], and the rights recognized in this period were “negative”; that is, the main role of the government was to avoid impacting individual autonomy [20, p. 159]. Despite this anti-statist opposition, even these rights require the presence of the state to some degree, at a minimum to protect them from being violated [32].

As the 19th century ended and the 20th century began [20], a new model of state was conceived upon social ideals. The state was no longer an enemy but had become an important actor in providing material conditions for the dignified existence of human beings on Earth. This movement of social change was induced by socialists and communists, who had put forth the question of whether political rights were enough and whether there was room for the coexistence of private property and the social duty to promote the general public welfare [24, p. 46, p. 49; 34, p. 198].

The main guideline of this conception was to recognize the obligation of governments to act on behalf of a fair social order. As a consequence, there is no longer room for an absentist state, and society faces an increase in state interventionism [20 p. 45-47; 26, p. 42]. In terms of ontological structure, social rights require positive actions from governments, that is, implementation measures, to give them a concrete meaning [42]. Consequently, this demand for public action implies the existence of costs and the availability of resources, culminating in the previously mentioned need for taxation.

Thus, there is frequently dissonance between taxing (revenue) and spending. It is commonly argued that there is a financial insufficiency, that is, that there is a government budget deficit. Consequently, economists, lawyers, political scientists, sociologists, and other theorists develop theoretical foundations, assumptions, and

concepts in this regard to explain or justify governmental conduct, primarily under austerity policies [5; 45).

Nevertheless, public administration cannot argue for this insufficiency of resources when it has not implemented an adequate tax system [75]. However, this statement does not imply, in a mandatory way, the implementation of a quantitative fiscal policy; that is, the problem of insufficient resources is not resolved simply by the increasing of taxes. Beyond high tax levels, it is necessary to provide a rational tax system, which means observing qualitative parameters. The formulation and implementation of public policies, particularly the fiscal ones, thus become more efficient when considered under a law and economics approach.

1.2. The role of the economic analysis of law in the making of public policies

Public policies refer to the adoption of a course of action aimed toward specific objectives [25, p. 34] In other words, they are state efforts in response to social demands or instruments of public performance that aim to implement general principles of legal order [21]. According to Terence Dorneles Trennepohl [70, p. 99] public policies are a system with three subjects: the market, the state, and civil society.

In the definition provided by Gabriel Vieira Terenzi [25, p. 34], the public policymaking process implies the balancing of available options. Developing public policies involves deciding among different possible ways and choosing among different results. Therefore, the economic analysis of law involves approaches that allow for the maximization of desired and expected outputs and provide the manner in which to implement an effective regulatory framework.

The law and economics approach permeates the entire public policymaking process as far as it contributes to deciding which social, political, juridical, cultural, religious, and environmental issues should be regulated and become targets of the state's activities and public [32, p. 100-103]. In a second moment, it will help to choose among the available action plans.

Public policies involve political, juridical, and economic elements. In a political sense, public policies are the implementation of a certain way of governing, that is, the

setting in motion of a set of possible actions by encouraging, inducing, diverting, facilitating, or hampering [18, p. 112]. There is a margin of discretion, but there is also a constitutionalized duty to protect that restricts that administrative discretion [42]. In addition to the juridical restrictions, another concern regards effectiveness and efficiency, that is, a cost-benefit analysis in terms of promoting human rights and generating lower marginal costs (Brazilian Constitution, 31/08/2021, art. 37; Introduction Act to Brazilian Law Rules, 31/08/2021, art. 20, 21 and 22).

The economic approach is intended to answer the question how can externalities be reduced? As noted by Klaus William Kapp [38, p. 283], “the aim of economic science is to establish theoretical frameworks which show the possible relationships which connect the many variables of economic reality, thereby enabling individuals and governments to make reasoned choices in full understanding of the probable consequences of their action”; that is, economics must explore “the repercussions of alternative measures of public control and economic planning” and “formulate valid criteria for public decisions and public administration.”

Every individual or institutional act has an impact on society [50, p. 11], as argued by Vilfredo Pareto [58, p. 6] and Ronald Coase [9, p. 1-44], for instance. From the moment when fundamental rights must be implemented and it is recognized they have a hard core (“existential minimum”) [62; 74], it is necessary to develop a formula that calculates the maximum possible extent of these rights [22] with lower marginal costs, reducing negative externalities and attempting to avoid “tragic choices” [15].

Under the law and economic approach, the public policymaking process involves the reduction of transaction costs and must intend to achieve the Kaldor–Hicks efficiency, that is, to protect fundamental rights producing more benefits than costs or benefits that are greater than the costs [67, p. 324]. In line with Coase [19, p. 27], “the problem is to avoid the more serious harm”; that is, “what has to be decided is whether the gain from preventing the harm is greater than the loss which would be suffered elsewhere as a result of stopping the action which produces the harm.”

As Deilton Ribeiro Brasil and Vinicius de Araujo Ayala [8, p. 277-278] argue, the central issue faced in publicpolicymaking in regard to environmental protection is

the cost of preventive measures, which must be lower than the *post-factum* costs, meaning that if prevention is not more advantageous than reparatory costs, there will be no incentive for disaster prevention.

In conclusion, more than a punitive mechanism of social regulation, the law may play a promotional role. In this context, the taxation may promote development but may also limit the growth opportunities. The synthesis is hence to achieve the protection of rights through a positive agenda; that is, “the government can remedy an externality by making certain behaviors [...] required” rather than by focusing on prohibition [50, p. 209]. In other words, it is necessary to give the “correct” incentives [67, p. 321].

1.3. The promotional function of law through tax incentives and the risk management principles of disaster law

The traditional legal theory analyzes law from a punitive point of view. That is, law is understood as a social control mechanism founded on the concept of “sanction.” From the sociological concept of deviance, the legal theory has been built on the duty to punish actions or behaviors that violate social [6, p. 24].

Hans Kelsen [40, p. 35-38] argues that the distinction of law is the fact it stipulates sanctions, being hence coercive. In addition to this epistemology, Norberto Bobbio [6, p. XII] notes that law is not only about social control; more than that, it is concerned with social direction. In other words, it not only prevents some undesired or harmful conduct and behaviors but also should promote socially desirable ones.

Indeed, this directive function of law is close to another theory that was formulated under an economic point of view, primarily following insights from behavioral economics: the “Focal Point Theory of Expressive Law,” by which law can play a coordinating role, inducing individuals to converge on a particular convention (a “focal point”) “by commanding or merely recommending that individuals coordinate around that solution” [52, p. 1663].

Juridical functionalism was already raised in Ihering’s book “Law as a means to an end” (*Der Zweck im Recht*, published in two volumes between 1877 and 1883). In accordance with the German jurist, the fundamental idea “consists in the thought that

Purpose is the creator of the entire law; that there is no legal rule which does not owe its origin to a purpose, i.e., to a practical motive” [35, p. LIV]. He argues in advance that “the concept of law includes therefore two elements; a system of purposes, and a system of their realization” [35, p. 56] In his philosophical and literary expression, “the force which moves the wheelwork of human society is the human will,” and there are “impulses and powers which accomplish” “the disciplining and training of the human will” [35, p. 72]. Consequently, the concept of coercion involves “the realization of a purpose by means of mastering another’s will.” Ihering argues that this coercion can be psychological, that is, “in which the resistance of the foreign will is overcome by itself from within.” In this case, there is “a positive changing of its motion” in a propulsive objective to prevent something [35, p. 176-177].

According to Bobbio’s line of thought, the promotional function of law intends to encourage and to stimulate certain conduct. Therefore, to achieve this goal, law makes this desirable conduct necessary, simple, and advantageous. In short, law seeks to induce certain conducts by making them easier or by attaching pleasant consequences [6, p. 14-16].

The taxonomy of this approach covers facilitation or simplification, by which the intention is to make the process easier and cheaper and increase the reward, which can be either the gaining of an advantage or the removal of disadvantages. In regard the simplification, it can be achieved by removing the onus (‘debureaucratization’) or by providing the necessary resources [6, p. 18]. There are also retributive or compensatory as well as preventive or reactive measures [6, p. 26].

The idea of preventive measures is precisely to promote desirable behavior and to induce the individuals and legal entities to act in some specific way [6, p. 26]. In this point, the concept of the promotional function of law dialogues with the principles of disaster law. The main concern of this branch of law is to deal with disruptive events with the intention of managing the “havoc of disasters.” [17, p. 67].

As events such as natural or environmental disasters have an irreversible impact on human lives and local ecosystems and also adversely impact future generations, the *raison d’être* of disaster law is to formulate preventive strategies grounded in risk

management and the reduction of vulnerabilities [17, p. 17-18]. From the standpoint of disaster law, the state takes responsibility for promoting disaster prevention and the detection of environmentally risky situations, acting in a preventive manner in their management [17, p. 120]. In this sense, the role of public administration is to impose limits and determine ways of interaction with nature [4, p. 273].

We have said before that the state is built based on a fiscal model, demanding taxes to implement its “duty to protect.” Additionally, it was underscored that regulatory frameworks generate social and transaction costs and externalities. In accordance with this reasoning, it is possible to recognize the admissibility of taxation to encourage or discourage conduct and activities based on their potential for harm to the environment; that is, “taxation assumes the role of an economic instrument in environmental policies which seeks to induce the adoption of behaviors” that are in harmony with the conservation of natural resources [60, p. 244].

Indeed, the adoption of tax incentives is a more valuable contribution to disaster prevention than positive taxation over environmental harmful behaviors, goods, and services. Tax incentives are preventive because they lead, a priori, to environmentally responsible actions – they are not an *ex post facto* punishment, when the activities, services, goods, and deeds have already damaged the environment [70]. In line with the economic approach that has been used as theoretical guidance on this work [71], the beneficial nature of tax incentives is derived from the fact the environmentally responsible conduct becomes the most economically advantageous conduct, including lower marginal costs and result in better tradeoffs (the benefits are higher than the costs).

The meaning of this article’s proposition is to reduce the transaction costs of conduct that contributes to disaster prevention via tax relief, applying the concept of positive sanctions and replacing the tax burden with a new fundraising system. Following the taxonomy provided by Norberto Bobbio, it is possible to define this purpose as preventive because it is intended to induce precautionary conduct; it is retributive because it rewards the contribution with an advantage, and it is also a simplification because it makes the disaster prevention system cheaper for the citizen.

2. The role of taxation in risk management and environmental disaster prevention

The tax burden influences the decision-making and individuals' behavior. This is a common discussion in the field of behavioral economics, which intends to explain the tax compliance decision, recognizing that the legal system structure is able to affect the taxpayers' decision through incentives or disincentives [33]. That is, taxation can be used to “design policies to help people to make more beneficial choices (...) determining best outcomes and guiding people towards them” [49, p. 434].

Regarding disaster prevention and risk management, the main concern is the dissuasive function played by law and public policies, in the sense that it is expected that institutional and individuals agents who are able to cause environmental harm decide to avoid pecuniary punishment and implement preventive measures [65, p. 94].

2.1. The precautionary character of disaster law

Disaster law concerns measures for disaster situation management, that is, the legal responses related to this type of event. When we discuss legal responses, it is in relation not only to *post-facto* measures but all types of direct and indirect issues that may have influence in the occurrence of such hazards or the treatment of their consequences. Therefore, it has a preventive nature, a precautionary character that serves as a guideline for positive law regulatory framework.

As noted by Paulo Affonso Leme Machado [47, p. 91], precaution means an action taken in advance when facing risk or danger. However, this preventive dimension of disaster law involves at least three concepts: “prevention,” “mitigation,” and “preparedness.” The main idea of these concepts is to avoid disasters and reduce the impact of the cataclysmic events when they occur. To do so, it is necessary to develop the knowledge and capacity to effectively anticipate and respond to the imminency and impact of disasters [3, p. 55].

Why, though, does this concern regarding prevention in environmental and disaster matters exist? What is the axiological reason behind this juridical and political point of view? As Cass Sunstein [66, p. 842] said, “many losses are irreversible”: species can be gone forever, the costs of transgenic crops can be irreversible, and there

is also the problem of global warming. It's important to underscore that this issue is not only about vegetable or animal losses but also about effects on cultural heritage, as in the Brumadinho and Mariana disasters [43].

As Cass R. Sunstein [66, p. 860] points out, “an effect is irreversible when restoration to the status quo is impossible or at best extremely difficult, at least on a relevant timescale”. In his synthesis regarding this issue, “the irreversible change has to be for the worse, and it must also rise to a certain level of magnitude”; that is, “the harm must be serious as well as irreparable” [66, p. 861].

The international *corpus juris* includes expressions such as “significant reduction or loss” [72], “significant deleterious effects,” and “threats of serious or irreversible damage” [73]. The meaning of these concepts is the impossibility of a return to the *status quo ante* [8, p. 281; 47, p. 105]. The recovering of environmental damages is difficult or impossible thus, it is necessary to act in a way so as to prevent their occurrence. The administrative “duty to protect” leads to the formulation of a comprehensive disaster prevention program, covering information, technologies, inspections, tracking systems, statistics, examinations, and other appropriate means to identify possibilities of danger without disregarding the enacting of laws, decrees, ordinances, and other normative instruments [4, p. 268; 47, p. 120-121].

In conclusion, the implementation of a disaster prevention system implies the formulation of public policies that require a joint effort of public and private entities, both institutions and individuals, as dictated by the Brazilian Constitution in Article 225. From this constitutional prediction, the notion of future environmental harm as grounds for precautionary actions emerges, as an ecologically balanced environment is a right of present and future generations [8].

2.2. The implementation of disaster law through public policies

The prevention of disasters and risk management involves administrative decisions and processes [17, p. 35, p. 45]. As Carla Amado Gomes [29, p. 142] highlights, current risk/accident scenarios demand preventive public intervention. This public intervention, in turn, involves complex measures, procedures,

and actions intended to organize the development of activities by society (legal entities and individuals) to achieve the common good and protect the public welfare.

First, there is the right to know, which refers to, the information that allows reflection in regard to environmental and social issues related to disasters as well as public participation in the decision making [16, p. 79], both activities that may create hazards or cause harm in the case of preventive measures. As noted by Thamara Estéfane Martins Balbino and Deilton Ribeiro Brasil [4, p. 262], in a risk society, it is necessary to provide some knowledge to allow for the prevention of risky situations but also to provide protection regarding damages.

Additionally, there are “structural measures,” which are infrastructure works: levees, dams, retaining walls, earthmoving, drainage, and other works [16, p. 80]. However, these measures have costs, whether they are provided directly by the public administration or their implementation results from public-private partnerships. In the former case, its funding is commonly acquired through specific taxes, such as the special assessment tax. Nevertheless, the main idea in this area is public involvement to improve preparedness – to be better positioned to protect lives, nature, and goods - and the ability of resistance in relation to disasters of all types.

In this structural level of preventive measures, there is increased intention to use what is termed “green or natural infrastructure” [16, p. 80-88]. This concept is defined by Delton Winter de Carvalho [16, p. 82] as “an interconnected network of green areas that conserve ecosystems and their functions that assist human populations”. In other words, “these ecosystems have several services and functions that contribute to the development of society, as reproductive areas of diverse species; filters containing nutrients, sediments, and pollutants; areas of storm protection and coastal erosion” [41, p. 107]. As Délton Winter de Carvalho [16, p. 86] notes, these natural resources act to mitigate the impact of disasters or provide the help necessary to recovery the affected area.

Beyond structural measures, disaster prevention demands non-structural action plans through juridical, political, and technical instruments [16, p. 89]. Both structural and non-structural plans should be implemented together [16, p. 89], which leads to an

additional relevant conclusion: non-structural instruments must be used to make structural measures easier, cheaper, and more viable. Therefore, taxation plays an important role in risk management and disaster prevention work by reducing costs or improving the necessary fundraising.

2.3. The use of steering taxes and tax incentives in risk mitigation

Taxation can make some conduct, goods, and activities more expensive and disadvantageous. Thus, the tax system is a joint concern of law, economy, political theory, and even psychology. Tax is a juridical problem because there is a tax system, with principles and rules that establish a regulatory framework for taxation, but also because taxes are necessary to achieve rights protection [32]. Under a political approach, taxes imply decisions, strategies, and action plans to make governmental goals concrete [53, p. 119-124].

The economic dimension of taxes is tied to their psychological effectiveness because both economy and psychology studies, in some sense, consider the behavior and interactions of individuals (in economics, the *homo oeconomicus*, or economic agent). If economy focuses on the facts that influence economic decisions, psychology contributes with a behaviorist approach that underscores the existence of stimuli over individuals actions.

Against this background, both steering taxes (“positive taxation”) and tax incentives (“negative taxation”) become relevant. The idea of making environmental harm more expensive by taxing its causal activities is common in economic thought and environmental/ecological disciplines. The main example is the concept of pigovian tax, in which case it is left up to the state to promote “extraordinary encouragements” or “extraordinary restraints” through bounties or taxes [59, p. 168].

Karl William Kapp also proposes the adoption of social and ecological indicators that can guide the definition of objectives to be achieved and the exercising of choosing paths to follow under preventive guidance [57, p. 81]. In his approach, “instead of conceiving wealth and production merely in terms of exchangeable utilities, the new concepts of wealth and production will have to be defined in such a manner as to include non-pecuniary values” [38, p. 290]. In a philosophical way, what occurs is

a paradigm shift, changing from a individualistic spirit to a solidarity axiology [4, p. 270].

Consequently, the convenience and opportune nature of tax policy must be analyzed under risk management standards and disaster prevention objectives, which refers to promoting tax relief in relation to conduct and activities that contribute to reducing vulnerabilities, protecting populations in risky situations, and developing a collection of civil defense policies.

3. A law and economic analysis of mechanisms for risk mitigation and disaster prevention in addition to the special assessment tax

The approach of the economic analysis of law contributes to understanding the effectiveness of risk mitigation and disaster prevention mechanisms and to determining new ways to improve this environmental and social protection. As previously discussed, every governmental action implies costs. In this way, infrastructure work demands fundraising. The Brazilian legal system includes a tribute referred to as a “special assessment tax.” Therefore, two questions arise: a) is a special assessment tax a good way to fund disaster prevention infrastructure work in light of a tax incentive approach and b) are there other options that are more effective in light of behaviorist economics?

3.1. The legal framework of the special assessment tax in Brazilian tax law

The special assessment tax (also called ‘benefit charges’) is predicted in Article 145, III of the Brazilian Constitution. As regulated by the Brazilian Tax Code, federal, state, and municipal authorities have the right to collect this tax within their respective spheres of competence [11, art. 81]. Its purpose is to fund public works that result in a valuation increase of private properties. Therefore, there are two limits predicted by law: the total value of the work (the amount raised cannot be higher than the work cost) and the individual benefit earned by each owner (the work cost must be distributed equitably) [11, art. 81].

In addition to the Brazilian Constitution and the Nation Tax Code, special assessment taxes are also regulated by the Decree-Law n. 195/1967 (17/04/2021), which provides a taxonomy of public works that can be financed by this type of tax,

for example, the paving of streets (article 2, I) and installation of drinking water or sewer lines (article 2, IV). However, they also include allowing this tax to be levied against funding works related to defense against droughts, floods, and erosion (article 2, V).

Public works related to defense against droughts, floods, and erosion are a consequence of the implementation of a civil defense and disaster prevention system. Its main concern is not to provide an improvement to some locations. Rather, the main concern of risk management and disaster prevention public policies is the development and implementation of both public and private actions necessary to reduce the probability of disaster occurrence, mitigate the harm resulting from disasters, and restore the impacted areas [47].

As a guideline, civil defense must be permanent, not merely episodic [47, p. 1268]. However, the juridical framework of special assessment tax makes it a punctual funding resource. Civil defense is a public service, not simply public work in a strict sense. The implementation of public works is an approach, a mechanism to provide the public service of disaster prevention, which must be continuous and long-standing.

Therefore, civil defense public works are not an optional and appealing real estate improvement but the implementation of administrative duty to protect; thus, it cannot be funded in the same manner as other types of public works predicted in Decree-Law n. 195/1967. One way is to provide a public park; another is to protect vulnerable populations from disasters. Although every fundamental right is important to the common welfare, it is necessary to carry out a proportionality test.

To conclude this topic, the question of whether special assessment tax is a good way to fund disaster prevention infrastructure work can be answered negatively: it is a type of punctual fundraising for a service that must be long-standing, and it is justified over a equivocated epistemological understanding of the *raison d'être* and the effects of these works.

3.2. The special assessment tax in light of a tax incentive scheme

Tax incentives are mechanisms of public policy; that is, they are useful to promote some governmental guidelines or the public interest. As highlighted by the

Focal Point Theory of Expressive Law previously mentioned in this paper, law influences behavior by what it says, independent of the sanctions it imposes [52]. To use the terminology of Enrique Leff [46], law can contribute to the consolidation of a new environmental rationality under a sustainable guideline. A sustainable regulatory framework seeks to induce the adoption of good environmental practices [28, p. 260].

Under a semiotic approach, every action, activity, or process involves meaning, intentional or otherwise: every individual attaches a certain significance to conduct involving themselves and their personal history [18, p. 21]. Law is language and perception. For example, the individuals perception is an important issue in social adequacy principle in criminal law, *contra-legem* custom or *desuetude* doctrine. Therefore, as a consequence of the high tax burden in Brazil, the imposition of taxes is usually rejected and subject to a negative value judgement [51, p. 272].

Therefore, beyond the epistemological dissonance between the *fattispecie* of special assessment tax and the nature of disaster prevention public works, its use in funding such works may speak against environmental protection: although it has a beneficial character, this tax collection may be misunderstood, as it may appear to be simply one more “bite” on the part of the state, an unfair and unjustified reduction of private capital.

Based on this, we suggest the non-incidence of improvement taxes regarding real estate owners who have benefited from disaster prevention works. In this sense, the Decree-Law n. 195/1967 and the tax codes of Brazilian municipalities should be amended to exclude the incidence of improvement taxes in the case of works related to defense against droughts, floods, and erosion as well as other civil defense public works.

Nevertheless, such work still comes with a cost and will demand financial resources. Therefore, the question is how can disaster prevention fundraising be improved?

3.3. The exemption of special assessment tax in relation to disaster prevention infrastructure projects

It has been underscored that special assessment tax provides punctual funds for disaster prevention public works. It has also been argued that there is an epistemological inconsistency between these works and this tax imposition. As a result, the exemption of special assessment tax in relation to disaster prevention infrastructure projects is proposed. However, these works will still demand resources.

Therefore, a first conclusion is the possibility of the generation of a steady flow of financial resources for disaster prevention and civil defense public works by promoting non-intermittent fundraising. The logic of the financial market is a useful guideline to help build a new financing mechanism. For example, Mexican legislation has included the use of market-based instruments, incentives, and other measures that improve the cost/benefit relation of mitigation measures [54].

In this vein, it is possible to introduce a regulatory framework similar to that for incentivized debentures, which are fixed-income securities issued in connection with the implementation, expansion, or refinancing of projects or assets that have a positive impact from an environmental or climate-based point of view [14].

As ‘Treasury Bonds’ used by the federal government already exist to raise funds, it is possible to introduce regulatory amendments to current juridical framework toward the development of “green and social bonds”; the amount raised through these bonds will be employed in disaster prevention and civil defense public works.

As Daniel Farber [27, p. 297] argues, individuals require compensation for delaying consumption and typically invest their funds. Therefore, using “green Treasury Bonds,” it is possible to simultaneously raise funds for public works, develop environmental awareness, and even implement financial education public policy. In short, the significance of this financial flow is that it is not a tax expense but an investment with double benefits: the public work that will protect against environmental impact and the fixed rate of interest that will be paid.

Another possibility to substitute the special assessment tax is to allow income tax deduction of amounts donated to Civil Defense Funds or directly to disaster

prevention public works. In this regard, in the State of São Paulo, donations relating to housing programs or to environmental entities are exempt from the Tax on Causa Mortis Transmission and Donation (ITCMD) (Article 6, II, b and § 2º of Law n. 10.705, of December 28, 2000) [44].

Both the “green Treasury Bonds” and the income tax deduction of amounts donated by individuals to Civil Defense Funds are legally possible. Regarding the “green Treasury Bonds,” Law n. 10.179/2001 [12, art. 2, II] states that the amount raised through the bond issuance must be used to fund public projects or programs relating to environmental issues, in which civil defense and disaster prevention are involved. Similarly, Law n. 12.340/2010 [13, art. 9, I and III] dictates that the National Civil Defense Fund will be made up of budgetary endowments or other resources allocated to it.

On the other hand, the income tax deduction is a tax incentive to stimulate people to donate resources that are necessary or will be useful for funding some important public action. Law n. 12.340/2020 [13, art. 9, II] recognizes the possibility of donations being made to the National Civil Defense Fund. In terms of a comparative law approach, in India, the Disaster Management Act of 2005 [36, Chapter, IX, 46, b] regulates the constitution of its disaster funds with any grants made by any person or institution for the purpose of disaster management. Therefore, to stimulate these donations is necessary to legally regulate it among tax-deductible donations, as happens in India with donations for some funds as, for example, the Prime Ministers Drought Relief Fund and others addressed in Section 80G of the Indian Income Tax Code [37, Section 80G].

Conclusions

Governmental activity demands a complex effort in which multiple areas of knowledge are necessitated. The normative role of law is not an autonomous or autopoietic system. Although legal validity has an intrinsic dimension under a positivist point of view, legal production, legitimacy, and effectiveness are linked to non-legal factors. In this regard, new fields of law emerge when new threats arise, as happens

with disaster law, and new methodological approaches are developed to improve the understanding of juridical science.

The relation between law and economics is among the most concrete and misunderstood fields in which legal and non-legal factors interact. While the economic method is increasingly used to interpret juridical issues and applied to multiple areas of law, even those that are not directly concerned with economic relations, its use to justify inertness and omission as to the protection of rights as well austerity measures is also common.

Economic analysis of law must not be used to lower the protection level of fundamental rights with economic arguments. On the contrary, it must be a methodological approach to improve the guardianship of rights. By linking the economic analysis of law with the promotional function of law, it is possible to determine more effective and more stimulating mechanisms of rights protection.

The purpose of this article was to apply this approach to disaster law and, more specifically, to attempt to implement better fundraising for public works related to disaster prevention and risk management. As previously demonstrated, although these works have a cost, there is epistemological dissonance between the function of special assessment taxes and the nature of disaster prevention public works. Consequently, it is not possible to consider these works to be “public improvement” and to fund them through special assessment taxes.

Therefore, the article proposed new funding mechanisms, with the intention of reconciling financial efficiency, the sufficiency of resources, incentives to adopt environmentally responsible practices, the development of environmental awareness, and even financial education. These mechanisms comprise Treasury Bonds and income tax-deductible donations. In conclusion, both alternatives allow for maintaining the fundraising necessary to implement public works with epistemological coherence and without overburdening citizens or leaving them recalcitrant to environmental causes.

References:

1. Albaum M. The Moral Defenses of the Physiocrats' Laissez-Faire // *Journal of the History of Ideas*. – 1955. – V.16. – №2. – p. 179–197.
2. Alvim N. Processo e constituição / N. Alvim, M.A. José // *Constituição de 1988: o Brasil 20 anos depois: a consolidação das instituições*. - Brasília: Senado Federal, Instituto Legislativo Brasileiro, 2008
3. Aronsson-Storrier M. Exploring the foundations: the principle of prevention, mitigation, and preparedness in international law, role of international law in disaster risk reduction / M. Aronsson-Storrier // *The Cambridge handbook of disaster risk reduction and international law*. - Cambridge: Cambridge University Press, 2019
4. Balbino T.E.M., Brasil D. Responsabilidade civil e sociedade de risco: uma releitura no contexto do direito dos desastres // *Revista Direito UFMS*. – 2017. – V.3. - №2.
5. Bercovici G. A expansão do estado de exceção: da garantia da Constituição à garantia do capitalismo // *Boletim de ciências económicas*. – 2014. – V.57. - №1. - p.737-754.
6. Bobbio N. Da estrutura à função: novos estudos de teoria do direito / B. Norberto. - Barueri: Manole, 2007. – 285 p.
7. Bodart B. A constitucionalização de direitos sociais: uma análise econômica / B. Bodart, L.L. Yeung // *A Constituição da República segundo Ministros, Juízes auxiliares e Assessores do STF*. - Salvador: JusPODIVM, 2019
8. Brasil D.R. Uma construção necessária do conceito de dano ambiental futuro: responsabilidade civil e teoria do risco abstrato / D.R. Brasil, V.A. Ayala // *Direito ambiental e socioambientalismo I*. – Florianópolis: CONPEDI, 2018
9. Brazilian Decree n. 10.387, of June 5, 2020. 17/04/2021 [Electronic resource]. – URL: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/_ato2019-2022/2020/decreto/D10387.htm (date of access: 20.03.2022).

10. Brazilian Decree-Law n. 195, of February 24, 1967. 17/04/2021 [Electronic resource]. – URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/decreto-lei/del0195.htm (date of access: 20.03.2022).
11. Brazilian Law n. 5.172, of October 25, 1966 (National Tax Code). 17/04/2021 [Electronic resource]. – URL: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/leis/15172compilado.htm (date of access: 20.03.2022).
12. Brazilian Law n. 10.179, of February 6, 2001. 17/04/2021 [Electronic resource]. – URL: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/leis/leis_2001/110179.htm (date of access: 20.03.2022).
13. Brazilian Law n. 12.340, of December 1st, 2010. 17/04/2021 [Electronic resource]. – URL: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/_Ato2007-2010/2010/Lei/L12340.htm (date of access: 20.03.2022).
14. Brazilian Law n. 12.431, of June 24, 2011. 16/03/2021 [Electronic resource]. – URL: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/_Ato2011-2014/2011/Lei/L12431.htm (date of access: 20.03.2022).
15. Calabresi G. Tragic choices: the conflicts society confronts in the allocation of tragically scarce resources / C. Guido, Philip B. - New York: W. W. Norton & Company, 1978
16. Carvalho D.W. Desastres Ambientais e sua regulação jurídica: deveres de prevenção, resposta e compensação Ambiental / C. Délton Winter de. - São Paulo: RT, 2020
17. Carvalho D.W. Direito dos desastres / D.W. Carvalho, D.L. Fernanda - Porto Alegre: Livraria do Advogado, 2013
18. Castro E. Introdução a Foucault / E. Castro - Belo Horizonte: Autêntica, 2018
19. Coase R. The problem of social cost // Journal of Law and Economics. – 1960. - №3. – p. 1-44.

20. Comparato F.K. A afirmação histórica dos direitos humanos / F.K. Comparato - São Paulo: Saraiva, 2017
21. Custódio A.V., Freitas H.N. As políticas socioassistenciais na prevenção e erradicação do trabalho infantil // Revista de Direito Econômico e Socioambiental. – 2020. – V.11. - №2. - p. 224-253.
22. Dantas M.C. Máximo existencial como direito fundamental: rejeitando a tese do mínimo vital pelo desenvolvimento de referenciais mais protetivos / M.C. Dantas. - Curitiba: Juruá, 2019
23. Deakin S. Legal institutionalism: Capitalism and the constitutive role of law // Journal of Comparative Economics. – 2017. – V.45. - №1.
24. Eisaqui D.D.C. Revisão judicial dos contratos: a teoria da imprevisão no código civil brasileiro / D.D.C. Eisaqui – 2 ed. - Curitiba: Juruá, 2020
25. Eisaqui D.D.C. O direito difuso à informação verdadeira como componente do mínimo existencial em tempos de pandemia / D.D.C. Eisaqui, M.C. Kallajian // Poder Judiciário e Estado de Direito: limites e possibilidades para uma jurisdição democrática. – V.2. - Londrina: Thoth, 2021
26. Escobar R.G. Introducción a la teoría jurídica de los derechos humanos / R.G. Escobar. - Madrid: Trama, 2005
27. Farber D. From here to eternity: environmental law and future generations // *University of Illinois Law Review*. – 2003. - №2 [Electronic resource]. – URL: <https://illinoislawreview.org/print/volume-2003-issue-2/from-here-to-eternity-environmental-law-and-future-generations/>. (date of access: 20.03.2022).
28. Freitas J. Sustentabilidade: direito ao future / J. Freitas. – 4 ed. – Horizonte: Fórum, 2019
29. Gomes C.A. Subsídios para um quadro principiológico dos procedimentos de avaliação e gestão do risco Ambiental // Revista de Estudos Constitucionais, Hermenêutica e Teoria do Direito (RECHTD). – 2011. – V.3. - №2. [Electronic resource]. – URL: <http://revistas.unisinos.br/index.php/RECHTD/article/download/1399/1767>. (date of access: 20.03.2022).

30. Higgs H. The physiocrats: six lectures on the french économistes of the 18th century / H. Higgs. - Kitchener: Batoche Books, 2001
31. Holmes O.W. The path of the law / O.W. Holmes. - Auckland: The Floating Press, 2009
32. Holmes S. O custo dos direitos: porque a liberdade depende dos impostos / S. Holmes, C.R. Sunstein. - São Paulo: WMF Martins Fontes, 2019
33. Holzinger L.A. Behavioural insights of tax compliance: an overview of recente conceptual and empirical approaches/ L.A. Holzinger, N. Biddle. - Tax and Transfer Policy Institute Working Paper, 2016
34. Hunt L. A invenção dos direitos humanos: uma história / L. Hunt. - São Paulo: Companhia das Letras, 2009
35. Ihering R.V. Law as a means to an end / R.V. Ihering. - The Boston Book Company, 1913
36. Indian Disaster management act. 24/04/2021 [Electronic resource]. – URL:
<https://www.ndmindia.nic.in/images/The%20Disaster%20Management%20Act,%202005.pdf>. (date of access: 20.03.2022).
37. Indian Income Tax Code. 24/04/2021 [Electronic resource]. – URL:
<https://www.indiacode.nic.in/bitstream/123456789/2435/1/a1961-43.pdf>. (date of access: 20.03.2022).
38. Kapp K.W. The social costs of business enterprise / K.W. Kapp. - Nottingham: Spokesman, 1978
39. Kelsen H. The Pure Theory of Law and analytical jurisprudence // Harvard Law Review. – 1941. – V.55. - №1.
40. Kelsen H. Teoria pura do direito / H. Kelsen. - São Paulo: WMF Martins Fontes, 2012
41. Kempf da Silva R., Carvalho D.W. Initial Contributions to a Legal Protection of Ecosystem Services // Veredas do Direito, Belo Horizonte. – 2018. – V.15. - №32. - p.87-115 [Electronic resource]. – URL:
<https://ssrn.com/abstract=3251323> (date of access: 20.03.2022).

42. Kim R.P. Máximo existencial possível no sopesamento entre o direito fundamental à educação superior e o interesse público ao equilíbrio fiscal / R.P. Kim, D.D.C. Eisaqui // Democracia, justiça e cidadania: desafios e perspectivas – homenagem ao Ministro Luís Roberto Barroso. – V.2. - Belo Horizonte: Fórum, 2020
43. Lara M.A., Brasil D.R. O rompimento de barragens de rejeitos de minério e o dano ao patrimônio cultural dos oprimidos das bacias dos rios Doce e Paraopeba // Revista de Direito Brasileira. – 2020. - №26. - p. 243-262.
44. Law n. 10.705, of December 28, 2000. 16/03/2021 [Electronic resource]. – URL: <https://legislacao.fazenda.sp.gov.br/Paginas/lei10705.aspx> (date of access: 20.03.2022).
45. Leal G.P. Exceção económica e governo de crise nas democracias / G.P. Leal // Sustentabilidade fiscal em tempos de crise. - Coimbra: Almedina, 2011
46. Leff E. Sustentabilidad y racionalidad ambiental: hacia ‘otro’ programa de sociología ambiental // Revista mexicana de sociología. – 2011. – V.73. - №1.
47. Leme M. Direito ambiental brasileiro / M. Lemme, A. Paulo. - São Paulo: Malheiros, 2017
48. Lévi-Strauss C. Structural Anthropology / C. Lévi-Strauss. - New York: Basic Books Inc, 1963
49. Lunn P.D. Behavioural economics and policymaking: learning from the early adopters // The economic and social review. – 2012. – V.43. - №3.
50. Mankiw, N.G. Principles of microeconomics / N.G. Mankiw. – 5 ed. - Mason: South-Western Cengage Learning, 2009
51. Mariano C.M. Emenda constitucional 95/2016 e o teto dos gastos públicos: Brasil de volta ao Estado de exceção econômico e ao capitalismo do desastre // Revista de Investigações Constitucionais. – 2017. – V.4. - №1. - p. 259-281.
52. McAdams R.H. A focal point theory of expressive law / R.H. McAdams. - Law and economics working paper series n. 00-14, 2000
53. Menezes D.T.D. Política tributária como política pública. Análise do sistema tributário pela tipologia de Theodore Lowi // Revista da Procuradoria-Geral da Fazenda Nacional. – 2017. – V.10.

54. Mexican General Law for Climate Change. 16/03/2021 [Electronic resource]. – URL: https://www.profepa.gob.mx/innovaportal/file/6583/1/ley_general_de_cambio_climatico.pdf (date of access: 20.03.2022).
55. Nabais J.C. Da sustentabilidade do Estado Fiscal / J.C. Nabais // Sustentabilidade fiscal em tempos de crise. - Coimbra: Almedina, 2011
56. Nabais, J.C. O dever fundamental de pagar impostos: contributo para a compreensão constitucional do estado fiscal contemporâneo / J.C. Nabais. - Coimbra: Almedina, 2015
57. Neves V. O problema dos custos sociais / V. Neves // Valores em conflito: megaprojetos, ambiente e território. - Coimbra: Almedina, 2016
58. Newman, P. The new Palgrave dictionary of economics and the law / P. Newman. – V.3. - London: Macmillan, 1998
59. Pigou, A.C. The economics of welfare / A.C. Pigou. - London: Macmillan, 1920
60. Ribas L.M., Pinheiro H. Taxa de resíduos sólidos como instrumento para promoção do Direito Fundamental ao Meio Ambiente Equilibrado // Revista de Direito Econômico e Socioambiental. – 2019. – V.10. - №2. - p. 233-260 [Electronic resource]. – URL: <http://periodicos.pucpr.br/index.php/direitoeconomico/article/download/23915/24220> (date of access: 20.03.2022).
61. Rothbard M. Concepts of the role of intellectuals in social change toward laissez faire // The journal of libertarian studies. – 1990. – V.9. - №2.
62. Sarlet I.W., Rosa T/H/. Brief notes on the dogmatic of the existential minimum in brazilian law // R. Dir. Gar. Fund., Vitória. – 2015. – V.16. - №1. - p. 217-248.
63. Shavell, S. Foundations of economic analysis of law / S. Shavell. - Cambridge: Harvard University Press, 2004.

64. Silva S.T.D. Sustentabilidade e solidariedade em tempos de crise / S.T.D. Silva // Sustentabilidade fiscal em tempos de crise. - Coimbra: Almedina, 2011
65. Soares S.E.R. A responsabilidade civil por dano ambiental futuro na atividade minerária sob a ótica dos direitos fundamentais / S.E.R. Soares, D.R. Brasil // A emergência do direito dos desastres na sociedade de risco globalizada. – Belo Horizonte: Conhecimento, 2020
66. Sunstein C.R. Irreversible and catastrophic // Cornell Law Review. – 2006. – V.91. - №4.
67. Tabak B.M. A análise econômica do direito: proposições legislativas e políticas públicas // Revista de informação legislative. – 2015. – V.52. - №205.
68. Tamanaha B.Z. The third pillar of jurisprudence: social legal theory // William & Mary Law Review. - 2015. – V.56. - №6 [Electronic resource]. – URL: <http://scholarship.law.wm.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=3606&context=wmlr> (date of access: 20.03.2022).
69. Terenzi G.V. Preferências eleitorais como referência ao controle jurisdicional de políticas públicas / G.V. Terenzi // Teoria e empiria das políticas públicas. - Rio de Janeiro: FGB / Pembroke Collins, 2020
70. Trennepohl, T.D. Incentivos fiscais no direito ambiental para uma matriz energética limpa e o caso do etanol brasileiro / T.D. Trennepohl. – 2 ed. - São Paulo: Saraiva, 2011
71. Tuzet G. L'analisi economica come argomentazione giuridica // Teoria Jurídica Contemporânea. – 2018. – V.3. - №2. - p. 97-122 [Electronic resource]. – URL: <https://revistas.ufrj.br/index.php/rjur/article/view/21920> (date of access: 20.03.2022).
72. United Nations Convention on Biological Diversity (Rio de Janeiro, 1992) [Electronic resource]. – URL: <https://www.cbd.int/doc/legal/cbd-en.pdf> (date of access: 20.03.2022).
73. United Nations Framework Convention on Climate Change (Rio de Janeiro, 1992) [Electronic resource]. – URL:

https://unfccc.int/files/essential_background/background_publications_htmlpdf/application/pdf/conveng.pdf (date of access: 20.03.2022).

74. Van Drooghenbroeck S., Rizcallah C. The ECHR and the essence of fundamental rights: searching for sugar in hot milk? // German law journal. – 2019. – №20. - p. 904-923.

75. Wasilewski D.J., Gabardo E. A insuficiência de tributação como fundamento para o afastamento da reserva do possível na garantia do mínimo existencial e da dignidade humana // Revista Brasileira de Políticas Públicas, Brasília. – 2021. – V.11. - №1. - p. 710-731.

Пабло Рафаэль Банкио,
доктор юридических наук, постдокторант в области фундаментальных
принципов и прав человека, Аргентина,
член Центра изучения частного права,
Национальная академия наук Буэнос-Айреса.
E-mail: prbanchio@gmail.com

Pablo Rafael Banchio
Doctor of Law, Post-doctor in Fundamental Principles and Human Rights
(Argentina),
Member of Center for private law studies,
National Academy of Sciences of Buenos Aires.
E-mail: prbanchio@gmail.com

**ДВОЙНЫЕ СТАНДАРТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА
В ВОПРОСАХ ПРИЕМА БЕЖЕНЦЕВ И МИГРАНТОВ**

**THE EUROPEAN UNION'S DOUBLE STANDARD IN RECEIVING
REFUGEES AND MIGRANTS**

Аннотация: В статье автором рассматривается исторические и текущие действия Европейского союза в отношении обращения с беженцами в рамках права ЕС, в частности перед лицом кризиса в Средиземном море. В исследовании отмечается политика двойных стандартов в части миграционного управления украинскими переселенцами, а также излагается правовая позиция, на основании которой трактовка данной проблемы составляет юридическую обязанность субконтинентальной геополитической организации в дополнение к социально-политической и гуманитарной ответственности.

Ключевые слова: мигранты, перемещенные лица, беженцы, средиземноморский кризис, украинский кризис, Европейский союз.

Abstract: The paper relates the historical and current behavior of the European Union about the treatment of refugees within the framework of EU regulations, especially in the face of the latest crisis in the Mediterranean Sea. The double standard in terms of the migratory management of Ukrainian displaced persons is noted, and the

legal response is set out based on which the treatment of the problem constitutes a legal duty of the subcontinental geopolitical organization in addition to the social, political, and humanitarian responsibility that is incumbent upon it.

Keywords: Migrants, displaced persons, refugees, Mediterranean Sea crisis, Ukrainian crisis, European Union.

1. Introduction

The crisis unleashed at the end of February 2022 by the large number of refugees seeking to enter the Schengen countries bordering Ukraine -Hungary, Poland, Slovakia, and Romania- has contradicted the European Union's traditional migration management policies based on the rejection and control of international refugee routes through the externalization of its borders.

The EU has imposed security and control practices and regimes that use fear as a pretext to stigmatize migrants, push for their expulsion, prevent their arrival and increase their rejection, forgetting that these migrations - a consequence of the great existing inequalities - were largely caused by its own policies and in many cases by the direct military intervention of the North Atlantic Treaty Organization -NATO-, of which most of its countries are members.

The tragedy of the refugee crisis unleashed in various stages since the beginning of the 21st century when the so-called "Arab spring" turned into winter, exposes three defections of the European international organization's migration and asylum policy: from itself, from refugees and from humanity.

Deaths on land and sea, battles between normally peaceful border police and people seeking safety or simply a better life, fleeing war and poverty; the detention centers - where they risk violence, abuse, torture, extortion, forced labor and gross human rights violations with short- and long-term repercussions on their physical and mental health; the fences and the desperation we see daily [18].

But all of that suddenly changed, fortunately for those of us who defend the rights of migrants under international refugee law. That change however is unidirectional and again political and not humanitarian: opening Poland's south-eastern

borders, offering a reception scheme and providing temporary protection through the exhumation of Directive 2001/55/EC to Slavic migrants from western and central Ukraine.

Notwithstanding the good news, we regrettably fear that these are not sincere, sustainable, and lasting policies because of the following contradictions: a) They are mainly implemented through a member state, Poland, which had suffered the condemnation of the United Nations High Commissioner for Refugees -UNHCR- [21], in November 2021 when it deployed more than fifteen thousand soldiers to militarily fortify its border against 4. 4,000 migrants who camped for months near Kuznica Bialostocka, on the border with Belarus, subjecting people escaping miserable living conditions to freezing temperatures.

b) It only receives Slavic migrants because there are more than 25,000 people of African descent who, to this day, have no way of escaping the inferno of the fire and flames of the conflict [27]. As early as August 2021, the European Court of Human Rights had already prevented the illegal summary refoulement of Afghans, which was nevertheless implemented by Poland in September 2021 [25].

c) Not all countries have ratified the mechanism of Directive 2001/55/EC, a legal instrument born out of the Balkan crisis - where North Atlantic Treaty Organization (NATO) forces bombed Belgrade, Priština, Novi Sad and Podgorica for 78 days - which was never used, although it is worth remembering that when it was attempted to be applied it was rejected at the request of France, following the outbreak of the aforementioned "Arab Spring" in December 2010 in Tunisia, as we will detail below in 3.7.

In this paper we will elaborate on the European burden throughout history that demonstrates Europe's double standard in dealing with the current Ukrainian refugee crisis. Its responsibility in the generation of migratory flows, the scant response given over the years, which contradicts the supposed humanism with which it now claims to confront the situation in Ukraine, which otherwise already required humanitarian aid in 2022, by 2.9 million people according to official data from the United Nations High Commissioner for Refugees -UNHCR- [28].

Over the last few years, the governments of the European Union -contrary to the enormous solidarity of civil society and NGOs- have been abandoning a supposed humanitarianism, showing their true policing face, fluctuating between control and rights as part of the approach to the migration issue, translated into legal and discursive frameworks in which both approaches appear ambiguous.

Today, with 3,328,692 people displaced to the Schengen area, but with many people having moved to other countries, for example 50,000 people to the Russian Federation from the Donetsk and Lugansk regions between 21 and 23 February [24], their traditional migration management policies seem to have changed.

Of course, we hope that they will be permanent and not simply opportunistic, and that those who manage to cross the militarized borders, avoiding the precarious refugee camps, will not be left with a life of "disposable" labor in hyper-flexible jobs on European territory, being exploited by trafficking and smuggling networks of all kinds, and certainly not for the Ukrainian children and women who are currently crossing in desperation.

To this end, we will set out in point 3 the historical situation and the current state of Directive 2001/55/EC, provided as a legal response to the humanitarian problem unleashed, and we will base our position on the fact that the entire migration crisis, including the current one, is a European problem for: a) historical reasons: European countries were a source of massive emigration to America, Africa, Asia and Oceania while they were conquering and colonizing; b) political-social reasons: migration, as a 'disposable' labor force, is intertwined with colonial and imperial histories between regions where racial, gender and class categories were established and are still in place; and c) legal: starting with the three pillars of the European Union in the post-Maastricht era, through the intermediate phase of the post-Amsterdam era and also through the use of international agreements, such as the Schengen Convention of 1985 and the Dublin Treaty of 1990.

2. Contextual framework

The ramifications and manifestations of the migration tragedy are widespread and intertwined with national and European policies, as well as existing economic problems, xenophobia, people's fear of terrorist attacks, and much more.

Reactions are as disparate as the deaths of people being transported by smugglers in unseaworthy boats, the compulsive closure and blockade of the Balkan route, governments arguing over the Common European Asylum System - ECAS - and the number of refugees they will or, rather, will not allow into their countries, and the controversial responses to the catastrophe that continues to unfold in the Mediterranean and the Balkans. Alongside this we also see an increase in popular compassion, solidarity and help for people whose human suffering inside and outside Europe is the reality behind the rhetoric.

Many asylum seekers and migrants are detained and the reception that awaits them in the European Union is far from welcoming and friendly. Xenophobic and racist rhetoric is not only on the rise, but also gaining political and unfortunately social acceptance [15]. To some extent as a consequence of this, because of the emergence of nationalist and Eurosceptic movements that shake the pillars of the European Union's primary law or at least call into question the internal cohesion of its constituent countries and the outlook of its inhabitants [13].

But is the crisis affecting the continental political organization really a European problem? Greece, Italy, and Malta are not obliged to receive mass displaced persons, even if for humanitarian reasons they do so in dribs and drabs. The United Nations High Commissioner for Refugees - UNHCR - obliged the European Union to accept displaced persons en masse, since, although Europe, as we will see in section 5.2, does not have these regulations, it does have other international obligations and, therefore, asylum for humanitarian reasons is redirected to the general legislation on foreigners, becoming an intermediate right of the Community system [11].

Few of the people who embark on boats to cross the Mediterranean have the objective of "reaching the European Union". If they did, they would stay in Greece, Italy, Malta or even France or, for those crossing the Balkans, they would do so in

Croatia or Slovenia instead of trying to continue to Germany, Sweden, or the UK. Perhaps if there were not so many differences between European countries, migrants would not seek a particular state as a destination. Or if it turned out that wherever they arrived in the European Union the 'Stockholm Programme' (2010-2014) - which defines immigration priorities - had been complied with, they were welcomed and offered safety and protection, they would change their minds about their destination [18].

The European Union was born against racism and nationalism, against genocide, against concentration camps, against oppression and racial discrimination. Migrants flee these deadly violations in search of the rights that Europe has promoted under the numerous international human rights charters, instruments, and declarations it has signed [12].

After their territories have long been plundered by the colonization of the UK, France, Portugal, Spain, Holland, Belgium, Germany, Italy and Denmark, migrants flee the substantial inequalities - hunger, misery, environmental devastation - largely caused by current European policies and, after terrible odysseys, find in those countries the oppression and discrimination caused by their personal differences linked to their status as foreigners.

And not only that. Every migrant fleeing his or her world points to problems that not only cannot be solved, but can be solved, along with many other global emergencies, if only if common sense and reason were to prevail, realistically and in the interests of all. The tragedy of the 21st century migration crisis will be remembered as an unforgivable mistake because it could have been avoided.

The West will never seriously address the dramatic problems that lie at the root of migration: inequality, wars, poverty, misery, hunger, lack of clean water and vital medicines, environmental devastation - largely caused by its own policies - if it does not feel a sense of ownership. And it will never feel them as its own unless it feels directly threatened by the demographic pressure coming from these countries, after having occupied them, first with its conquests and its plundering and then with its

promises of freedom and equality for the whole world, the flight from their devastated worlds by the desperate peoples who now press its borders [12].

Fundamental rights, as experience teaches us, never fall from the sky, but only assert themselves when the pressure of the excluded at the gates of the included becomes irresistible [12]. In this way they were born and germinated, after processes of difficult and marvelous collective cultural construction, a millenary work erected with the blood and tears of millions of people [5]. Therefore, we must act before it is too late, before this pressure unleashes new violence and new crimes and fuels new racism and new fundamentalism, as perhaps awaits the millions of displaced Ukrainians who are currently crossing in desperation, vulnerable and utterly unprotected.

Eliminating the social causes of migration and ceasing to foment warlike conflicts is the only rational and realistic policy that will allow, moreover, the effective consecration of "no migration" as we postulated in our doctrinal works [3 and 6] as a new universal human right for all the peoples of the world that will solve the present "European problem" [4].

3. Historical reasons

The history of societies is based on the history of migrations. For more than four centuries, European countries were a source of mass emigration to America, Africa, Asia and Oceania as they conquered, colonized and spread to these areas of the world to such an extent that, in the first decade of the 20th century, in order to study the emergence of the mass migration stage, human mobility was classified into four types: invasion, conquest and colonization and finally migration itself, which in numerical terms was the least significant [9].

3.1 Conquest of America

For Francisco de Vitoria, one of the founders of Public International Law, when it was Europeans who, in the 16th century, emigrated to colonize and conquer the "new world", in his *"Relaciones sobre los títulos legítimos de España sobre las Indias"*

recientemente descubiertas" he considered that "emigrating" was the most ancient of fundamental rights [17].

Later John Locke, in support of the English wanderings, placed it at the basis of the right of survival: for this right, he wrote, "unlike the right of life against murderous violence, ...requires no guarantees, being secured by labor... provided one wishes to emigrate "to the uncultivated deserts of America" because there is "land enough in the world for twice the number of its inhabitants" [14].

It is very difficult to establish precisely how many Europeans emigrated to the American colonies during the period of the conquest of America. The lack of reliable statistics and the high level of illegal emigration means that the numbers that some scholars have painstakingly constructed are only approximations.

Although "immigrant" is a category that was born in the nineteenth century with the advent of mass migrations that we will see below in section 3.3 by the volume of displaced persons, during this period highlights the wave of migration from Europe to America, led in the sixteenth and seventeenth centuries by migrants especially from Spain and Portugal.

In addition to the conquistadors of the colonial powers, the African presence in the Americas is automatically associated with slavery, but the transatlantic slave trade also constitutes the first massive transcontinental migration in human history. The nine million Africans who arrived in the Americas between 1492 and 1800 more than tripled the number of European immigrants during the period. The slave trade from East Africa across the Sahara and the Indian Ocean to the Middle East reached similar numbers - some ten million - to the transatlantic trade but the movement was less massive, beginning five centuries earlier and lasting a century longer [20].

3.2 Africa's Distribution

The last European colonial adventure was in Africa with the dismantling of old patterns of trade and cultural exchange. Although by around 1800 the continental European presence was limited to the British, French, and Portuguese, other European

powers had several port enclaves along the African coast. But from 1880 to 1914 came the assault on Africa.

The German foreign minister, Bernard von Bulow, justified the colonization of Africa in 1897 on the grounds that Germany had the right to "occupy a place under the Sun". It was crowned at the Berlin Conference, held between 15 November 1884 and 26 February 1885, organized by German Chancellor Otto von Bismarck to settle the division of Africa under the rule of international law *uti possidetis iure*.

While the prohibition of slavery was agreed, the right to claim sovereignty over a portion of the African coastline was established only if the territory was occupied and this event was communicated to other states. The right of any country to exercise *uti possidetis iure* - a right claimed only by European countries, never by Africans - meant justification for colonization and exploitation of the resources of foreign territories.

Such unethical moral precepts were signed and accepted at the Berlin Conference of 1885, where Europe unilaterally decided the future and destiny of Africa. However, the colonizers would hardly honor this agreement, as what they were paid in return was considered unreasonably low.

3.3 Mass migration

The 19th century saw the emergence of a modern form of mass migration made possible by new means of transport and colonial settlement. Between 1846 and 1914, more than thirty million migrants left Europe for America.

For decades this migration was mainly free and the most important document to be carried by the immigrant was not a passport or an identity card but a boat ticket.

The shift towards border controls, quotas, literacy tests and the like was accelerated by the First World War and the Russian Revolution of 1917, which led to Europe's first refugee crises [8].

3.4 Early European Crises

The inter-war period is characterized by ethnic cleansing and forced displacement for political and religious reasons. Between 1914 and 1922, the fall of

the Russian, Austro-Hungarian and Ottoman empires and the new order created by the peace treaties profoundly altered the demographic and territorial basis of east-central Europe, and some five million people became refugees.

In 1923, the "segregation" of villages between Greece and Turkey saw the movement in both directions of 1.7 million people.

To these moving masses was added the explosive situation determined by the fact that about 30% of the populations of the new state structures created by the peace treaties on the model of the nation-state - *e.g.* Yugoslavia and Czechoslovakia. Yugoslavia and Czechoslovakia - constituted minorities that had to be protected by means of a series of international treaties, called "Minority Treaties", which, although in many respects were a dead letter [1], led to the development of the first regulations and institutions to manage the phenomenon of stateless migrants: the High Commissioner for Refugees - UNHCR - and the issuing of Nansen passports [8].

The second crisis, caused by the Second World War, was exposed at its conclusion, when in May 1945 there were more than 40 million refugees in Europe, homeless, uprooted and on the run [8]. During the first four years of the war alone, Germany and the Soviet Union expelled and deported some 30 million people.

Although borders were redrawn in 1918, all people had to remain where they lived - with the important exception of the above-mentioned population exchanges between Greece and Turkey. By the end of World War II, however, the opposite was true. Except for Poland, borders were left largely intact, and people were instead moved throughout central and eastern Europe.

The previously non-existent term "ethnic cleansing" was what came about when politicians drew up, on a paper map, very ethnically heterogeneous nation states to such an extent that, in 1947, there were almost 800 resettlement camps housing seven million people.

The first European cycle with both inflows and outflows, as both expellers and receivers of migrants, would partially close due to the two world wars and the constant redefinitions of borders and exchanges that "uprooted, transplanted, expelled, deported or dispersed" tens of millions of its inhabitants [5].

3.5 Labor migration

After the horror of the Second World War, from roughly 1950 to 1973 European states prospered during the greatest sustained boom that global capitalism has ever experienced. This led to a labor shortage, which had to be met by the admission of millions of workers to ensure their economic development.

So the central and northern nations of the continent eagerly welcomed foreign workers, became countries of immigration and settlement, and their immigrant populations grew at the same rate as in Argentina or the United States during the years of national organization, where these countries were typical immigration territories as described above in section 3.3 on mass migrations.

The experience of some European states is clear: if there was underdevelopment, they were states of origin of emigration, they "expelled" their nationals across borders; when significant levels of development were reached, some of their emigrants returned.

Although by the 1980s asylum seekers from Africa, Asia and Latin America were entering Europe, European states remained largely isolated - comparatively speaking - from developments in these other continents.

3.6 End of the Cold War. Yugoslavia

At the end of the 20th century, in the 1990s, Europe suddenly plunged into the so-called "third" refugee crisis. In this context, the design of what would eventually become the Common European Asylum System (CEAS) began, with the initial objective of eliminating the so-called "refugees in orbit", *e.g.* asylum seekers whose applications no European country considered itself competent to examine, and a first instrument was agreed upon, the Dublin Convention of 1990 [2].

Although, as always, there were many factors, we can point to a European case among the main ones: the end of the Cold War - the last episode of the century of wars - with the fall of the Iron Curtain and the break-up of the Soviet bloc together with the war in the former Yugoslavia.

Precisely in 2001, considering the experience of the Balkan exodus and extending the protection corset regulated in the 1951 Geneva Convention, Directive 2001/55/EC of the European Council was approved on 20 July 2001, on minimum standards for giving temporary protection in the event of a mass influx of displaced persons and on measures promoting a balance of efforts between Member States in receiving such persons and bearing the consequences of receiving them.

3.7 Directive 2001/55/EC

The purpose of the Directive is to establish minimum standards for the granting of temporary protection. It is not a third category within the scope of International Protection (which includes refugee status and subsidiary protection), but a different mechanism [19].

Article 2(a) defines temporary protection as a "exceptional procedure whereby, in the event of a mass influx or imminent mass influx of displaced persons from third countries who are unable to re-enter their country of origin, they are guaranteed immediate and temporary protection, in particular if the asylum system is also at risk of being unable to manage this flow of persons without adverse effects on its proper functioning, the interests of the persons concerned and of the other persons seeking protection".

The element that triggers the mechanism is the existence of a "mass influx", which is not defined by objective criteria. Article 2(d) merely states that it is a "significant number" of displaced persons, who must come from the same country or geographical region, regardless of whether they arrived in the EU spontaneously or through assistance (*e.g.* the current case of the Belarusian border).

Article 2(c) refers to displaced persons as "third country nationals or stateless persons who have had to leave their country or region of origin, whose return in safe and durable conditions is rendered impossible by the situation there, and who might be eligible for international protection, in particular: a) persons who have fled areas of armed conflict or ongoing violence; b) persons who have been or are at serious risk of being exposed to systematic or widespread violation of human rights.

It is important to reiterate that temporary protection is not an exception, nor does it replace international protection. On the contrary, it is a mechanism of assistance in exceptional cases, in that person enjoying temporary protection may submit an asylum application at any time.

Article 4 stipulates that the duration of protection is one year, automatically extendable for periods of six months for a further year. It could even be extended exceptionally for a further year by means of a Council Decision issued for that purpose, *e.g.* the period of temporary protection could be a maximum of three years.

Host countries will first have to issue residence permits valid for the period of temporary protection, as well as the visas necessary to enter the territory (see Article 8). They must also authorize migrants to work, whether employed or self-employed, and to participate in educational or vocational training activities. Countries must also ensure access to adequate accommodation, food, social assistance, education for children under 18 years of age, and emergency medical care and essential treatment of diseases (conf. articles 12, 13 and 14).

This law sought to prevent situations of mass influx of displaced persons, improperly referred to as "refugees", who cannot return to their country of origin, by putting in place exceptional arrangements to ensure immediate and temporary protection for such persons.

The relative stability and calm of the continent until the first decade of the 21st century meant that the Common European Asylum System (CEAS) was designed without foreseeing the massive arrival of people displaced by armed conflicts and other situations of a more or less extraordinary nature. Like the legal instruments that the European Community approved at the time on temporary protection, Directive 2001/55/EC, which was transposed to the Member States, also suffered the same fate: it was never used, neither at the national level nor by the European Union [2] until now, where, at least on the basis of the declarations, it could be implemented for the first time.

It is worth recalling, as mentioned in section 1 above, that there have been several attempts to apply the aforementioned regulation. In December 2010 in Tunisia,

during the beginning of the "Arab Spring", there was a massive wave of irregular migrants to Lampedusa (Italy). During the first four months of 2011, between 20,000 and 30,000 Tunisians arrived on the island, most of whom declared their intention to reach France. Following the lack of response from the European Union, in April 2011 the Italian government adopted a decree offering temporary protection to all citizens who had entered its territory between 1 January and 5 April of that year. To this end, residence permits valid for six months were issued, which allowed most of its beneficiaries to go to other European countries, especially France and Germany, generating tension between governments and even the temporary closure of borders in the Schengen area. Furthermore, the French government argued that since these were migrants, it would make their entry into the territory conditional on them having the necessary means to subsist in France, considering that the displaced Tunisians were economic migrants and also that their numbers were not sufficient to be considered a mass influx, which was later reaffirmed in the Commission Communication COM (2011)835 final of 2 December 2011.

In 2016, during the refugee crisis in the Mediterranean, several asylum seekers lodged a series of appeals with the EU General Court claiming that Directive 2001/55/EC applied to them, which was not accepted by the EU authority either [22].

Subsequently, conflicts outside Europe, but provoked by the North Atlantic Treaty Organization (NATO), the wars in Iraq and Afghanistan that turned these two countries into the largest producers of refugees, and the so-called "9/11" and the "war on terror" were the triggers for new attempts to restrict, control and deny entry to the European Union.

Soon, the brand-new control apparatus caused desperate migrants and refugees to find other ways in, and opportunistic smugglers and organized crime emerged as night follows day [8], as is unfortunately happening with the Ukrainian displaced persons.

3.8 The catastrophe of the 21st century

It is in this context that the latest episode of the 21st century refugee catastrophe took place, the factual causes of which we will develop below. This "fourth" crisis in Europe began in 2011, peaking in 2014-15 and continuing to the present day, and is still continuing in the face of the Ukrainian case.

Factors such as the Syrian War; the decline of the Modern Age state model that manifested itself precipitously in the failed states of Libya, Afghanistan, Iraq, Somalia, Sudan and the Democratic Republic of Congo; a growing inability of the declining state models of the global South to manage their refugee populations; and the rapid establishment of new routes for mass migration through the Balkans and Eastern Europe to preferred destinations such as Germany, Sweden, Denmark or the UK, all played a role.

On 13 July 2016, the European Commission presented a new set of proposals aimed at reforming the Common European Asylum System (EAS) under the principle of solidarity and equal sharing of responsibility between Member States, which would aim to support the Member States that receive the highest number of refugees and applicants for international protection -Greece, Italy, and Malta-.

As we saw above, both past experiences, with the absence of legal instruments, and the current situation, with inadequate instruments, have led to a chaotic management of large-scale displacements to the European Union, which has caused great social discontent and a sense of misgovernment with unforeseeable consequences that have favoured the rise of xenophobic and racist currents present in European societies [2].

4. Previous European behavior during the Mediterranean Crisis

4.1 Background to the problem

What took place in the European Union in the early years of the 21st century had important antecedents because of the disaster caused, in part by the authorities of EU member states of the North Atlantic Treaty Organization (NATO), in 2011 - months before the 'official' end of the conflict in Iraq - in both Syria and Libya.

The three conflicts have had the direct intervention of EU governments in the causes of the tragedy and its disastrous outcome, since, after the so-called "Gulf War" in Iraq, the war in Syria and the conflicts in Libya have provoked the strongest wave of migration.

4.1.1 Iraq

As a direct consequence of the North Atlantic Treaty Organization (NATO) intervention in Iraq in 2003, the number of refugees from that war-torn country alone increased by 6 million people, in addition to internal displacement. One of the great difficulties with displaced persons, which we have already described, is that not all asylum seekers find refuge in another country.

When the first direct military operations against Saddam Hussein's Iraq by the United States and other North Atlantic Treaty Organization (NATO) forces began on Thursday 20 March 2003, the situation in the Middle East began to take a dramatic turn which, although officially ended on Sunday 18 December 2011 in one form or another, will not cease to this day.

4.1.2 Syria

The war in Syria began in 2011, specifically between March and June in the city of Daraa, followed by the creation of the self-styled Free Syrian Army and as a consequence of the uprisings that took place in the wake of the so-called "Arab Spring"; and in which, after the massacre in Homs, between February and April 2012, a United Nations mission was organized, the United Nations Supervision Mission in Syria (UNSMIS), which between April and August of the same year sought to establish a framework for peace through the implementation of a series of proposals summarized in six points.

After the failure of this mission and the management of Kofi Annan - Nobel Peace Prize laureate - he was succeeded in the attempt by Lajdar Brahimi - founder of the General Union of Algerian Muslim Students - who failed again. Military operations

have continued until the present day, including other massacres such as that of Adra, a massacre of Christian Alawite civilians.

4.1.3 Libya

Another major war, which has caused large migratory flows to the European Union through the Central Mediterranean, was the war in Libya, pitting the forces loyal to the murdered *Rais*, Colonel Moammar El Kadhafi, against mercenaries, rebel militias and an international coalition, which eventually led to the disappearance of the Socialist People's Republic of Libya.

It was succeeded by the war between 2014 and 2016, which pitted the militias that had overthrown the previous regime against each other and fought for power in a state that became a failed state, divided into areas controlled by *Daesh* - known as "Islamic State" -, the Libyan Congress of Representatives, the National Army, the General Congress of Libya, the Shura Council and the Tuareg forces.

The territory is currently divided in three: the self-proclaimed Libyan National Army (LNA), which controls much of the country under the military command of General Khalifa Haftar, the UN-backed Government of National Accord (GNA) in the capital Tripoli, but which has little power outside the capital, and different militias - often fighting each other - in the south of the territory of the former Socialist People's Libyan Arab *Jamahiriya*.

4.2 Consequences

As a result of the anarchy in Libya and the civil war in Syria, what we characterize as the so-called "refugee crisis of the 21st century" was precipitated and justifiably captured the world's attention, for both humanitarian and political reasons, when 2015 saw the entry into Europe of 1,820,000 irregular migrants, six times the number reached in 2014 when the image of little Aylan, lying on the sand of the Mediterranean, went around the world.

This state of alarm continued, and due to arrivals officially defined as "of exceptional proportions", a reception plan defined as "extraordinary" was launched,

which, over the course of the year, led to the creation of some 1,700 new facilities for the reception of refugees.

Following the two incidents that took place in October 2013, Italy deployed the humanitarian and rescue operation "*Mare Nostrum*" near the Libyan coast, which helped save tens of thousands of lives. Sadly, '*Mare Nostrum*' ended in 2014 and was replaced by the newly expanded European Border and Coast Guard Agency's 'Operation Triton', which complements the existing Frontex programme - with sixteen ships, four planes and five helicopters patrolling the Strait, the central Mediterranean and the Aegean - and the agreement signed in early 2016 with Turkey.

It began with 1,500 troops, with the mission of controlling the entry of migrants and people fleeing the massacre in Syria and seeking refuge in Europe. The European Union's immigration commissioner, Dimitris Avramopoulos, pointed out at the inauguration of the agency that "from now on the external border of a Member State is the external border of all Member States, both legally and operationally" [16].

Frontex - investigated by the European Anti-Fraud Office for corruption [23] - covers a smaller geographical area, has far fewer resources and focuses more on border surveillance than on saving lives, but finally, in November 2014, after several EU countries refused to fund the aforementioned Italian '*Mare Nostrum*' programme, it expanded its operations.

More search and rescue activities are carried out by the Maltese and Italian navies, as well as by commercial vessels that normally respond to emergency calls from ships in distress. Some NGOs also contribute their own vessels to such operations.

It is interesting to note that it was not actually the numbers that decreed a new emergency, since, *e.g.* in 2014, of the 170,000 people who landed on the coasts of Sicily, only 65,000 applied for asylum in Italy, remaining in the territory. It was instead the absence of a structured protection plan that generated an "extraordinary" reception plan that, in a short time, turned into a confusing and opaque system of classification and inhumane discrimination of men, women and children.

From Tunis, Tripoli and Benghazi, migratory flows have been departing, forming what Frontex calls the "Central Mediterranean route", towards the European

Union, specifically Italy. This is where the routes from Nigeria, Ghana, Mali, and Senegal converge, as well as those from Sudan, Egypt, and the Horn of Africa.

Libya had been a transit country for migrants from sub-Saharan Africa bound for the EU, or even for those seeking to pay off their debts to migrant mafias, because until 2010 economic conditions were favorable for offering jobs with a certain level of remuneration. According to the International Monetary Fund (IMF), in 2010, with a population of 6.5 million people, the country had a GDP of 71.336 billion dollars. The Libyan regime invested a lot of money in defense, as well as in social policies in favor of low-income citizens [13].

This route until 2008 sent around 40,000 migrants to the islands of Lampedusa and Malta, to which were added around 23,000 Tunisian migrants and 40,000 from sub-Saharan Africa. Between January and March 2016, over 18,694 migrants arrived on Italian shores mainly from Nigeria, Gambia, and Senegal, in order of importance.

4.3 Reception of migrants

Turkey, Lebanon, Iraq and Jordan were forced to accept millions of displaced persons, a direct and immediate consequence of the war in Syria in the humanitarian crisis that occurred, at the end of 2015, and according to sources from the United Nations Refugee Agency -UNHCR- there were 1.2 million migrants to Lebanon, in addition to nearly 700,000 to Jordan, 235,000 to Iraq, 140,000 to Egypt and 1.6 million to Turkey, the country that has taken in the most Syrians.

The same sources attribute 208,000 to the population of Iraq, 208,000 to Turkey, 67,000 to Jordan, 12,000 to Lebanon and 33,500 to Syria. Current figures show 4.9 million Syrian refugees spread across neighboring Arab countries, such as Egypt, Iraq, Jordan, and Lebanon, which have received over 2 million, Turkey with 1.9 million, and over 28,000 refugees across North Africa, in addition to the 6 million internally displaced persons [13].

While the European Union, unlike these countries, blocked its coasts, especially those of the eastern Mediterranean - Aegean, Adriatic, and Ionian seas - and those of the central Mediterranean, to prevent access for displaced Syrians, Germany being the

only member state to have met the percentage of Syrian refugees, but also Iraqis and even Afghans [11].

It was able to do so, 'legally' insofar as there are no rules in its secondary legislation - Article 288 TFEU - that oblige EU states to accept people who have fled other countries because their life, safety or freedom have been threatened by generalized violence, foreign aggression, internal conflicts, massive human rights violations, or other circumstances that have seriously disturbed public order.

Following the tightening of the migrant rescue policy of recent Italian governments and the intensification of the conflict in Libya, the central Mediterranean has once again become an almost insurmountable barrier for those trying to reach Europe illegally. Arrival flows to the countries on the northern shores of the Mediterranean - Italy, Spain, Greece, Malta, and Cyprus - decreased significantly during 2019: at the end of the year arrivals were 123,663, compared to 141,472 in 2018.

The number in Italy is decreasing compared to 2018 - 11,500 people compared to 23,400 in 2018 - as well as in Spain - 32,500 compared to 65,400 at the end of 2018 - while in Greece there was a steady increase: 74,600 at the end of 2019 compared to 50,500 in 2018. A similar situation also affected the islands of Malta and Cyprus.

4.4 The reception situation

While the large movements of refugees and migrants towards Europe, as we have outlined, are not a new phenomenon, the images of recent years have shaken the global conscience: precarious boats, barges and inflatable boats overloaded to the brim with people in search of safety; women, men and children drowned in their attempt to escape violence and poverty; thousands of girls and boys missing, imprisoned, and exploited - including sexually - many of them, by criminal groups [15] and mafia-like criminal organizations.

In addition to the recurrent economic causes, to seek safety from persecution, violence, discrimination, and armed conflict to name a few of the most frequent causes already enunciated increased the phenomenon, as we saw, along with Syrian refugees from 2014 onwards.

Unable to find safe ways to move, people suffer and die as they cross the Sahara Desert, the Mediterranean, the Balkans, and dozens of other dangerous places to reach Europe.

The positive figure refers to the continuing decline in the total number of people who died crossing Europe's land or sea borders: 3,139 in 2017, 2,227 in 2018 and 1,336 in 2019. However, 57% of these deaths occurred on the Central Mediterranean route: 761 people lost their lives trying to reach Italian or Maltese shores. If we then consider the number of deaths as a percentage compared to arrivals, it highlights that the journey to reach Italy has become much riskier in the last two years: with the reduction of rescue operations there is one death for every 15 people disembarked, while in 2017 it was one for every 41.

In addition, it is estimated that at least 136 people died along land routes at or within Europe's borders during 2018. Among the areas of greatest risk were the Evros River on the Turkey-Greece border, where at least 27 people drowned (mostly as a result of their boats capsizing); the road linking the land border between Greece and Turkey and the city of Thessaloniki, where at least 29 people lost their lives in road accidents; the border between Croatia and Slovenia, where 11 people died, nine of them drowned in the Kupa/Kolpa river; and the border between Italy and France, with five deaths, three of them on a route through the Alps. At least six deaths were reported on the border between Morocco and the Spanish enclaves of Ceuta and Melilla, four of which occurred during or after an attempt to cross the fence [7].

On arrival, in the cradle of Western civilization, where democracy has germinated and takes root, the rights of those who survive these desperate crossings are often violated.

The number of people living in inadequate shelter conditions, summer tents as makeshift shelters and in large areas without lighting and services outside the shelters, is very high, with increased risks especially for women and children. Access to medical and psychosocial care in shelters is very limited due to a shortage of state-provided health and social workers. However, while the United Nations High Commissioner for Refugees - UNHCR - continues to support the transport of asylum seekers from the

islands to mainland Greece, the capacity of open reception facilities on the mainland is stretched to the limit, leaving thousands stranded on the islands for months awaiting relocation.

To the humanitarian drama inherent in any migratory process, whether economic, political, as a result of conflict or ethnic persecution, or as a variable combination of all of the above, must be added, we insist, the action of mafia criminal associations and organized groups that traffic in people as well as drugs and goods of all kinds, counterfeit goods, stolen goods and weapons [7] to which, in the absence of a sustainable policy, many displaced Ukrainians may be exposed [26].

5. The European response

The European Council and the European Commission ushered in the new millennium by outlining the development of asylum and immigration policies, with just the right amount of ambition and pragmatism. This path would have made the European Union a new actor in migration policies, making member states' legislation not only more homogeneous, but also capable of managing a global phenomenon that will last for decades. But, on the contrary, this path has turned out to be a labyrinth from which the Union is struggling to extricate itself and which is sapping its energy and taking vital energy away from its very existence [10].

The law of aliens is traditionally considered a matter of strict national competence, a primary reflection of the sovereignty of the State. It is not surprising, therefore, that at the level of international law, states are considered free to regulate the admission and expulsion of foreigners on their territory, except for the limits derived from the rules on the right of asylum and human rights, nowadays largely codified in the European Charter of Fundamental Rights.

The state-centered approach has never allowed the right to immigration to be affirmed, even though the right to leave any country, including one's own, is recognized under Article 13(2) of the Universal Declaration of Human Rights, Article 2(2) of Protocol No. 4 to the European Convention on Human Rights and Article 12(2) of the Covenant on Civil and Political Rights.

The absence of international standards on immigration makes it possible to appreciate the extraordinary nature of the European integration process in this respect. For the first time, the Member States have agreed to limit their sovereignty to create an area of freedom, security, and justice, to guarantee the free movement of persons by abolishing internal border controls and strengthening external border controls, which have become de facto common [10].

In the Conclusions of the Tampere European Council of 15 and 16 October 1999, paragraph 36 proclaims "a territorial area made up of the territories of the Member States, in which freedom of movement shall be enjoyed in conditions of security and equal justice for all". It is also appropriate to quote Article 3(2) TFEU and Article 4(2)(j) TFEU.

As of 1 December 2009, competence for immigration and asylum is in the Treaty on the Functioning of the European Union - TFEU - and in particular in Title V, "Area of Freedom, Security and Justice" (Art. 1.1.1 and 2.1.1. 2 TFEU) and "Justice" -Arts. 67 to 89 TFEU-, Chapter 2 of which is devoted to "Border control, asylum and immigration policies" -Articles 77-80 TFEU-, which follows Chapter 1 on "General provisions" -Articles 67-76 TFEU-.

In addition, Member States have also agreed on limitations of sovereignty in immigration matters, understood as the rules of entry and residence of third-country nationals in the territory of Member States and thus in the European area of free movement [10].

A very broad competence including measures on visas, border control, immigration conditions, residence, expulsion, and the granting of international protection status. The system of competences is based on the rules of the Treaties, as last amended by the Treaty of Lisbon, which entered into force on 1 December 2009. Title V consists of five chapters: Chapter 1, General provisions - Art. 67-76; Chapter 2, Policies on border controls, asylum, and immigration - Art. 77-80; Chapter 3, Judicial cooperation in civil matters - Art. 81; Chapter 4, Judicial cooperation in criminal matters (Art. 82-86); Chapter 5, Police cooperation - Art. 87-89.

This has been achieved through progressive stages, starting with the three pillars of the post-Maastricht era, through the intermediate phase of the post-Amsterdam era and using international agreements, such as the 1985 Schengen Convention and the 1990 Dublin Treaty, both of which have been incorporated into EU law, but only through differentiated application.

Indeed, there are Member States which are not bound by such rules, unless otherwise decided - Ireland; one Member State which is bound only by international law - Denmark; third countries associated through the conclusion of international agreements - Switzerland, Liechtenstein, Norway and Iceland; this in accordance with the Protocols annexed to the Treaties, in particular Protocol 21 on the position of the United Kingdom - now outside the European Union - and Ireland in respect of the area of freedom, security and justice, and Protocol 22 on the position of Denmark.

In short, a Europe of variable geometry in terms of both the States involved and the legal nature of the existing links [10].

6. Conclusions

The principle of subsidiarity of the European Union establishes three criteria to determine in which cases the intervention of the Community political entity is appropriate: Does the action provide for transnational aspects that cannot be solved by the member states? Would national action, or the absence of action, be contrary to the requirements of the Treaty? Does action at the European level have clear advantages? [18].

The answer to all three questions has been given in the agreement to achieve a Common European Asylum System (CEAS), which, as we saw in section 5, is part of the TFEU, so the national actions being developed by its member countries are running counter to its requirements.

Migration undoubtedly has transnational aspects, the most obvious of which would be the simple fact that citizens of a third country that does not belong to the European Union cross different borders of its member states to reach their destination, whether in search of asylum or irregular work.

It is clear that up to the time of the Ukraine crisis the conditions for an agreement towards joint action at the European level on the asylum mechanism had not been in place. Commitment has been minimal, and cooperation has not had much impact in practice to the extent that the problem remains, and progress has only been made at the European level on sub-issues such as temporary protection and long-term residence, family unity and irregular seasonal work.

The declared values of the European Union are not being respected either in the reception conditions of migrants or when barbed wire fences are erected and access to the Schengen free movement area is blocked with externalized borders while expulsions take place and open-air prisons are financed in third countries.

Everything seems to have suddenly changed with the migration management of refugees from Ukraine, who will nevertheless soon fall prey to smuggling and trafficking networks, reception mafias and visa refusals as soon as the conflict lingers outside Europe's gates and the voices of civil society are silenced.

A courageous approach is needed to overcome the fragmentation into first and second class refugees, and to manage the movements of all refugees efficiently and in accordance with international obligations, allowing, without discriminating on the basis of skin colour, places of reception, self-management and solidarity and to develop a supranational EU institutional plan to ensure fair sharing of responsibilities for dealing with the migration crisis, which is, as we hope we have substantiated from a historical, political, legal and sociological point of view: a European problem.

7. Bibliography

7.1 References

1. Agamben, G. (2010). *Medios sin fin. Notas sobre la política*. Valencia: Pre-Textos.
2. Ágüelo Navarro, P. y Granero Sánchez, H. (2007). “Mecanismos jurídicos de intervención ante los grandes desplazamientos de refugiados y migrantes”. *Revista de Derecho Migratorio y Extranjería*, (44), 167-207.

3. Banchio, P. (2020a). *Derecho humano a “no emigrar”*. Buenos Aires: Perspectivas Jurídicas.
4. Banchio, P. (2020b). *Due saggi sul diritto umano a non emigrare*. Buenos Aires: Forum Accademico.
5. Banchio, P. (2021a). “Postulados para la consideración europea de la crisis de refugiados del Mar Mediterráneo”. *Revista Latinoamericana Estudios de la Paz y el Conflicto*, 2(4), 141–163. // URL: <https://doi.org/10.5377/rlpc.v2i4.10874>
6. Banchio, P. (2021b). *Proyecciones del derecho humano a “no emigrar”*. Buenos Aires: Perspectivas Jurídicas.
7. Bottazzi, C. y Feliciangeli, D. (2020). “Sfollati. Uomini, donne e bambini profughi nel proprio Paese”. *Dossier con dati e testimonianze*, (57), 3-40.
8. Bundy, C. (2016). “Migrantes, refugiados, historia y precedentes”. *Destino: Europa*, enero 2016. // URL: www.fmreview.org/es/destino-europa.2 (Consulted on 19/03/2022).
9. Fairchild, H. (1913). *Immigration*. Nueva York: Macmillan Company en Benloch-Domenech, C. y Barbe-Villarubia, M. (2020). Movilidad humana: una revisión teórica aplicable de los flujos migratorios en España. *FORUM. Revista Departamento Ciencia Política*, (18), 35-63.
10. Favilli, Ch. (2020). “Il diritto dell’Unione europea e il fenomeno migratorio”, en Giovannetti, M. y Zorzella, N. (2020). *Ius migrandi. Trent’anni di politiche e legislazione sull’immigrazione in Italia*, pp. 55-80. Milano: Franco Angeli.
11. Fernández Sánchez, P. (2017). “Migrantes, refugiados y víctimas del tráfico de personas en el Mediterráneo (entre la política y los derechos humanos)”. *Revista IUS*, 11 (40), 106-135.
12. Ferrajoli, L. (2020). “Le politiche contro i migranti tra disumanità e illegalità”, en Giovannetti, M. y Zorzella, N. (2020). *Ius migrandi. Trent’anni di politiche e legislazione sull’immigrazione in Italia*, pp. 17-29. Milano: Franco Angeli.
13. Garris Mozota, J. (2017). “Consecuencias derivadas de la guerra de Siria: impacto en la Unión Europea de los flujos migratorios incontrolados”. // URL: <http://catedrapsyd.unizar.es/observatorio-psyd/opina/consecuencias-derivadas-de-la->

guerra-de-siria-impacto-en-la-union-europea-de-los-flujos-migratorios-incontrolados.html. 2 (Consulted on 19/03/2022).

14. Locke, J. (1984). *Segundo Tratado sobre el Gobierno Civil. Un ensayo acerca del verdadero origen, alcance y fin del Gobierno Civil*. Madrid: Sarpe.

15. Naciones Unidas (2016). Informe del Secretario General de las Naciones Unidas, Asamblea General, 70/59, 21 de abril. // URL: <https://www.acnur.org/fileadmin/Documentos/BDL/2016/10614.pdf>. (Consulted on 19/03/2022).

16. Ramírez Gallegos, J. (2018). “De la era de la migración al siglo de la seguridad: el surgimiento de políticas de control con rostro (in)humano”. *URVIO, Revista Latinoamericana de Estudios de Seguridad*, (23), pp. 10-28.

17. Urdanoz, T. (1960). *Obras de Francisco de Vitoria: Relecciones teológicas*. Madrid: BAC.

18. van Selm, J. (2016). “¿Son el asilo y la inmigración realmente una cuestión de la Unión Europea?”. *Revista Migraciones Forzadas*, (51). // URL: www.fmreview.org/es/destino-europa. (Consultado el 19/03/2022).

19. Villar, S. (2017). “Refugiados e (in)solidaridad en la UE: la no aplicación de la Directiva 2001/55/CE”. *Documents CIDOB*, (08) abril, pp. 2-7.

20. Wright, J. (2007). “Migración africana y formación social en las Américas, 1500-2000”, in Moya, J. (2012). *Revista de Indias*, LXXII (255), 321-348.

7.2 Fuentes

21. ACNUR señala que la crisis en la frontera polaca "no justifica los muros ni alambradas" // URL: <https://www.europapress.es/internacional/noticia-acnur-senala-crisis-frontera-polaca-no-justifica-muros-alambradas-20211110160248.html> (Consulted on 19/03/2022).

22. El Tribunal General de la UE se declara carente de competencia para resolver los recursos de tres solicitantes de asilo. Asuntos T-192/16, T193/16 y T-257/16 entre otros. // URL: <https://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2017-02/cp170019es.pdf> (Consulted on 19/03/2022).

23. Frontex, la primera fuerza armada europea, investigada por la oficina anticorrupción de la UE // URL: <https://www.elsaltodiario.com/derechos-humanos/frontex-el-primer-ejercito-europeo-investigado-por-la-oficina-anticorrupcion-de-la-ue> (Consulted on 19/03/2022).

24. Operational data portal. Ukraine refugee situations // URL: https://data2.unhcr.org/es/situations/ukraine#_ga=2.262145420.1620894128.1647702589-1396026496.1647702589 (Consulted on 20/03/2022).

25. Polonia: violenta devolución sumaria a Bielorrusia de 17 personas afganas en la frontera // URL: <https://amnistia.org.ar/polonia-violenta-devolucion-sumaria-a-bielorrusia-de-17-personas-afganas-en-la-frontera/> (Consulted on 20/03/2022).

26. Ucrania: Las mafias de la trata acechan a las mujeres y niños de en la frontera // URL: <https://elpais.com/internacional/2022-03-20/las-mafias-de-la-trata-acechan-a-las-mujeres-y-ninos-de-ucrania-en-la-frontera.html> (Consulted on 20/03/2022).

27. Ucrania: surgen denuncias de racismo por parte de la comunidad negra que intenta huir de la zona de guerra // URL: <https://www.independentespanol.com/noticias/ucrania-racismo-guerra-inmigrantes-africanos-b2039175.html> (Consulted on 19/03/2022).

28. Ukraine - Humanitarian Response Plan 2022 (February 2022) // URL: <https://reliefweb.int/report/ukraine/ukraine-humanitarian-response-plan-2022-february-2022-enuk> (Consulted on 20/03/2022).

Гуляева Елена Евгеньевна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры международного права
Дипломатической академии МИД России.
E-mail: gulya-eva@yandex.ru

Elena Y. Gulyaeva,
PhD (Law), Associate Professor, Department of International Law,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.
E-mail: gulya-eva@yandex.ru

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВЫДАЧИ ПАТЕНТОВ НА
ПРОВЕДЕНИЕ ГЕНОМНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ
ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ ЕС**

**LEGAL REGULATION OF THE GRANT OF PATENTS FOR
CARRYING OUT GENOMIC RESEARCH IN THE TERRITORY OF THE
EU MEMBER STATES**

Аннотация. Статья посвящена правовому регулированию выдачи патентов на проведение геномных исследований на территории государств-членов ЕС. Основное внимание в данном контексте уделяется определению правовых понятий «генетический материал» и «патент на гены», формированию Единого патентного суда в рамках ЕС, а также особенностям национальных правовых режимов выдачи патентов на гены.

Ключевые слова: патентное право ЕС, патент на гены, геномные исследования, биоразнообразие, Единый патентный суд ЕС, генетические ресурсы, биобанк, биологический материал.

Abstract. The article is devoted to the legal regulation of the granting of patents for carrying out genomic research in the territory of the EU member states. The main attention in this context is given to the following issues: definition of legal concepts of genetic material and patent for genes; the formation of a Unified Patent Court within the framework of the EU, as well as the specifics of national legal regimes for granting patents for genes.

Keywords: EU patent law, gene patent, genomic research, biodiversity, EU

Unified Patent Court - UPC, genetic resources, biobank, biological material.

Поскольку сегодня разработка инноваций нередко требует использования всего разнообразия генетических ресурсов, одним из центральных вопросов современной дискуссии является необходимость расширения требования о патентном раскрытии. Между патентным правом и законодательством о биоразнообразии всегда существовали определенные противоречия, что нередко становилось причиной разногласий.

В 2012 году Европейская комиссия создала группу экспертов для изучения состояния технического развития и дальнейшего обновления патентного права в области биотехнологии и геномной инженерии [1]. Группа помогает Комиссии с ее обязательствами по отчетности в соответствии с Директивой 98/44 / ЕС. Более того, Комиссия ЕС продолжает работу со странами-участницами по созданию Единого патентного суда (**Unified Patent Court - UPC**), который станет важным элементом в обеспечении функционирования единого патента. Главный орган ЕС призывает к быстрому согласованию технических вопросов между участвующими странами ЕС и скорейшей ратификации Соглашения об учреждении Единого патентного суда [2].

Так, в Конвенции о биологическом разнообразии «генетические ресурсы» определяются как «генетический материал, представляющий фактическую и потенциальную ценность», а «генетический материал» — как «любой материал растительного, животного, микробного или иного происхождения, содержащий функциональные единицы наследственности» [3]. Последнее выражение обычно понимается таким образом, что в материале должна содержаться ДНК (дезоксирибонуклеиновая кислота) и РНК (рибонуклеиновая кислота). В связи с этим *патент на гены* – это исключительное право на определенную биологическую последовательность, предоставленное лицу, имеющее непосредственное отношение к идентификации этой последовательности или работе по ее преобразованию.

В рамках ВОИС были разработаны Требования в отношении патентного раскрытия информации о генетических ресурсах и традиционных знаниях [4], представляющие собой техническое исследование актуальных правовых и практических вопросов, связанных с патентным раскрытием информации о генетических ресурсах. Данное исследование определяет специальные требования по раскрытию в отношении генетических ресурсов и традиционных знаний:

1. Определение правового статуса генетических ресурсов и традиционных знаний, требование законности на взаимно согласованных условиях.
2. Раскрытие происхождения и/или источник генетических ресурсов и традиционных знаний.
3. Заявление о проявлении надлежащей осмотрительности, в котором заявитель сообщает о соблюдении всех действующих правовых требований, связанных с доступом к генетическим ресурсам и их использованием.

Однако необходимо отметить, что человеческие генетические ресурсы исключены из сферы применения Конвенции ООН о биологическом разнообразии. Такое исключение предусмотрено и в требованиях патентного раскрытия, действующих в национальных правовых системах.

Тем не менее с научно-технической точки зрения различные человеческие генетические материалы, в том числе образцы, полученные от представителей коренных народов, могут использоваться в запатентованных изобретениях или являться их основой. Поэтому данный вопрос освещается в некоторых национальных и региональных нормативно-правовых актах с позиции патентного раскрытия. Ярким примером служит раздел 8 (b) Закона о патентах №9 от 5 декабря 1967 года (в редакции 2016 г.), предусматривающий следующее: «Если изобретение касается или предполагает использование биологического материала, полученного из тела человека, то патентная заявка должна включать в себя информацию о том, дал ли человек, у которого был получен этот

биологический материал, свое согласие на его использование согласно Закону №12 о биобанках от 21 февраля 2003 г.».

В преамбуле Директивы 98/44/ЕС о правовой охране биотехнологических изобретений от 6 июля 1998 года проводится различие между биологическим материалом человеческого происхождения и биологическим материалом растительного и животного происхождения, а заявителям рекомендуется получать предварительное обоснованное согласие у лица, которое предоставило такой материал:

«(26) При этом если изобретение основано на биологическом материале человеческого происхождения или предполагает его использование, то при подаче патентной заявки лицо, из тела которого был взят такой материал, должно иметь возможность выразить свободное и обоснованное согласие на это, с учетом положений национального законодательства».

Следует отметить, что патент на изобретение не дает право владельцу реализовать это изобретение, а просто дает ему право запрещать третьим сторонам использовать его в промышленных и коммерческих целях. Следовательно, материальное патентное право не может заменять национальное, европейское или международное право, которое может предусматривать ограничения или запреты либо регулировать мониторинг исследований и использования или коммерциализации его результатов, в особенности с точки зрения требования общественного здравоохранения, безопасности, защиты окружающей среды, благополучия животных, сохранения генетического разнообразия и соблюдения определенных этических стандартов:

- в национальном или европейском патентном законодательстве (в частности, Мюнхенская конвенция) не существует запрета или исключения, которые *a priori* препятствуют патентоспособности биологического материала;

- патентное право должно применяться таким образом, чтобы соблюдалось уважение фундаментальных принципов защиты достоинства и неприкосновенности личности; принимая во внимание важность утверждения

принципа, согласно которому человеческое тело на любой стадии его формирования или развития, включая половые клетки, суверенно и простое открытие одного из его элементов или одного из его продуктов, включая последовательность или частичную последовательность человеческого гена, не может быть запатентовано, поскольку эти принципы соответствуют критериям патентоспособности, присущим патентному праву, в соответствии с которым открытие не может быть запатентовано [5].

Патентное законодательство в большинстве стран ЕС [6] демонстрирует высокую степень единообразия согласно Директиве 98/44/ЕС [7; 8] о правовой защите биотехнологических изобретений. Большинство законов содержит схожие положения, например раздел 1 Закона Дании о патентах [9] № 221 от 26 февраля 2017 г. разрешает патенты на биологический материал (включая гены или последовательность генов) и запрещает выдачу патентов на методы клонирования человека, методы модификации человеческой зародышевой линии, использование эмбрионов в промышленных или коммерческих целях; использовать методы для изменения генетической идентичности животных, которые могут вызвать заболевание, если только они не имеют значительного медицинского применения для людей или животных. Почти идентичная формулировка встречается в большинстве патентных законов на территории ЕС.

Единственным исключением является законодательство Ирландии, в котором нет каких-либо конкретных ссылок на гены или эмбрионы в Законе о патентах 1992 года [10]. Австрия и Швеция включают фразу «общественный порядок и мораль как основание для отказа в выдаче патента на изобретение»; Федеральный закон Швейцарии «О патентах на изобретения» [11] от 1954 года содержит более подробную информацию о том, что не подлежит патентованию, например процессы формирования гибридных организмов с использованием половых клеток человека, человеческие тотипотентные клетки или эмбриональные стволовые клетки человека и объекты, полученные таким образом; процессы партеногенеза с использованием зародышевого материала человека и партеногенетического объекта.

Для большей ясности необходимо обратить внимание на содержание Закона о патентах Австрии 259/1970 [12]. Закон запрещает патентовать любое изобретение, если оно нарушает «общественный порядок и мораль». Данный закон охватывает потенциально широкую и дискреционную область запрета. Он уточняет, что методы клонирования человека и изменения генетической идентичности зародышевой линии человека не подлежат патентованию, так же как и коммерческое использование человеческих эмбрионов и методы изменения генетической идентичности животных, которые могут причинять неоправданные страдания животным без оправданной выгоды для животных или людей. В Патентном законе установлено, что простое открытие составной части человеческого тела, включение последовательности или частичной последовательности гена не является патентоспособным. Под запреты, содержащиеся в Законе о патентах, попадает коммерческое использование некоторых генных технологий, что ограничивает в свою очередь финансовые стимулы для исследований. Эти положения достаточно стандартные, за исключением включения нарушения «общественного порядка и нравственности» в качестве основания для непатентоспособности изобретения, которое появляется только в некоторых правовых системах государств на территории ЕС.

Автор настоящего исследования приходит к выводу, что на территории государств-членов ЕС формируется патентное законодательство на внутригосударственном уровне с учетом особенностей и специфики национальных правовых систем, а также что в рамках права ЕС назрела потребность в создании Единого патентного суда. В связи с этим можно констатировать достаточно высокий уровень эффективного контроля со стороны институтов, органов и учреждений ЕС.

Список литературы:

1. Commission Decision of 7.11.2012 on setting up a Commission expert group on development and implications of patent law in the field of biotechnology and

genetic engineering. URL: [dec_121107_biotechinventexpertgroup_en.pdf](#) (дата посещения: 12.01.2022).

2. Unitary patent. URL: https://ec.europa.eu/growth/industry/policy/intellectual-property/patents/unitary-patent_en (дата посещения: 12.01.2022).

3. Ст. 2 Конвенции ООН о биологическом разнообразии от 05.06.1992г.

URL:https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/biodiv.shtmlhttps://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/biodiv.shtml (дата посещения: 12.01.2022).

4. Требования в отношении патентного раскрытия информации о генетических ресурсах и традиционных знаниях. Основные вопросы. Второе издание. 2009. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/ru/wipo_pub_1047_19.pdf (дата посещения: 12.01.2022).

5. Directive 98/44/EC of the European Parliament and of the Council of 6 July 1998 on the legal protection of biotechnological inventions (OJ L 213, 30.7.1998, pp. 13–21). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A31998L0044> (дата посещения: 12.01.2022).

6. Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights

7. Regulation (EU) 2019/6 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2018 on veterinary medicinal products and repealing Directive 2001/82/EC. PE/45/2018/REV/1.

8. Regulation (EU) No 536/2014 of the European Parliament and of the Council of 16 April 2014 on clinical trials on medicinal products for human use, and repealing Directive 2001/20/EC.

9. Danish Patent Act No. 221 of 26/2/2017.

10. Patents Act 1992 of Ireland.

11. Federal Act on Patents for Inventions (1954) of Switzerland.

12. Austrian Patent Law 259/1970.

Горелик Илья Борисович,
аспирант кафедры международного права
Дипломатической академии МИД России.
E-mail: Gorelik.ilya@yandex.ru

Илья В. Gorelik,
Postgraduate student of the Department of International Law
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.
E-mail: Gorelik.ilya@yandex.ru

СДЕРЖИВАНИЕ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

DETERRENCE OF CYBERCRIME: INTERNATIONAL LEGAL ASPECT

Аннотация. С появлением цифровых технологий, возникла новая реальность. Их огромный потенциал предоставляет человеку и большие возможности. Однако появились и новые риски международной безопасности. Кроме того, расширяется использование кибертехнологий в совершении различного вида преступлений. В статье автор обращает внимание на тот факт, что до сих пор отсутствует какое-либо целостное и комплексное международно-правовое регулирование отношений в киберпространстве.

Abstract. With the advent of digital technology, a new reality has emerged. The huge potential of new technologies provides a person with new opportunities. However, new risks to international security have also emerged. In addition, the use of cyber technologies in the commission of various types of crimes is also expanding. In the article, the author draws attention to the fact that there is still no holistic and comprehensive international legal regulation of relations in cyberspace.

Ключевые слова: цифровые технологии, искусственный интеллект, международное право, киберправо, киберпреступность.

Keywords: Digital technologies, artificial intelligence, international law, cyber law, cyber crime.

Развитие инновационных цифровых технологий, компьютеров, «машин» с искусственным интеллектом, человекоподобных роботов и разнообразных трансграничных сетевых коммуникаций, а также появление продвинутых пользователей сетей создали новые возможности для человека. Вместе с тем они бросили вызов как самому человеку, так и прежнему мироустройству. Как следствие, человеку приходится конкурировать с системами искусственного интеллекта. Более того, в ряде областей, где ранее присутствие человека было монопольным, искусственный интеллект вытесняет его. Речь идет об аналитической деятельности и принятии решений. В результате человек теряет определенные навыки и происходит снижение его интеллектуальных способностей и даже приобретенных в процессе эволюции человеческих качеств. Существует опасность, что в среднесрочной перспективе будет пройдена «точка невозврата» и случится «восстание машин», о котором упоминали писатели-фантасты. Таким образом, можно говорить о возникновении новой реальности.

Ситуация осложняется тем, что цифровые технологии все чаще используются в преступных целях и обретают трансграничный характер. Более того, речь идет уже не об арифметической сумме уголовных преступлений с использованием этих технологий, а о системном качестве «Больших чисел», когда масштаб и виды преступлений можно юридически классифицировать как признак «глобальной угрозы» безопасности человечеству.

В то же время с учетом их новизны процесс расследования преступлений с использованием различных кибертехнологий, особенно с системами искусственного интеллекта и робототехники, стал вызывать серьезные оперативные трудности в определении субъекта преступного деяния и сложности в юридической классификации кибертехнологий как средства преступления [1].

В свою очередь, перед правоохранительными органами и представителями правовой науки встала проблема распределения ответственности за целевой и нецелевой осуществленный общественный вред, причиненный непосредственно автономными объектами с системой искусственного интеллекта и между

субъектами, имеющими отношение к их действиям. Последними могут быть программисты, обладатели объектов с использованием технологий искусственного интеллекта и робототехники, заказчики названных действий или тот, кто использовал эти системы. Кроме того, ряд исследователей рассматривает возможность постановки вопроса об ответственности систем с искусственным интеллектом в связи с его возрастающей автономностью [2; 29]. Причем вопрос поднимается уже на международно-правовом уровне, т.к. кибертехнологии используются хакерами в атаках на те или иные объекты различных государств.

Соответственно, мировая наука столкнулась с необходимостью реагировать на новые вызовы и угрозы. Обобщая идеи авторов, посвященные проблемам правового регулирования использования кибертехнологий, можно выделить два основных подхода [3; 4].

Первый подход – нормативно-юридический. Его сторонники исходят из существующей правовой системы и изучают вопрос криминальной ответственности за совершенное общественно опасное деяние. Проблема состоит в том, что эти деяния совершаются с помощью компьютера и компьютерных технологий, которые затрудняют процессуальные действия по идентификации субъекта, совершившего общественно опасное деяние.

Второй подход — рыночный. Он ориентирован на круги бизнес-элиты, которая придерживается принципов рыночного саморегулирования. Считается, что достаточно наличия страхования рисков производства и ответственности производителя, собственника и пользователя кибертехнологий и соответствующей культуры общества. Одним из аргументов в пользу второго подхода является также то, что правовая регламентация может затормозить научно-технологическое развитие. Это, в свою очередь, отрицательно скажется на экономике.

Очевидно, что технологии, так или иначе, будут развиваться по-прежнему независимо от того, как они используются человеком и регламентируются им. И с этим необходимо согласиться, чтобы быть готовым к еще неизвестным негативным последствиям развития кибертехнологий в среднесрочной

перспективе. И в этом смысле, как считают эксперты, «ничто не препятствует разработке предварительных подходов в контексте развития положений юридической теории, нацеленной на перспективу» [5].

Отдельные авторы выделяют также третий подход —культурологический. Он предлагает формирование киберкультуры и разработку этического кодекса. При этом можно было бы, в частности, использовать опыт «правовых и этических проблем разработки и применения роботизированных технологий и систем искусственного интеллекта <...> автономных необитаемых подводных аппаратов» [6].

Ряд известных российских компаний, таких как Сбербанк, «Газпром нефть», «Яндекс», VK, МТС и др., подписал в октябре 2021 г. «Кодекс этики искусственного интеллекта» в контексте Стратегии развития искусственного интеллекта в России до 2030 года [7] и Стратегии развития информационного общества на 2017–2030 годы. Он устанавливает общие этические принципы и стандарты поведения «участников отношений в сфере искусственного интеллекта» [8].

К вопросу о создании киберправа

Исследователи отмечали наличие конфликта существующей международно-правовой системы с цифровой реальностью [9]. В конце 1980-х годов прошлого столетия ряд международных организаций приступил к разработке универсального международно-правового документа по киберпреступности. Например, Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) [10] и Совет Европы [11] рекомендовали после дополнительной кодификации включить в национальное законодательство государств виды преступлений с использованием компьютеров и компьютерных технологий.

На методологическом уровне ставился вопрос или об адаптации существующего международного права к новой кибернетической реальности, или о создании новой отрасли международного права, по крайней мере, в перспективе [12].

Причем отмеченный вариант адаптации права предполагал ограничить действие принципа государственного суверенитета в информационном пространстве в ходе процессуальных действий, и он был реализован в Будапештской конвенции 2001 г. в статье 32 п. «b».

В рамках Содружества Независимых Государств действует Соглашение о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации. Целями сотрудничества в рамках данного Соглашения провозглашаются совместная борьба с преступлениями в сфере компьютерной информации и создание правовых основ сотрудничества правоохранительных и судебных органов стран СНГ, в которых процессуальные вопросы всегда специально оговаривались не в ущерб государственному суверенитету [15].

Второй отмеченный вариант предполагал необходимость принятия для киберпространства новых норм. Возможно, речь может идти о возникновении международного киберправа. Так, отечественный исследователь, доктор технических и юридических наук А.А. Стрельцов полагает, что «оригинальность предмета информационного права и своеобразие используемых в нем средств правового регулирования позволяют его рассматривать в качестве самостоятельной отрасли права» [16]. Точка зрения данного ученого важна, но пока в правовой сфере происходит только накопление материала, осмысление рисков и перспектив развития кибертехнологий и дискуссия правовых подходов.

Следует отметить наличие нескольких проблем, которые необходимо решить в ходе создания новой отрасли, или для начала адаптировать современное международное право к цифровой реальности:

- высокий темп развития и системная новизна цифровых технологий требует повышения квалификации правоохранительных органов;
- правотворчеству следует расширить взаимодействие с исследованиями в области цифровых технологий;

- стоит активизировать межгосударственное сотрудничество и взаимодействие негосударственных структур по предупреждению преступности с использованием цифровых технологий;
- необходимо решить вопрос оптимизации соотношения международного публичного права, международного частного и внутригосударственного права;
- нужно осуществить на новом уровне имплементацию разных юрисдикций в контексте вопросов регулирования киберпространства, находящихся в пределах разных суверенных государственных территорий.

Правоохранительные органы и законодатели могут отставать от постоянно и скачкообразно изменяющейся реальности, тем более когда цифровые технологии изменяют ее в «режиме реального времени» (Real-Time-Processing), то есть при котором обеспечивается взаимодействие вычислительной системы в отношении к выполняемым действиям в темпе, соизмеримом со скоростью самого процесса.

Проблема заключается в том, что, как отмечают исследователи, современное международное право, основой которого является государственный суверенитет, «с трудом вписывается» в реальность киберпространства [17], инфраструктура которого формируется и развивается в значительной степени спонтанно на глобальных трансграничных информационных коммутационных технологиях и свободной космополитической пользовательской культуре. В принципе, процесс глобализации как составная часть эволюции формирует свою систему самоорганизации киберпространства, которая конкурирует с «суверенной» системой организации пространства, создавая определенные проблемы для международной безопасности [18].

Как отмечают А.В. Крутских, специальный представитель президента РФ по вопросам международного сотрудничества в области информационной безопасности, директор ДМИБ МИД России, и А.А. Стрельцов, заместитель директора ИПИБ МГУ им. М.В.Ломоносова, доктор юридических наук, «очевидно, что не все правовые нормы, сформулированные применительно к

традиционным средам деятельности человека, могут «автоматически» применяться в информационном пространстве. На международном уровне пока не выработано критериев применения международного права и методологии его адаптации к межгосударственным отношениям, возникающим в сфере использования ИКТ. Отсутствие у международного сообщества единого понимания в отношении обозначенных проблем препятствует предотвращению международных конфликтов с использованием ИКТ и демилитаризации информационного пространства» [19].

Проблемы кибербезопасности

В то же время не ставится даже вопрос о необходимости разработки комплексного международно-правового договора по обеспечению кибербезопасности при том, что технологии искусственного интеллекта широко используются в создании боевых автономных устройств, не говоря о хакерских кибератаках. Статус последних до сих пор трудно поддается классификации: кибератака — это либо вооруженное преступление, которое должно рассматриваться как вооруженное нападение, которое суверенное государство обязано предотвращать это нападение находящихся на его территории криминальных субъектов, либо это лишь уголовное преступление. При такой неопределенности криминальная кибератака может спровоцировать международный конфликт.

Еще более опасной может быть ситуация, когда применяется сложная многоходовая методика с использованием ряда транзитных территорий и технологий с искусственным интеллектом.

Таким образом, проблема сложная, дискуссия будет продолжаться. Очевидно, что это связано с расширяющейся технологической и правовой тематикой. В частности, появляются цифровые технологии, которые сопрягаются с наукой, изучающей механизмы поведения и мыслительной деятельности человека, которые регулируют сложнейшие отношения

высокоразвитого организма с окружающей внешней средой. Речь идет о технологиях искусственного интеллекта, робототехнике и не только.

Искусственный интеллект

При всем разнообразии определений искусственного интеллекта можно, например, отметить следующие.

- Искусственный интеллект представляет собой системы, подобные мышлению творческого и интеллектуального человека. Искусственный интеллект — программная система, способная решать трудные задачи [20].
- Искусственный интеллект «является искусственной сложной кибернетической компьютерно-программно-аппаратной системой, отличающейся от обычных компьютерных, обладающей свойствами субстантивности, автономности, а также возможностями воспринимать и анализировать данные, самообучаться», действовать по-разному в аналогичных ситуациях, в зависимости от ранее выполненных действий [21].

Кроме того, в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта в Российской Федерации на период до 2030 года (Указ Президента РФ от 10.10.2019 г. №490) искусственный интеллект определяется как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений» [22].

Таким образом, исходя из ряда интерпретаций содержания термина «искусственный интеллект», следует отметить, что все подходы упоминают кибертехнологии и способность искусственного интеллекта, так или иначе, имитировать процессы, характерные для человека, а именно «анализировать

информацию, сравнивать явления, выявлять общее, вскрывая сущностные черты, переносить на другие и моделировать будущее».

Технологии искусственного интеллекта активно развиваются и внедряются в различные сферы деятельности современного общества и человека. Более того, системы с машинным обучением могут не полагаться на оператора и программиста. Они используют свои алгоритмы и вычислительный потенциал с большим числом данных и выдают соответствующие результаты.

В.А. Красников отмечает, что вполне возможно «восстание машин», причем «идут два процесса. С одной стороны, роботы становятся все умнее и их все сложнее будет отличить от человека, а с другой стороны, и человек постепенно будет становиться небольшим киборгом. Скоро ему понадобится «чипизация» по многим причинам: нужно продлевать жизнь, улучшать память, лучше слышать, видеть дальше и в различном спектре и т.д. Идут два встречных процесса, и уже в недалеком будущем мы вынуждены будем не просто аккуратно, а предельно строго подходить к этой проблеме. Не случайно уже сейчас формируются кодексы по созданию роботов, программ для их управления, алгоритмов искусственного интеллекта. Изначально неправильно заложенные подходы могут впоследствии привести к катастрофическим последствиям. Те же беспилотники, используемые сейчас во всех сферах, не только в воздухе, уже взаимодействуют друг с другом в составе «роя» совершенно без участия человека — на базе своих алгоритмов. И это — пока только легкое предупреждение» [23].

Тема искусственного интеллекта привлекает внимание не только ученых и практиков, но и философов, футурологов. Такая взаимосвязь важна для понимания человеком самого себя. Со времен эпохи Просвещения у человека формируется убеждение в силе своего разума и духовном превосходстве над другими представителями живого мира.

В то же время запущенный человеком процесс развития машин с искусственным интеллектом набирал обороты. Эти системы внедряются в различные сферы деятельности человека и шаг за шагом замещают его именно в

разумной деятельности. Возможно, это приведет к социальной дифференциации по степени владения цифровыми технологиями в контексте прав человека. Так, бельгийский ученый Н. Пети, на которого ссылаются специалисты в области трудового права [24], предупреждает, что для правового регулирования отношений человека и систем с искусственным интеллектом при «вероятном доминировании его в будущем, возможно, потребуются формирование «права людей» для защиты человека от интеллектуальных машин» [25]. И с этим необходимо согласиться, чтобы готовиться к еще неизвестным последствиям развития кибертехнологий в среднесрочной перспективе. Соответственно, человеку необходимо осознать тот факт, что в будущем ему придется выживать в саморазвивающемся киберпространстве и конкурировать с искусственным интеллектом. Более того, как считают эксперты, «вектор эволюции информационных технологий лежит в направлении перехода от двухкомпонентной человеко-машинной системы «человек – ПК» к трехкомпонентной человеко-машинной системе «человек – ИИ – ПК»» [26], что будет сопровождаться развитием всех трех составляющих при их конкуренции между собой и совершенствованием самонастройки взаимодействия.

Необходимо учитывать и тот факт, что в настоящее время технологии искусственного интеллекта и робототехника уже используются в преступных целях [27]. При всей актуальности вопроса о международно-правовом противодействии трансграничной киберпреступности необходимо прежде подготовить международно-правовую и национальную нормативную систему, но, как отмечают эксперты, она только в процессе формирования [28].

В итоге можно сказать, что разработанные в той или иной степени правовые нормативные проекты, инициативы и принятые документы разного уровня в конечном счете могут составить правовую основу для образования новой отрасли права, регулирующей качественно однородную группу общественных отношений — использование цифровых технологий, автономных систем с искусственным интеллектом и роботов. Концептуальные принципы

этой специализированной отрасли должны быть формализованы в отдельном унифицированном акте международного права.

Кроме того, с учетом разворачивающейся гонки кибервооружений регулирование применения военных автономных систем может стать новым разделом международного права. Контроль над соблюдением регулирования, а также реализация политики в области ИИ должна быть возложена на отдельный международный орган под началом ООН. Но ряд экспертов и политиков считает, что попытки полностью запретить автономное летальное оружие в ближайшей перспективе невозможно и следует ограничиться пока достижением безопасного и эффективного управления технологиями искусственного интеллекта с последующим поэтапным движением к заключению комплексного договора.

Таким образом, перед международным правотворчеством стоит сверхсложная и амбициозная задача по созданию универсального документа с наиболее полным учётом всех факторов.

Список литературы:

1. Горелик И.Б. К вопросу о юридической квалификации кибертехнологий в международном праве. 2021. – №4. – С. 19.
2. Ястребов О.А. Искусственный интеллект в правовом пространстве. - Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2018 Т. 22. № 3. 315–328 RUDN JOURNAL OF LAW <http://journals.rudn.ru/law>
3. Архипов В.В. и др. Регулирование робототехники: введение в «робоправо». Правовые аспекты развития робототехники и технологий искусственного интеллекта / под ред. А.В. Незнамова. М.: Infotropic Media. 2018;
4. Филипова И.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта. – Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет. 2020; Ястребов О.А. Искусственный интеллект в правовом пространстве. - Вестник РУДН. Серия: Юридические науки 2018 Т. 22. № 3. 315–328 RUDN JOURNAL OF LAW <http://journals.rudn.ru/law>.

5. Архипов Вл. Несколько слов о роботах с юридической точки зрения: правосубъектность. - <https://www.advgazeta.ru/mneniya/yuridicheskie-aspekty-robototekhniki/> (08.12.2021)
6. Мамычев А.Ю., Гайворонская Я.В., Мирошниченко О.И. Современные доктринально-правовые и этические проблемы разработки и применения роботизированных технологий и систем искусственного интеллекта (на примере автономных необитаемых подводных аппаратов) // Территория новых возможностей. Вестник ВГУЭС. 2018. N 3. С. 85. (13.12.2021)
7. <http://publication.pravo.gov.ru/Document/Text/0001201910110003>
8. <https://pravo.ru/news/236149/>
9. Balkin J.M. The Path of Robotics Law. - California Law Review. 2015. Vol. 6. P. 45-60.
10. Computer-Related Crime: Analysis of Legal Polici. Paris: OECD. 1986 // URL: http://www.unicri.it/services/library_documentation/catalogue_thesaurus/catalogue.php?id=7075&vw_=f (дата обращения: 22.09.2021).
11. Council of Europe, Recommendation No. R (89) 9 of the Committee of Ministers to Member States on Computer-related Crime (Sept. 13, 1989) URL: <https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?Ref=Rec%2889%299&Language=lanEnglish&Ver=original&Site=C%20M&BackColorInternet=9999CC&BackColorIntranet=FFBB55&BackColorLogged=FFAC75> (26.09.2021).
12. Батурин Ю.М. Теоретические проблемы компьютерного права - Институт государства и права РАН.М.,1991.
13. Computer-Related Crime: Analysis of Legal Polici. Paris: OECD. 1986 // URL: http://www.unicri.it/services/library_documentation/catalogue_thesaurus/catalogue.php?id=7075&vw_=f (дата обращения: 22.09.2021).
14. Council of Europe, Recommendation No. R (89) 9 of the Committee of Ministers to Member States on Computer-related Crime (Sept. 13, 1989) URL: <https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?Ref=Rec%2889%299&Language=lanEnglish&Ver>

=original&Site=C%20M&BackColorInternet=9999CC&BackColorIntranet=FFBB55
&BackColorLogged=FFAC75 (26.09.2021).

15. Соглашение о сотрудничестве Государства-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации от 1.06.2001 г.- https://www.conventions.ru/view_base.php?id=2770 (28.09.2021)

16. Стрельцов А.А. О предмете и методе информационного права. - Информационное право №4 - 2019. С. (08.12.2021)

17. Верхелст Э., Ваутерс Я. (2020) Глобальное управление в сфере кибербезопасности: взгляд с позиции международного права и права ЕС // Вестник международных организаций. Т. 15. № 2. С. 141–172.

18. Данельян А.А. Международно-правовое регулирование киберпространства. – Образование и право. - 2020. № 12. С. 262 – 268.

19. Крутских А.В., Стрельцов А.А. Международное право и проблема обеспечения международной информационной безопасности. - Международная жизнь. - 2014. № 11.

20. Богачёва Р.А. Проблема недоопределенности значения термина «искусственный интеллект».... С. 97 – 98.

21. Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права. – Вестник РУДН. Серия: Юридические науки 2018 Т. 22. № 1. 94,95. (12.01).

22. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490

23. Красников Человек будет постепенно становиться небольшим киборгом. - Коммерсантъ Наука. 2021. №3.

24. Казакова М.П. Перспективы развития искусственного интеллекта в трудовом праве. – Вопросы российской юстиции. 10-й Вып. (11.12.2021)

25. Petit N. Law and Regulation of Artificial Intelligence and Robots – Conceptual Framework and Normative Implications. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2931339> (10.12.2021)
26. Лоскутов В.К. Искусственный интеллект. – Глобалистика. Энциклопедия. М., 2003. С. 407.
27. Альперович Дм. Искусственный интеллект мыслит как преступник: эксперты предупредили об угрозах бесконтрольного распространения технологии. - <https://www.kommersant.ru>. 2018.02. (07.10.2021)
28. Васильев А. А., Шпоппер Д., Матаева М. Х. Термин «искусственный интеллект» в российском праве: доктринальный анализ. - Юрислингвистика 2018. №7-8. С.37. (13.12.2021)
29. Васильев А. А., Шпоппер Д., Матаева М. Х. Термин «искусственный интеллект» в российском праве: доктринальный анализ. - Юрислингвистика 2018. №7-8.

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Агуреев Станислав Александрович,
доцент кафедры международных отношений
Дипломатической академии МИД России.
E-mail: stas.agureev@mail.ru

Болтаевский Андрей Андреевич,
доцент кафедры гуманитарных дисциплин
Российского университета кооперации.
E-mail: boltaev83@mail.ru

Шангараев Руслан Насимович,
доцент кафедры государственного управления
во внешнеполитической деятельности
Дипломатической академии МИД России.
E-mail: shang143@mail.ru

Stanislav A. Agureev,
Associate Professor of the Department of International Relations
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.
E-mail: stas.agureev@mail.ru

Andrey A. Boltaevkiy,
Associate Professor of the Department of Humanities
Russian University of Cooperation.
E-mail: boltaev83@mail.ru

Ruslan N. Shangaraev
Associate Professor of the Department of Public Administration in Foreign Policy
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.
E-mail: shang143@mail.ru

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ НА АФРИКАНСКОМ КОНТИНЕНТЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: СПЕЦИФИКА И ОСОБЕННОСТИ УРЕГУЛИРОВАНИЯ

TERRITORIAL CONFLICTS ON THE AFRICAN CONTINENT AT THE PRESENT STAGE: SPECIFICS AND FEATURES OF SETTLEMENT

Аннотация. Африканский континент охвачен войнами и территориальными конфликтами. Большинство из них имеет ярко выраженную

этническую или конфессиональную окраску. Африканские общества по-прежнему сохраняют традиционную общинную структуру, оказывающую непосредственное воздействие на политические процессы, восприятие легитимности политических лидеров. Наибольшую сложность в урегулировании территориальных конфликтов на континенте представляет отсутствие единых подходов к решению подобных споров в рамках Африканского союза и других региональных организаций.

Abstract. The African continent is gripped by wars and territorial conflicts. Most of them have a pronounced ethnic or confessional coloring. African societies still retain a traditional communal structure that has a direct impact on political processes and the perception of the legitimacy of political leaders. The greatest difficulty in resolving territorial conflicts on the continent is the lack of unified approaches to resolving such disputes within the framework of the African Union and other regional organizations.

Ключевые слова: африканский континент, территориальные конфликты, Малави, Эфиопия, Тиграй.

Keywords: African continent, territorial conflicts, Malawi, Ethiopia, Tigray.

В первой четверти XXI в. территориальные конфликты по-прежнему сопутствуют человечеству: и если в прежние эпохи подобные споры лишь тешали самолюбие коронованных особ, то сегодня одной из важнейших причин выступает борьба за ресурсы. Так, поводом для вторжения армии Саддама Хусейна в Кувейт в августе 1990 г. стали обвинения в незаконной добыче иракской нефти в Румайла; разногласия между Венесуэлой и Гайаной в Эссекибо во многом подогреваются найденными в регионе запасами нефти (к 2027 г. Гайана планирует добывать до 1 млн баррелей нефти в сутки); вблизи спорных между Китаем и Японией островов Сенкаку также обнаружены нефтяные запасы.

В силу своего колониального прошлого Африканский континент представляет собой регион, где территориальные споры обусловлены как

этническими, так и экономическими причинами и резко осложняют региональную интеграцию и безопасность. Проведенные колонизаторами границы проходили прежде всего по меридианам и параллелям, что привело к разобщенности этнических групп. И в 1960-е гг., и в наши дни раздаются голоса отдельных африканских лидеров о необходимости пересмотра государственных границ, сложившихся в колониальный период. Однако наиболее влиятельные на Черном континенте Организация Африканского Единства, как и сменивший ее Африканский союз поддерживают статус-кво существующих границ во избежание усиления межгосударственных противоречий, что позволяет африканскому континенту оставаться самым фрагментированным регионом мира. Впрочем, можно только согласиться с точкой зрения Е.О. Хабенской, что «истинные причины территориальных претензий африканских государств друг к другу, так же как и причины кровавых конфликтов, коренятся в экономических, политических, идеологических устремлениях властных элит, по-прежнему находящихся под сильным давлением «великих держав» [8, с.282].

Вопросы территориальных споров в регионе привлекают внимание российских и зарубежных исследователей [4; 9; 10]. Специалисты рассматривают исторический контекст формирования разногласий, развитие на современном этапе, значение внешних сил в трансграничных конфликтах и т.д. Выявление факторов, нагнетающих обстановку в изучаемых зонах, позволит снизить риски эскалации конфликтов.

Несмотря на многочисленные зоны территориальных разногласий, африканское прошлое и настоящее имеет удачные примеры партнерского взаимодействия: Южно-Африканский таможенный союз, насчитывающий уже второе столетие, Восточно-Африканское сообщество, Союз арабских стран Магриба, Экономическое сообщество стран Западной Африки и др.

Таблица 1. Территориальные конфликты в Африке (1950-2000 гг.) [3]

Конфликтующие стороны	Конфликтный период	Современное состояние
Эфиопия – Сомали	1960–1964 гг.; 1977–1978 гг.	Меморандум о взаимопонимании (2014 г.)
Камерун – Нигерия	1963 – 2002 гг.	По решению Международного суда ООН полуостров Бакасси передан Камеруну в 2007 г., что не признано нигерийской стороной
Алжир – Тунис	1961–1993 гг.	Мирное урегулирование на основе статус-кво (1993 г.)
Алжир – Марокко	1962 – 1972 гг.	Мирное урегулирование на основе статус-кво (1972 г.)
Эфиопия – Кения	1963 – настоящее время	Треугольник Илеми контролируется Кенией
Мали – Мавритания	1960 – 1963 гг.	Соглашение (1963)
Чад – Ливия	1978 – 1987 гг.	По решению Международного суда ООН полоса Ауза является частью Чада (1994)
Сенегал – Гвинея-Бисау	1980 – 1992 гг.	Решению Международного суда в 1994 г. на основе статус-кво
Кения – Сомали	1962 – 2021 гг.	Международный суд в 2021 г. вынес решение в пользу Сомали
Малави – Танзания	1967 – настоящее время	Конфликт не разрешен
Буркина-Фасо – Мали	1963 – 1986 гг.	Международный суд добился урегулирования на основе статус-кво (<i>uti possidetis</i>) в 1986 г.
Экваториальная Гвинея – Габон	1972 – настоящее время	Остров Мбанье и ряд небольших островов оккупированы Габоном
Эфиопия – Эритрея	1952 – настоящее время	Конфликт не разрешен
Марокко – Западная Сахара	1975 – настоящее время	Конфликт не разрешен

Территориальные споры на африканском континенте можно разделить на континентальные и островные. К первой категории относятся, прежде всего, узловые противоречия в Северной (Алжир – Марокко, Ливия – Чад, Марокко – Западная Сахара), Восточной (споры Эфиопии с Сомали, Эритреей, Суданом), а также в Экваториальной Африке (ДРК – Конго). Островные споры представлены конфликтами между бывшими метрополиями и их владениями в Индийском океане (Великобритания – Маврикий, Великобритания – Сейшельские острова; Франция – Мадагаскар, Франция – Маврикий, Франция – Коморы) (см. также таблицу 1).

Говоря о причинах территориальных споров во второй половине XX в., нельзя не упомянуть о таком катализаторе, как холодная война. Возьмем в качестве примера конфликт между Танзанией и Малави. Как справедливо отмечает исследователь Д. Майелл, к сугубо территориальным спорам между двумя государствами (район озера Ньяса (Малави) добавились идеологические противоречия: малавийский пожизненный президент Х. Банда занимал подчеркнуто прозападную политику, будучи одним из немногих африканских лидеров, установивших дипломатические отношения с ЮАР, президент же Танзании Д. Ньерере в целом придерживался социалистической ориентации [16, p.611].

Если обратиться к историческим аспектам танзанийско-малавийского территориального спора, то сразу заметим, что долгое время он носил скорее административный, нежели политический характер. Действительно, после того как Великобритания получила мандат над Германской Восточной Африкой, Танганьика и Ньясаленд (будущая Малави) стали составными частями империи, над которой никогда не заходило солнце. Однако споры вокруг озера Ньяса имели место и до приобретения независимости двумя странами. Уже в 1967 г. Д. Ньерере подчеркивал, что граница между двумя государствами должна проходить посередине озера. Ответ Х. Банды был достаточно жестким: «Нынешние границы между Малави и ее соседями, будь то на север или на юг, на восток или на запад, не естественные границы. Эти раны были нанесены

Малави империализмом и колониализмом впервые на Берлинском конгрессе в 1885 г.; затем по соглашению между британцами и немцами в 1890 г., по соглашению между британской и южноафриканской компанией, контролируемой Сесилом Родсом, наконец, соглашением между англичанами и португальцами в 1891 г. В результате этих ран <...> мы имеем теперь такие районы, как Мбея, Нджомбе и Сонгеа к северу от нас, такие провинции, как Тете к северу от Замбези, и Замбезия или Келимане на юг, такие провинции, как Вила-Кабрал или Ньяса к востоку от нас, и такие районы, как частично Исока, Лундази, Форт Джеймсон и Мпетанке на запад от нас <...> которые географически, лингвистически и культурно принадлежат Малави и которые во времена наших предков, во времена наших предков, были определенно Малави, но которые сейчас находятся за пределами <...> наших нынешних границ. <...> Что касается заявления о том, что озеро должно быть разделено между Малави и другой соседней страной, я хотел бы сказать здесь и сейчас, что мы никогда не признаем и не примем это требование; мы никогда не согласимся на предложение. *Озеро всегда принадлежало Малави* [выделено авторами]» [14]. Разумеется, обеспокоенность подобными заявлениями выразили не только Танзания, но и Замбия.

Заметим, что корни территориальных споров Танзании и Малави уходят в колониальное прошлое, но связаны, прежде всего, с разночтениями в картах. Английские и немецкие карты начала прошлого века показывают границу то посередине озера, то береговую [12]. Но если Малави опирается на исторически сложившуюся границу, то Танзания апеллирует к общепринятой практике раздела водоема срединной границей.

Озеро Ньяса (Малави) – один из самых богатых пресных водоемов на нашей планете, где обитает от 500 до 1000 видов рыб. Оно используется как для орошения, так и в качестве транспортных коммуникаций, источника гидроресурсов и туристической достопримечательности [11]. Сегодня спор между двумя государствами подогревается и перспективами разведки нефти и газа на дне озера несмотря на то, что еще несколько десятилетий назад

нефтегазовый потенциал озера расценивался как слабый [15]. Выпады государственных деятелей двух стран происходят регулярно [13]. Но, как верно отметила профессор Университета Беркли М. Юн, за последними дебатами обе стороны забыли о людях, живущих в прибрежной зоне: «потенциальные экономические выгоды от спорных территорий, как правило, доминируют над проблемами, влияющими на жизнь людей» [17, p.87].

Примечателен также территориальный спор между Великобританией и Маврикием, ее бывшей колонией. В 2019 г. Международный суд вынес решение, согласно которому британская корона должна передать контроль над архипелагом Чагос Маврикию, что было поддержано и Генеральной Ассамблеей ООН. Однако положение осложняется тем, что с начала 1970-х гг. на крупнейшем острове архипелага Диего-Гарсия располагается военно-морская база США. В феврале 2022 г. посол Маврикия в ООН Д. Кунджул поднял флаг своей страны над одним из атоллов архипелага [5]. Это подтвердило серьезность намерений небольшого государства в Индийском океане.

Следует сказать об усложнении природы африканских территориальных конфликтов в последние годы. В этом смысле совершенно особый характер имеет конфликт между Эфиопией и Египтом, возникший из-за строительства плотины «Возрождение». Реализация этого проекта Эфиопией во многом затрагивает интересы Египта, т.к. грозит серьезным изменением климатических условий и, по мнению египетской стороны, приведет к нехватке запасов пресной воды уже в обозримом будущем.

Российский эксперт Е.А. Борисова указывает: «В последние годы африканские страны Нильского бассейна все активнее выступают за пересмотр квот и разрушение арабской монополии на Нил; лидером в этом процессе является Эфиопия. Сегодня Эфиопия потребляет в среднем лишь 1 млрд м³ воды, хотя вклад ее территории в общий сток Нила, как уже отмечалось, значительно больше. При этом Эфиопия 100-миллионную демографическую отметку переступила уже в 2016 году. По прогнозам ООН, к 2025 году население этой страны составит, по самым скромным подсчетам, 123 млн человек (для

сравнения, согласно этому же источнику, население Египта в 2025 году вырастет до 109 млн). Это вызовет значительное увеличение потребления воды. Эфиопское правительство в этой связи подготовило генеральный план развития бассейна Голубого Нила на ближайшее десятилетие» [2].

Серьезную озабоченность властей Египта вызывает и то обстоятельство, что, закончив проект «Возрождение», Эфиопия фактически получит возможность регулировать уровень воды в Ниле и сможет использовать данный фактор природных ресурсов для возможного политического давления на соседей. Обеспокоенность египетских властей получило и практическое выражение – когда официальный Каир поднял эту проблему на Совете Безопасности ООН. В этом смысле обоюдные заявления сторон, подкрепленные их решимостью разрешить ситуацию в свою пользу, могут в обозримой перспективе привести к вооруженному столкновению. Соответствующие высказывания делались египетским президентом Ас Сиси, так же как и его эфиопским коллегой, премьер-министром Ахмедом Абием, заявившим о готовности применить силу в случае эскалации конфликта.

Для разрешения кризиса, возникшего в отношениях двух стран, египетская сторона высказывается за план, согласно которому объем поступления воды был сохранен на уровне 40 млрд куб. м, однако Эфиопия заявляет о максимально допустимой цифре в 31 млрд куб. м, что для Египта является неприемлемым ввиду уже существующего острого дефицита водных ресурсов. В частности, страны не могут договориться о сроках и объемах заполнения резервуаров плотины. Аддис-Абеба отклоняет египетский план, считая его потенциальным нарушением своего суверенитета [7]. В целях сохранения приемлемых объемов воды Каир просит увеличить временной период заполнения водохранилищ плотины, но, как указал представитель Египта, Аддис-Абеба на данном этапе отказывается это обсуждать. В настоящее время Египет получает около 48 млрд куб. м воды.

По подсчетам экспертов, в случае сокращения египетской квоты вод Нила ниже допустимого для него уровня страна лишится 1,5 млн рабочих мест,

ежегодные потери в производстве электричества составят \$285 млн, сельскому хозяйству будет нанесен ущерб в размере \$1,4 млрд, государство будет вынуждено тратить свыше \$500 млн на импорт продуктов. Эфиопия отказывается от международного арбитража в этом вопросе и выступает против допуска международных экспертов в зону данного проекта. Интерес к разрешению конфликта проявляют и суданские власти, также заинтересованные в регулировании уровня воды в Ниле, т.к. население страны испытывает нехватку питьевой воды. По трехстороннему соглашению 2015 года все три страны должны одобрить этот вопрос. Однако Аддис-Абеба отвергает идею подключения международных посредников к переговорному процессу, так же как и участие в нем властей Судана [1]. Данный конфликт относится к числу трудноразрешимых вследствие ограниченности природных ресурсов и нежелания сторон выстраивать диалог на компромиссной основе.

Еще более острый характер носит конфликт в Тиграе, в основе которого лежат как этнические, так и территориальные причины. Ситуация в стране обострилась сразу после смерти М. Зенауи, когда местные власти провинции Тиграй фактически отказались от выплат в бюджет страны, сославшись на имевшие место притеснения по этническому признаку (большинство государственных постов в стране занимают представители народностей амхара и оромо). Положение долгое время не менялось даже несмотря на тот факт, что Эфиопия является страной, в которой принцип этничности официально закреплен в Конституции.

Приход нового премьер-министра Ахмеда Абия к власти привел к еще большему дисбалансу в правящей элите страны, что было негативно воспринято представителями народности тигре, игравшей заметную роль в истории Эфиопии. Обострению конфликта в провинции Тиграй способствуют стремление правящих кругов Эфиопии к силовому подавлению протестов в мятежной провинции, а также отказ от проведения серьезных экономических реформ.

Летом 2021 г. к успехам повстанцев добавилось перенесение военных действий в провинцию Амхара, что усилило опасения внутри страны о переходе конфликта в затяжную фазу. Следует отметить, что конфликт в Эфиопии требует скорейшего международного урегулирования и решения проблемы беженцев, численность которых составляет более 2 млн человек. Становится очевидно, что без активного участия ООН и постоянных членов Совета Безопасности невозможно достижение какого-либо консенсуса.

Проблема урегулирования конфликта в Тиграе во многом осложняется отсутствием единой позиции стран Африканского союза по данному вопросу. И все же достигнутое соглашение о временном перемирии сторон позволяет надеяться, что участники конфликта смогут прийти к компромиссу по большинству спорных вопросов, как это было продемонстрировано в недавнем решении разногласий между Эфиопией и Эритреей.

Следует отметить, что большинство территориальных конфликтов на африканском континенте одновременно носит этнический, а нередко и конфессиональный характер. Их специфика во многом определяется как колониальным прошлым и искусственностью границ, так и сохранением племенной структуры, в результате чего легитимность власти основывается на принадлежности к конкретной этнической группе, что в условиях многоэтничного государства ведет к обострению политической ситуации и способствует возрастанию конфликтного потенциала. Острота территориальных конфликтов характеризуется и социальной разобщенностью отдельных народов, отсутствием экономических реформ, низким уровнем жизни африканских обществ.

Список литературы:

1. *Агуреев С.А.* Современные проблемы эфиопско-египетских отношений в контексте спора о строительстве плотины на Ниле // Международная научная конференция «Актуальные проблемы международных отношений и международного права» / Отв. ред. Каширина Т.В., Агуреев С.А.,

Воробьев С.В. -М., Дипломатическая академия МИД России, 2021.- С.113-117.

2. *Борисова Е.А.* Плотина «Возрождение» в Эфиопии: геополитический контекст и международное право. Киберленинка [Электронный ресурс] <https://cyberleninka.ru/article/n/plotina-vozhrozhdenie-v-efiopii-geopoliticheskiy-kontekst-i-mezhdunarodnoe-pravo> (дата обращения: 28.02. 2021)

3. Доклад Международного суда. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Пятидесятая сессия. Нью-Йорк: Организация Объединенных Наций, 1995. 32 с.;

4. *Косухин Н.Д.* Этнополитические конфликты в Африке // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2007. № 9. С. 110-116;

5. Маврикий вернул острова Чагос // Советская Россия [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sovross.ru/news/55909> (дата обращения: 17.02.2022)

6. *Ндайисаба О.* Руанда-Бурунди: политический диалог как способ достижения соглашения // Вестник РУДН. Серия Политология. 2020. № 1. С. 105-115;

7. Переговоры Египта и Эфиопии по проблеме высотной плотины пройдут 24 октября в Сочи. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7023462> (дата обращения: 22.10.2021)

8. *Хабенская Е.О.* Сенегал и Гвинея-Биссау сквозь призму Казаманского конфликта (1959 – 1998 гг.) // Конфликтология / Nota Bene. 2015. № 3 (4). С. 271-282. С. 282.

9. *Хабенская Е.О.* Пограничные конфликты в Африке (на примере сенегало-мавританского конфликта 1989 г.) // Дневник Алтайской школы политических исследований. 2015. № 31. С. 171-176.

10. *Филиппов В.Р.* Территориальные конфликты и перспективы изменения границ на Африканском континенте // Геополитический журнал. 2014. № 6. С. 38-48;

11. *Bootsma H., Jorgense S.* Lake Malawi/Nyasa: Experience and lessons learned [Электронный ресурс]. URL: http://www.worldlakes.org/uploads/16_Lake_Malawi_Nyasa_27February2006.pdf

(дата обращения: 19.02.2022).

12. *Hertslet E.* The map of Africa by treaty. V. 3. London: Printed for H.M.S.O [Электронный ресурс]. URL: <https://library.si.edu/digital-library/book/mapofafricabytre03hert> (дата обращения: 19.02.2022).

13. Malawi minister describes Tanzania ‘ignorant’ on lake row, oil explorations to proceed // Nyasa Times. 2012. 1. VII. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nyasatimes.com/malawi-minister-describes-tanzania-ignorant-on-lake-row-oil-explorations-to-proceed/> (дата обращения: 19.02.2022).

14. Malawi News (Blantyre). 1976. 30. VI.

15. *Mattick R.* Petroleum exploration in Malawi. U.S. Geological Survey, Reston, VA. [Электронный ресурс]. URL: <https://pubs.usgs.gov/of/1984/0384/report.pdf> (дата обращения: 19.02.2022).

16. *Mayall D.* The Malawi-Tanzania Boundary Dispute // The Journal of Modern African Studies. 1973. Vol. 11. № 4. P. 611.

17. *Yoon M.* Colonialism and Border Disputes in Africa: The Case of the Malawi-Tanzania Dispute over Lake Malawi/Nyasa // The Journal of Territorial and Maritime Studies. 2014. № 1. P. 87.

Поспелов Никита Валерьевич,
аспирант,
Дипломатическая академия МИД России.
E-mail: nikpos96@bk.ru

Научный руководитель:
Шангараев Руслан Насимович,
кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного
управления во внешнеполитической деятельности Дипломатической академии
МИД России.
E-mail: r.shangaraev@dipacademy.ru

Nikita V. Pospelov,
Postgraduate Student of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign
Affairs of the Russian Federation.
E-mail: nikpos96@bk.ru

Scientific adviser:
Ruslan N. Shangaraev,
Associate professor of the Chair of Public Administration in Foreign Policy of
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.
E-mail: r.shangaraev@dipacademy.ru

**РОССИЙСКО-ТУРЕЦКОЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПО СОХРАНЕНИЮ СУВЕРЕНИТЕТА И
ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ СИРИИ**

**RUSSIAN-TURKISH DIPLOMATIC COOPERATION TO PRESERVE
THE SOVEREIGNTY AND TERRITORIAL INTEGRITY OF SYRIA**

Аннотация. С момента начала «арабской весны» в марте 2011 года главной проблемой для России стало предотвращение распада сирийского государства. По мере ухудшения обстановки Россия и Турция проявили заинтересованность в дипломатическом сотрудничестве для сохранения суверенитета и территориальной целостности Сирии. Цель статьи – рассмотреть особенности взаимодействия Москвы и Анкары с участием Тегерана по урегулированию конфликта на территории данной страны в период с 2012 по

2020 год и проанализировать их влияние на разрешение ситуации в регионе Ближнего Востока.

Abstract. Since the beginning of the Arab Spring in March of 2011, the main problem for Russia has been to prevent the collapse of the Syrian state. As the situation deteriorated, Russia and Turkey showed interest in diplomatic cooperation to preserve Syrian sovereignty and territorial integrity. The purpose of the article is to examine the specifics of the interaction between Moscow and Ankara with Tehran's participation over the period from 2012 to 2020 and to analyze their impact on the resolution of the situation in the Middle East region.

Ключевые слова: Россия, Турция, Сирия, территориальная целостность, дипломатия.

Keywords: Russia, Turkey, Syria, territorial integrity, diplomacy.

Введение

В настоящее время Сирия находится в центре внимания мирового сообщества. Это вызвано ухудшением геополитической обстановки по причине возникновения террористической организации «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ) на Ближнем Востоке и стремлением других стран обеспечить политические и экономические интересы. Россия и Турция не являются исключением. Начало «арабской весны» вызвало интерес со стороны турецкого руководства и позволило ему проводить политику по укреплению влияния в регионе, прежде всего в Сирии. Такой поворот событий не мог оставить Россию безучастной, что заставило Москву пойти на сближение с Анкарой для достижения компромисса по решению данной проблемы.

Конфликт в Сирии дал возможность двум странам не только пройти через определённые этапы с учётом инцидента с Су-24, но и найти общие подходы по разрешению кризисной ситуации в регионе Ближнего Востока. Формирование «астанинской тройки» в январе 2017 года позволило укрепить союз России, Турции и Ирана и способствовать объединению усилий по сохранению суверенитета и территориальной целостности в ближайшие несколько лет.

Политика России и Турции в отношении Сирии до 2015 года

Россия и Турция до ухудшения двусторонних отношений в ноябре 2015 года не смогли в полной мере осуществить внешнеполитическое решение вопроса о дипломатическом сотрудничестве с целью сохранения суверенитета и территориальной целостности Сирии. Это было обусловлено разными стратегическими интересами и стремлением Турции установить региональное лидерство на Ближнем Востоке. Кроме того, Анкара активно выступала на стороне оппозиционных военных формирований, называя их демократическими [1, с. 28]. Россия придерживалась той точки зрения, что главной причиной начала войны в Сирии послужило противоборство различных общественных группировок и оптимальным решением является политическое урегулирование при условии прекращения военных действий.

Первые попытки согласовать совместные действия в Сирии были предприняты в ходе визита президента России Д.А. Медведева в Южную Корею в марте 2012 года. Во время встречи с премьер-министром Р.Т. Эрдоганом на полях саммита по ядерной программе Кореической Народно-Демократической Республики (КНДР) стороны обсудили нынешнюю ситуацию на Ближнем Востоке, в том числе в Сирии, и достигли договорённости по реализации дорожной карты между режимом Б. Асада и оппозицией с целью координации усилий по разрешению кризиса на основе дипломатических переговоров [2]. 18 июля 2012 года Р.Т. Эрдоган посетил Москву. Выступая на совместной пресс-конференции, российский президент В.В. Путин подчеркнул, что стороны нацелены на сотрудничество по недопущению нарушения территориальной целостности Сирии и предоставлению народу права самостоятельно определить свою судьбу [5]. В апреле 2013 года глава российского внешнеполитического ведомства С.В. Лавров посетил Стамбул. В ходе визита он отметил, что Россия и Турция пришли к единому мнению о стратегическом значении Сирии на международной арене и сосредоточении общих усилий на сохранении её суверенитета [22, р. 84]. Однако стремление турецкого руководства создать переходное правительство на территории данной страны с целью отставки

президента Сирии Б. Асада не вписывалось в стремление найти общие позиции по разрешению кризисной ситуации. 30 мая 2014 года состоялся телефонный разговор премьер-министра Турции Р.Т. Эрдогана с российским президентом В.В. Путиным, в ходе которого стороны подчеркнули, что урегулирование конфликта в Сирии возможно путём политического диалога и совместная координация действий поможет двум странам обеспечить её территориальную целостность.

1 декабря 2014 года президент России В.В. Путин совершил государственный визит в Турцию, во время которого состоялся обмен мнениями о путях урегулирования сирийского конфликта на дипломатическом уровне. В ходе визита В.В. Путин подчёркивал, что обе страны имеют общее намерение не только не допустить ухудшения ситуации в регионе, но и найти решение, которое оказалось бы наиболее выгодным для народа и политической власти [8, с. 105]. Исходя из вышесказанного, необходимо отметить, что на протяжении 2013-2014 гг. Москва и Анкара достигли договорённости по сохранению суверенитета и территориальной целостности Сирии путём проведения мирных переговоров, несмотря на отсутствие широкой огласки в связи с разными подходами сторон.

Российско-турецкое взаимодействие по разрешению кризиса в Сирии в 2015-2017 гг.

Дипломатические отношения между Россией и Турцией в контексте урегулирования конфликта в Сирии оставались напряжёнными на протяжении 2015 года, а уничтожение российского бомбардировщика Су-24 отложило выработку взаимоприемлемых решений по сохранению суверенитета и территориальной целостности Сирии на неопределённый срок. В январе и апреле 2015 года главы внешнеполитических ведомств России С.В. Лавров и Турции М. Чавушоглу провели две встречи в Москве, по итогам которых стороны выразили намерение создать коалицию в составе России, Турции и Ирана в соответствии с принципами Женевского коммюнике от 30 июня 2012 года. Однако

неоднократные заявления турецкого руководства, отвергающие нахождение у власти президента Сирии Б. Асада, и участие в переговорах сирийских курдов вызывали опасения у Москвы [13, с. 86].

Поворотным моментом российско-турецкого дипломатического взаимодействия по разрешению кризиса в Сирии стал конец 2016 года, когда 20 декабря в Москве состоялись переговоры с участием министров иностранных дел России, Турции и Ирана С.В. Лаврова, М.Чавушоглу и М.-Дж. Зарифа. По их итогам стороны приняли Совместное заявление по согласованным мерам, согласно которому была достигнута договорённость об уважении суверенитета и территориальной целостности Сирии как многоконфессионального и светского государства, а также о намерении его скорейшего разрешения в соответствии с Резолюцией № 2254 Совета Безопасности Организации Объединённых Наций (ООН) [14]. Встреча министров иностранных дел трёх стран послужила предпосылкой для организации переговоров по разрешению сирийского кризиса в Астане.

23-24 января 2017 года в Астане состоялась встреча представителей руководства Сирии и умеренной оппозиции, а также России, Турции и Ирана. Во время данного саммита стороны договорились о создании трёхстороннего альянса, главной целью которого является установление прочного дипломатического взаимодействия с непосредственным учётом интересов этих стран. В ходе переговоров в Астане стороны не достигли каких-либо значимых результатов, однако им удалось создать диалоговую площадку и определить основные направления сотрудничества России, Турции и Ирана [20, с. 23]. В сентябре 2017 года Анкару посетил В.В. Путин. В ходе встречи с президентом Турции Р.Т. Эрдоганом стороны смогли договориться о блокировании внешнеполитической деятельности США в связи с обеспечением территориальной целостности в Ираке и Сирии [9, с. 1296]. Также Россия и Турция приняли решение по предотвращению использования внешними субъектами курдского фактора в связи с проведением референдума о независимости в Курдистане 25 сентября 2017 года. Наконец, 22 ноября 2017

года в Сочи была проведена совместная пресс-конференция лидеров России, Турции и Ирана В.В. Путина, Р.Т. Эрдогана и Х. Рухани, во время которой стороны выдвинули инициативу о создании Конгресса национального диалога (в его основные задачи входят предотвращение распада Сирии и создание государственного устройства на основе конституции) [6].

Отношения России и Турции по урегулированию конфликта в Сирии до 2020 года

Развитие дипломатического взаимодействия России и Турции по урегулированию сирийского конфликта продолжается. 16 марта 2018 года в Астане состоялась встреча глав внешнеполитических ведомств России, Турции и Ирана. По итогам встречи было принято Совместное заявление, где Москва, Анкара и Тегеран подтвердили намерение уважать суверенитет и территориальную целостность страны, оказать содействие сирийскому народу с целью достижения политического урегулирования путём проведения демократических и справедливых выборов [17]. Спустя несколько месяцев, в мае 2018 года, президент России В.В. Путин нанёс официальный визит в Астану. По итогам встречи в составе Турции и Ирана стороны достигли договорённости по наращиванию совместных усилий с целью оказания помощи гражданам на территории Сирии и реализации процесса политического урегулирования на основе рекомендаций Конгресса сирийского национального диалога [3, с. 61].

Затем 7 сентября 2018 года в Тегеране была проведена пресс-конференция лидеров трёх стран, по итогам которой Россия, Турция и Иран приняли решение о проведении совместных мероприятий с целью урегулирования кризисной ситуации в Идлибе на дипломатическом уровне, в частности прекращения боевых действий и насилия в отношении мирного населения в данной зоне деэскалации [11]. 28-29 ноября 2018 года состоялась встреча президентов России, Турции и Ирана, основными темами которой послужили координация усилий по сохранению суверенитета и территориальной целостности Сирии, формирование Конституционного комитета. Данные проблемы были затронуты

во время встречи министров иностранных дел С.В. Лаврова, М. Чавушголу и М.-Дж. Зарифа 18 декабря 2018 года в Женеве, по итогам которой стороны достигли договорённости по его успешному функционированию на основе компромисса и подтвердили, что приверженность единству и независимости «должна пользоваться уважением всех сторон» [16].

Вопросы сохранения суверенитета и территориальной целостности Сирии были на повестке дня руководителей России, Турции и Ирана на протяжении 2019-2020 гг. 14 февраля 2019 года состоялась поездка российского президента В.В. Путина в Сочи, во время которой он с президентами Турции и Ирана Р.Т. Эрдоганом и Х. Рухани провёл совместную пресс-конференцию. Её основными темами стали укрепление мира и стабильности на территории Сирии путём применения политико-дипломатических методов, долгосрочная нормализация обстановки в стране на основе Резолюции № 2254 Совета Безопасности ООН и предоставление сирийскому народу права самому определить своё будущее. Далее, 16 сентября 2019 года В.В. Путин посетил Анкару. По итогам визита Россия вместе с Турцией и Ираном приняла совместное заявление. В нём стороны подчеркнули, что стабильность и безопасность на северо-востоке Сирии возможны при условии обеспечения координации совместных действий в данном регионе на основе принципов Устава ООН [18]. Кроме того, во время встречи Москва, Анкара и Тегеран достигли договорённости о дипломатическом сотрудничестве по учреждению Конституционного комитета с целью успешного решения политических вопросов и государственного устройства страны.

10-11 декабря 2019 года в Нур-Султане (бывшая Астана) была проведена встреча глав внешнеполитических ведомств России, Турции и Ирана. Во время встречи стороны подтвердили достигнутые договорённости по урегулированию конфликта в Сирии и выразили намерение продолжать дипломатическое взаимодействие по сохранению суверенитета и территориальной целостности на основе Устава ООН. По итогам саммита было принято очередное заявление, согласно которому Россия, Турция и Иран отметили необходимость установления стабильности в Идлибской зоне деэскалации и договорились о

продвижении долгосрочного политического процесса в Сирии при условии Конгресса национального сирийского диалога в Сочи [18]. 5 марта 2020 года Москву посетил президент Турции Р.Т. Эрдоган. Во время визита стороны провели совместную пресс-конференцию, на которой не только была выражена заинтересованность в урегулировании сирийского кризиса, но и достигнуты договорённости по осуществлению коллективных мер по сохранению суверенитета и территориальной целостности. Выступая на пленарном заседании, В.В. Путин подчеркнул, что Астанинский процесс придал значительный импульс сирийскому урегулированию и единственным путём является «обеспечение устойчивого мира и стабильности в рамках Женевского переговорного процесса» [7].

Спустя несколько месяцев, 1 июля 2020 года, в Москве состоялась встреча В.В.Путина, Р.Т. Эрдогана и Х. Рухани, в ходе которой лидеры трёх стран провели пресс-конференцию в режиме онлайн в связи с пандемией коронавируса COVID-19. Основными темами для обсуждения стали урегулирование сирийского конфликта политическими и дипломатическими методами на основе Резолюции № 2254 Совета Безопасности ООН, предоставление права народу без вмешательства извне определить судьбу данной страны, а также совместное продвижение процесса по установлению стабильности в регионе Ближнего Востока на краткосрочную перспективу. 25 августа 2020 года в Женеве было проведено заседание министров иностранных дел России, Турции и Ирана. По итогам встречи стороны приняли Совместное заявление, в котором была выражена приверженность суверенитету и территориальной целостности Сирии на основе конструктивного дипломатического взаимодействия государств – участников с целью достижения общего согласия и подчёркнута необходимость сохранения Конституционного комитета для стабилизации обстановки [19].

Сотрудничество России и Турции в разрешении сирийского кризиса

Проблематика сохранения суверенитета и территориальной целостности Сирии имеет большое значение для поддержания политического диалога России

и Турции и является предметом изучения учёными и специалистами в сфере международных отношений. В соответствии с комментарием главы российского внешнеполитического ведомства С.В. Лаврова новостному информационному агентству «ТАСС», основной акцент делается на стабилизации ситуации на северо-востоке Сирии посредством проведения дипломатических переговоров [10]. Анализируя последние события в данной стране, С.В. Лавров приходит к обоснованному выводу о том, что возникающие между российской и турецкой сторонами проблемы необходимо решать посредством проведения мирного и конструктивного диалога с представителями центрального правительства в Дамаске. Это, в частности, относится к приобретению Турцией зенитных ракетных систем (ЗРС) С-400 для укрепления безопасности в регионе и недопущения возникновения новых очагов напряжённости на Ближнем Востоке [4, с. 44].

Используя данный подход к рассмотрению дипломатических контактов с целью сохранения суверенитета и территориальной целостности Сирии, можно провести анализ взаимодействия России и Турции по разрешению кризиса. Как можно заметить из содержания рассмотренных выше встреч лидеров двух стран, динамика политического сотрудничества после 2011 года претерпела значительные изменения. До уничтожения Су-24 в ноябре 2015 года Россия и Турция не смогли найти точек соприкосновения по вопросу сохранения суверенитета и территориальной целостности Сирии, несмотря на их попытки достигнуть договорённости о совместных действиях. Ухудшение двусторонних отношений в течение семи месяцев, в свою очередь, приостановило процесс урегулирования рассматриваемого конфликта. Тем не менее последующие визиты лидеров государств и глав внешнеполитических ведомств на протяжении 2017-2020 гг. демонстрируют, что данные страны совместно с Ираном имеют возможность активно взаимодействовать с целью разрешения сирийского кризиса в рамках Астанинского процесса и других актуальных международных проблем благодаря принятию решений, отвечающих взаимным интересам.

Подходы к разрешению кризиса в Сирии

В настоящее время Россия и Турция имеют определённые разногласия, касающиеся сохранения суверенитета и территориальной целостности Сирии. Основная причина заключается в том, что данные страны придерживаются разных взглядов на проведение внешней политики. Если Москва рассматривает недопущение военного вмешательства других государств на Ближнем Востоке в качестве приоритетной задачи, то Анкара, напротив, стремится претендовать на региональное лидерство и в связи с этим расценивает кризис в Сирии как отличную возможность это осуществить. Однако, по мнению доцента Дипломатической академии МИД России Р.Н. Шангараева, России и Турции необходимо обратить внимание на реализацию собственных стратегических интересов, поскольку это не только коренным образом повлияет на проведение сбалансированной внешней политики, но и позволит двум странам принять соответствующие меры по сохранению суверенитета и территориальной целостности Сирии [21, с. 83]. Поэтому, используя сравнительный анализ, можно предположить, что если Москва и Анкара смогут преодолеть существующие разногласия, то в краткосрочной перспективе они будут оказывать решающее воздействие на развитие геополитических процессов в регионе Ближнего Востока.

Возможность сохранения суверенитета и территориальной целостности Сирии

Возникает следующий вопрос: возможно ли сохранение суверенитета и территориальной целостности Сирии без участия России и Турции. При ответе необходимо обратить внимание на такие факторы, как политическая обстановка, режим власти и экономическая составляющая. Как известно, в настоящее время президентом Сирии является Б. Асад, имеющий неоднозначную репутацию по причине многочисленных репрессий. Проведение внешнеполитического курса со стороны правительства страны не только вызывает протесты среди местного

населения, но и влияет на развитие экономики. Возникновение террористической организации ИГИЛ (в настоящее время – «Исламское государство») на территории Ирака приобрело широкое распространение в других странах Ближнего Востока, прежде всего в Сирии. Правительство не приняло ответные меры по ликвидации угрозы и стабилизации обстановки, что заставило международное сообщество поставить указанные проблемы на повестку дня.

Вывод

Теоретически возможно обеспечить сохранение суверенитета и территориальной целостности Сирии. Но это произойдёт при условии пересмотра правительством страны, в частности Б. Асадом, внешней и внутренней политики. Россия и Турция вместе с Ираном могут выступать в качестве опоры с целью недопущения ухудшения обстановки в стране, т.к. это влияет на укрепление их позиций в регионе Ближнего Востока.

Заключение

Российско-турецкое дипломатическое взаимодействие, направленное на сохранение суверенитета и территориальной целостности Сирии, претерпело значительные позитивные изменения благодаря росту взаимопонимания между сторонами в данном вопросе. После присоединения Ирана к России и Турции в конце 2016 года и проведения в Астане в январе 2017 года встречи на высшем уровне был создан трёхсторонний альянс, направленный на урегулирование конфликта в Сирии. Последующее проведение подобных саммитов и телефонных переговоров создавало основу для осуществления согласованной политики, которая позволила бы не только объединить усилия на политическом и дипломатическом уровнях по разрешению ситуации в Сирии, но и учитывать национальные интересы.

Список литературы:

1. Бдоян Д.Г. Российско-турецкие противоречия на Ближнем Востоке // Научно-аналитический журнал «Обозреватель-Observer». – 2017. – №6 (329). – С. 23-33.
2. Гурьев А.А. Ситуация в Турции: март 2012 года. [Электронный ресурс] URL: <http://www.iimes.ru/?p=14515> (дата обращения: 05.02.2022).
3. Вахшитех А.Н, Лапенко М.В. Переговорный процесс по Сирии в Астане: итоги 2018 года // Современные евразийские исследования. – 2018. – № 3. – С. 59-70.
4. Задохин А.Г., Шангараев Р.Н. Курдский вопрос в геополитических процессах Ближнего Востока в контексте сирийского конфликта // Дипломатическая служба. – 2019. – № 6. – С. 42-52.
5. Заявления для прессы и ответы на вопросы журналистов по итогам встречи с премьер-министром Турции Реджепом Тайипом Эрдоганом от 18 июля 2012 года. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/countries/TR/events/16014> (дата обращения: 05.02.2022).
6. Заявления для прессы по итогам встречи с Президентом Ирана Хасаном Рухани и Президентом Турции Реджепом Тайипом Эрдоганом от 22 ноября 2017 года. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/countries/TR/events/56153> (дата обращения: 06.02.2022).
7. Заявления для прессы по итогам российско-турецких переговоров от 5 марта 2020 года. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62948> (дата обращения: 06.02.2022).
8. Иванова И.И. Сирийский фактор в российско-турецких отношениях // Россия и Турция в новой мировой политической среде. Материалы третьей международной конференции экспертов-тюркологов. Серия: Книги и брошюры

ИМИ. Т. 31. Отв. ред. В.А. Аватков, С.Б. Дружиловский, А.В. Федорченко. – М.: МГИМО-Университет. – 2015. – С. 97-109.

9. Карпович О.Г. «Мягкая сила» в глобальных координатах внешней политики США // Право и политика. – 2013. – № 10. – С. 1295-1297.

10. Лавров: глава МИД Турции подтвердил уважение к территориальной целостности Сирии. [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/politika/6977537> (дата обращения: 06.02.2022).

11. Пресс-конференция по итогам встречи с Президентом Ирана Хасаном Рухани и Президентом Турции Реджепом Тайипом Эрдоганом от 7 сентября 2018 года. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/58483> (дата обращения: 06.02.2022).

12. Свистунова И.А. Российско-турецкие отношения на Ближнем Востоке 2002-2012 гг. // Российско-турецкие отношения: 2002-2012 годы. Материалы Круглого стола. Серия: Книги и брошюры ИМИ. Т. 25. Отв. ред. В.А. Аватков, С.Б. Дружиловский, А.В. Федорченко. – М.: МГИМО-Университет. – 2013. – С. 116-125.

13. Свистунова И.А. Турция и сирийский кризис: вызовы и возможности для внешней политики Анкары // Проблемы национальной безопасности. – 2018. – № 1 (46). – С. 74-96.

14. Совместное заявление министров иностранных дел Исламской Республики Иран, Российской Федерации, Турецкой Республики по согласованным мерам, направленным на оживление политического процесса с целью прекращения сирийского кризиса от 20 декабря 2016 года. [Электронный ресурс] URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2573489 (дата обращения: 05.02.2022).

15. Совместное заявление министров иностранных дел Исламской Республики Иран, Российской Федерации и Турецкой Республики по Сирии от 16 марта 2018 года. [Электронный ресурс] URL:

http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-

/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3120957 (дата обращения: 06.02.2022).

16. Совместное заявление министров иностранных дел Исламской Республики Иран, Российской Федерации и Турецкой Республики по Сирии от 18 декабря 2018 года. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/maps/tr/-/asset_publisher/Fn23K1b76LY2/content/id/3449134 (дата обращения: 06.02.2022).

17. Совместное заявление президентов Исламской Республики Иран, Российской Федерации и Турецкой Республики от 16 сентября 2019 года. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5439> (дата обращения: 06.02.2022).

18. Совместное заявление Ирана, России и Турции по итогам Международной встречи по Сирии в Астанинском формате (МВСА-14) от 11 декабря 2019 года. [Электронный ресурс] URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3949043 (дата обращения: 06.02.2022).

19. Совместное заявление Ирана, России и Турции по итогам консультаций «на полях» третьего заседания Конституционного комитета от 25 августа 2020 года. [Электронный ресурс] URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4299320 (дата обращения: 06.02.2022).

20. Фролов А.В., Надеин-Раевский В.А. Турция: в поиске точек опоры // Научно-политический журнал «Международная жизнь». – 2017. – № 3. – С. 16-32.

21. Шангараев Р.Н., Поспелов Н.В. Соотношение стратегических интересов России и Турции в Сирии // Научно-практический журнал «Дипломатическая служба». – 2019. – № 3. – С. 79-84.

22. Özbay F. Turkish-Russian relations in the shadow of the Syrian crisis // Journal of Caspian Affairs. – 2015. – Vol. 1. – № 1. – P. 73-92.

Платонов Антон Павлович,
соискатель ученой степени кандидата наук кафедры теории права и
сравнительного правоведения, Московский государственный институт
международных отношений (университет) МИД России.
E-mail: platonov1536@gmail.com

Anton P. Platonov,
Applicant for Ph.D., Department of Theory of Law and Comparative
Jurisprudence MGIMO University of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian
Federation.
E-mail: platonov1536@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ

FEATURES OF THE FORMATION OF THE FOREIGN POLICY OF THE UNITED STATES OF AMERICA

Аннотация. Ключевым фактором изменения внешней политики США, по мнению автора, служит невозможность проведения американской политики гегемонизма, которая является их историческим паттерном.

Abstract. The key factor in changing US foreign policy, according to the lecturer, is the impossibility of pursuing the American policy of hegemonism, which is its historical pattern.

Ключевые слова: США, Европейский союз, внешняя политика, гегемонизм, система международных отношений.

Keywords: USA, European Union, foreign policy, hegemonism, system of international relations.

Становление внешней политики и экономических отношений Соединенных Штатов Америки (далее — США) с другими странами проходило в период образования и продвижения Вестфальской системы международных отношений (начиная с 1648 г.) [1]. Как известно США, еще будучи колониями Великобритании, существовали в рамках Вестфальской системы и были неразрывно связаны с Европой. Именно эта «европейская модель» стала основой

внешней политики США конца XVIII века и предопределила их дальнейшее развитие.

После подписания Декларации независимости США 4 июля 1776 года [2] подход к дипломатическим и международным отношениям был изменен. Такие права, как право на самоопределение, право на уважение мнения страны во внешнеполитических вопросах, а также акцент на морально-этическую сторону в отношениях с другими государствами практически перечеркивали европейское преимущество. Члены Континентального конгресса, на котором была утверждена Декларация, старались заручиться поддержкой европейских монархий из числа врагов Британской империи для борьбы с доминированием Англии⁶. Они понимали, что без помощи извне победить будет невозможно. Таким образом, США планировали склонить «баланс сил»⁷ в свою сторону, преследуя лишь одну цель – защита национальных интересов США любой ценой.

По окончании Войны за независимость [5] перед Америкой встала задача внедрения в международную систему отношений. В это время в Европе творился хаос. За французскими революциями последовала эпоха наполеоновских войн, которая охватила всю Европу, что не могло не сказаться на США [6]. Хотя Франция первой признала США и способствовала победе в Войне за независимость, американское правительство придерживалось нейтралитета, а позже и вовсе заняло пробританскую позицию, заключив американо-английский договор (договор Джея) [7], что сильно усугубило отношения между Штатами и Францией и привело к «необъявленной войне». Демократические традиции, зародившиеся еще в колониальный период, а также революция, прошедшая без кровавых последствий, вселили в американцев веру в их превосходство над странами Европы и абсолютную исключительность. В то же время США поддерживали появление демократических режимов во всем мире, считая демократию наилучшей политической системой, а право народов на

6 <https://www.forbes.ru/sobytiya/vlast/239510-kak-britantsy-navyazali-svoi-poryadki-vsemu-miru>

7 <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/392108>

самоопределение — важнейшим принципом международного права. Благодаря опыту колониальных войн Британской империи против Франции и Испании, особенно Семилетней войне [8], американские власти прекрасно понимали, что из-за разногласий в Европе военные действия напрямую затрагивают и сами Соединенные Штаты, что в дальнейшем стало одним из главных факторов их самоизоляции. Политическая элита США была уверена в том, что нескончаемые европейские войны являются следствием эгоистичных методов государственного управления, в то время как политика Штатов была ориентирована на то, что страны должны придерживаться партнерских отношений и отвергать любые идеи противостояния правительства с народом. США были не согласны с европейской системой ценностей и считали игнорирование волеизъявления народа основной причиной возникновения европейских войн. В связи с этим появилась уверенность в том, что мировая политика нуждается в демократическом подходе Соединенных Штатов Америки.

Наблюдая за постоянными войнами между основными европейскими державами и полностью отвергая политику равновесия сил того времени, США решили воспользоваться моментом и отказаться от идеи изоляционизма [9], присущей Штатам с момента их образования, начав экспансию на континенте и борьбу с влиянием стран Европы. В итоге основными целями внешней политики США конца XVIII века стали обеспечение собственной безопасности в условиях противостояния с элитой Старого Света и желание принести «блага свободы» другим государствам.

Вся первая половина XIX века была посвящена укреплению государственности, и США практически не интересовали дела в Европе. Их внешнеполитическая деятельность была направлена на расширение границ за счет соседних территорий. Также, воспользовавшись вовлеченностью европейских государств в постоянные революции и войны, Штаты значительно усилили военный флот и собственное влияние. Еще в конце 1790-х годов, из-за расширения торговых связей, у США возникли противоречия с Францией,

которые не переросли в полноценную войну лишь благодаря вмешательству Англии, имеющей в то время наибольшее преимущество на море [10]. Однако Америка еще не стала равноправным партнером в решении конфликтов европейских государств, в связи с чем не принимала участия в войнах и не входила ни в какие европейские международные союзы. Основным направлением внешней политики США стала Доктрина Монро [11] — декларация основных внешнеполитических принципов США, провозглашенная президентом Джеймсом Монро 2 декабря 1823 года. В ней говорилось о разделении политических систем на американскую и европейскую и невмешательстве в дела друг друга.

В 1824 году США начали политику сближения с Российской империей, подписав пограничный договор о разделении территории [12]. Немаловажную роль сыграли взаимовыгодные торговые связи между двумя государствами. В 1832 году был подписан еще один русско-американский договор о торговле и навигации [13], что придало еще большую надежность и стабильность этим отношениям.

Опираясь на Доктрину Монро, рабовладельцы юга США начали освоение соседних мексиканских земель. Отказ властей Мексики продать эти территории послужил причиной начала войны (1846-1848 гг.) [14]. Результатом стало присоединение к Америке Техаса, Северной Калифорнии и Новой Мексики за 15 млн долларов. Первую половину XIX века можно смело считать этапом формирования новой внешней политики США. Теперь каждая партия, находившаяся у власти, ставила своей целью обеспечение безопасности границ и полное исключение европейского влияния во всех сферах, затрагивающих интересы Штатов. «Доктрина Монро» стала основой основ американской внешней политики того времени.

В 1848 году, а также в 1854 году правительство США пыталось выкупить у Испании Кубу, но эти шаги не увенчались успехом. В попытках добиться своего тремя американскими дипломатами (послами в Великобритании, Франции и Испании) в конце 1854 года был разработан

секретный план, предполагавший покупку, а в случае очередного отказа захват Кубы военным путем. Но в результате утечки информации «Остендский манифест» [15] стал достоянием гласности и был подвергнут жесточайшей критике со стороны Испании и поддержавших ее Франции и Великобритании. В итоге план пришлось свернуть.

С середины XIX века Штаты стали прикладывать усилия для установления влияния на Дальнем Востоке. Если в предыдущие годы США интересовали лишь соседние территории, то теперь Америка показала всему миру, что она не собирается ограничивать свою сферу влияния лишь Западным полушарием. Внешнеполитические отношения с дальневосточными странами в 1840–50-х годах сильно отличались от политики Великобритании и Франции в этом регионе и стали своеобразным примером для всех великих государств, показывая, что на первом месте должны быть дипломатические методы ведения политической деятельности, а не упор на силовое решение [16].

Пока США были увлечены внешнеполитической деятельностью и с каждым новым договором обретали все большую мощь на международной арене, на территории самой Америки назревал конфликт между промышленным Севером и аграрным рабовладельческим Югом, переросший в Гражданскую войну (1861-1865 гг.) [17]. Причиной этого послужило несогласие южан с политикой нового президента США Авраама Линкольна, в частности освобождением от рабства всех новообретенных земель. Южные штаты вышли из состава США и образовали свое собственное государство – Конфедеративные Штаты Америки [18]. Ряд европейских государств решил воспользоваться данной ситуацией и вмешаться в дела всего Северо-Американского континента. Так, Англия и Франция встали на сторону мятежников с целью расколоть США и лишить их достигнутого за последнее время экономического и внешнеполитического влияния во всем мире. Европейская элита ждала удобного момента, чтобы вступить в войну и помочь Конфедерации одержать победу, но, во многом благодаря прибытию российских военных эскадр к берегам Америки

1863 года [19], англо-французские планы интервенции в США были сорваны. В мае 1865 года война закончилась сокрушительным поражением конфедератов. Этой победе способствовала и внешняя политика Линкольна, а также работа американской дипломатии, вышедшей на новый уровень по сравнению с прошлыми годами. Результатом войны стали отмена рабства и резкий скачок в развитии индустрии и сельского хозяйства.

Далее последовала Реконструкция южных штатов (до 1877 года) [20], которая завершила начатые реформы. В послевоенные годы США продолжили следовать выбранному внешнеполитическому курсу по достижению и распространению своего влияния как на Северо-Американском континенте, так и по всему миру. За это время Соединенные Штаты выиграли у Англии в Женевском трибунале дело об Алабамском вопросе (дело «Алабамы») [21], выдворили французские войска со всего Американского континента (не без демонстрации силы), а также благодаря дружбе с Российской Империей купили у нее Аляску в 1867 году [22], завершив формирование своей территории. Стало очевидно, что американская внешняя политика, основанная на принципах «агрессивной дипломатии», вышла на качественно новый уровень.

Начиная с конца XIX века во внешней политике США наметилось направление в сторону «панамериканизма» [23]. В 1895 году Соединенные Штаты заявили, что теперь они «хозяева» Западного полушария и потребовали от европейских держав полного отказа от вмешательства в дела государств Нового Света. Теперь США, решив заполучить собственные колонии, обратили свое внимание на страны Латинской Америки, Карибского бассейна и побережья Тихого океана. Так образовалась идеология внешнеполитической экспансии, которая защищала права Штатов на захват территорий в интересах страны. Главным событием этого периода стала Испано-американская война 1898 года [24], в которой США, благодаря мощному военно-морскому флоту, одержали безоговорочную победу, в результате чего под их контроль перешли Куба, Пуэрто-Рико, Филиппины и остров Гуам. Параллельно с этим были захвачены

Гавайские острова. Таким образом, Америка обзавелась собственными колониями и вошла в число великих империалистических государств.

Захватив Филиппины, США вовлекли себя в политическое противостояние на Дальнем Востоке с европейскими империалистическими странами, которые уже имели там свои зоны влияния. Желая иметь равные возможности на китайских рынках, в 1899 году американцы выступили с доктриной «открытых дверей» [25], которая позже приобрела всемирный характер.

В 1903 году США, поддержав отделение Панамы от Колумбии, получили в свое распоряжение территорию Панамского канала, позже ставшего одним из важнейших торговых путей и имевшего большое как стратегическое, так и экономическое значение [26].

Президент Уильям Говард Тафт (1909-1913 гг.) стал создателем «дипломатии доллара» [27], начав предоставлять финансовые займы иностранным державам для продвижения интересов США, что значительно снизило военную активность. Стали ясно вырисовываться основные направления внешней политики США: утверждение государства как ведущей мировой державы и усиление экспансии американского империализма.

В августе 1914 года началась Первая мировая война [28]. Участниками военных действий стали практически все империалистические государства того времени. Америка изначально придерживалась «нейтралитета». Президент Томас Вудро Вильсон (1913-1921 гг.), продолжая политику предшественника, считал эту войну лишь средством наживы. В целях развития экономики страны США впервые в своей истории сделали упор на экспорт продукции (в основном вооружения) для воюющих сторон. В октябре 1914 года президент Вильсон одобрил выдачу кредитов американскими банками странам – участницам войны.

После обострения отношений между Штатами и Германией из-за начавшейся подводной войны [29], стало все сложнее придерживаться политики «нейтралитета». Вильсон, понимая опасность германского империализма, считал необходимым поддержание баланса сил в Европе с целью получения выгоды для США. 29 августа 1916 года Конгресс США утвердил «Морской акт»

[30], в котором говорилось о необходимости выделения крупных сумм на строительство военного флота, необходимого как для обеспечения собственной безопасности и укрепления позиций в возможных военных действиях, так и для вызова Англии, «правлящей на морях». Также планировалось строительство большого торгового флота, который должен был помочь Штатам занять ведущее место в мировых торговых отношениях. Начиная с декабря 1916 года США и сторонами-участницами военных действий выдвигались разные предложения с условиями мира, но все они были отвергнуты. 22 января 1917 года американский президент Вильсон впервые за всю историю США обратился к Сенату от лица защитника интересов всего мира с изложением новых условий мира [31]. Основными тезисами обращения были установление «подлинного мира», основанного на демократии, и условие, при котором в этой войне не будет ни победителей, ни проигравших. 6 апреля 1917 года США вступили в войну, при этом продолжая торговлю со странами-участницами и направив всю экономику страны на продвижение экспорта. 11 ноября 1918 года война окончилась подписанием Версальского мирного договора [32], в основу которого легли «Четырнадцать пунктов» Вильсона [33]. Этот факт, а также то, что во время Первой мировой войны Америка стала крупнейшим экспортером и кредитором, способствовал не только росту экономического потенциала, но и укреплению международной репутации.

Однако уже к концу 1920-х годов экономику страны ждал серьезный удар. 24 октября 1929 года наступил биржевой крах, названный «чёрным четвергом» и ставший началом Великой депрессии [34]. Обвал биржи и массовое банкротство банков сильно ударили не только по США, но и практически по всей Европе, Латинской Америке и частично Азии. Экономический кризис заставил страну откатиться ко временам изоляционизма и уделить практически все внимание внутренним проблемам. С приходом к власти Франклина Делано Рузвельта (1933-1945 гг.) американская внешняя политика претерпела некоторые изменения. Основной задачей стал курс на сближение с СССР, в итоге приведший к установлению дипломатических отношений между двумя

государствами в конце 1933 года [36]. А к концу 1938 года США под «флагом панамериканизма» провели несколько Панамериканских конференций со странами Латинской Америки с целью объединения стран Западного полушария под эгидой Соединенных Штатов [36]. Это укрепило политическое и экономическое влияние США в этих регионах, а также стало важным шагом для выхода из Великой депрессии.

В то время как ведущие державы мира готовились к новой войне, 31 августа 1935 года был подписан закон о нейтралитете, запрещающий экспорт оружия воюющим сторонам, но уже в 1939 году, после начала Второй мировой войны, президент США Рузвельт, одержав верх над изоляционистами, ввел поправки, разрешающие торговлю оружием со странами-участницами конфликта. Целью служило обогащение на поставках оружия без участия в военных действиях.

После начала Второй мировой войны увеличились военные заказы из Европы, что благоприятствовало американской экономике, не полностью оправившейся от кризиса. Через некоторое время США смогли вкладывать средства в обновление и развитие армии и флота, а также начать продвигать идею мирового лидерства за счет воздействия на экономики других стран, что до этого было невозможно.

7 декабря 1941 года Япония атакует военную базу Перл-Харбор (Гавайские острова) и США официально вступают во Вторую мировую войну [37]. Ранее, в марте 1941 года, политика нейтралитета была полностью отменена с принятием Закона о ленд-лизе [38]. За годы сражений американские войска действовали в Европе, Африке и Юго-Восточной Азии, а под конец Второй мировой войны Вооруженные силы США, единственные в мировой истории, применили ядерное оружие в боевых целях (бомбардировки Хиросимы и Нагасаки 6 и 9 августа 1945 года) [39]. При этом руководство США, почувствовав свою мощь, не переставало продвигать идеологию, основанную на принятии американских ценностей всем миром.

Подводя итоги Второй мировой войны, стоит отметить, что США получили колоссальную выгоду как в экономическом плане, так и во внешней политике. Америка добилась того, что смогла диктовать миру свои условия, особенно с учетом ослабленности послевоенной Европы. Несмотря на то что война принесла США существенные человеческие потери, значительное расширение сферы доминирования США по всему земному шару (исключая территории, подконтрольные СССР) стало началом пути к однополярному миру.

Гарри С. Трумэн (1945-1953 гг.), сменивший Рузвельта на посту президента США, отошел от курса реформ, начатых еще во время войны, и назвал свою политику «справедливым курсом» [40]. В это время в США стало заметно усиление правых сил, что привело к переосмыслению социальных законов 1930-х годов. Это повлияло и на внешнюю политику государства, вследствие чего американским правительством были приняты следующие инициативы: доктрина Трумэна [41], направленная на «сдерживание коммунизма» и противодействие СССР; план Джорджа К. Маршалла [42], ориентированный на восстановление экономики стран-союзниц США при условии вывода из их правительств коммунистов и левых; создание Североатлантического альянса (НАТО). Так, к концу 1940-х годов за счет проведения реформ во всех сферах была сформирована система обеспечения будущего международного доминирования Америки.

Пришедший к власти Дуайт Дэвид Эйзенхауэр (1953-1961 гг.) продолжил внешнеполитический путь Трумэна (если не брать в расчет успехи СССР в ракетной и ядерной программе). Он смог отчасти наладить отношения с СССР, переведя их в фазу холодной войны, а также способствовал завершению Корейской войны [43], начатой еще при бывшем президенте. За его авторством вышла «Доктрина Эйзенхауэра» [44], которая гласила, что любая страна в мире может рассчитывать на американскую военную и экономическую помощь, если она подвергается нападению со стороны иного государства.

Новый и самый молодой президент в истории США Джон Фицджеральд Кеннеди (1961-1963 гг.) стал активно сотрудничать с учеными-политологами,

что помогло безболезненно решить некоторые политические проблемы, назревавшие еще при предыдущей власти. Благодаря доктрине «гибкого реагирования» стало возможным сближение с СССР по многим международным делам, но его затормозил начавшийся Карибский кризис [44], вызванный развернувшейся гонкой вооружений.

После гибели Кеннеди [45] президентом США стал Линдон Джонсон (1963-1969 гг.). Он продолжил политику предшественника, в том числе и по вопросу урегулирования вьетнамского конфликта, начавшегося еще в 1955 году. Дипломатические переговоры ни к чему не привели, поэтому после череды стычек у берегов Вьетнама США стали официальными участниками этой гражданской войны [47].

Ричард Милхауз Никсон (1969-1974 гг.) пришел к власти с лозунгом о завершении вьетнамской войны «почетным миром». Основные достижения его правления заключались в улучшении отношений с Китаем (что не удавалось многим его предшественникам), принятии ряда реформистских внешнеполитических и экономических решений, высадке американских астронавтов на Луну [48]. К главным недостаткам можно отнести поражение во вьетнамской войне и полную капитуляцию в 1973 году, а также фактический проигрыш в холодной войне (по этой причине США предложили СССР притормозить гонку вооружений, начатую еще при Кеннеди). Под конец правления президента США Никсона в 1973—1974 гг. американскую экономику потряс «нефтяной шок», ставший следствием политики нефтедобывающих держав [49]. С этой ситуацией практически безуспешно пытался бороться Джеральд Форд (1974-1977 гг.).

Следующим президентом США стал Джимми Картер (1977-1981 гг.), отметившийся слабой и непоследовательной внешней политикой. К тому же новый «нефтяной шок» 1979 года усугубил и так ослабленную экономику [50].

Во время президентства Рональда Рейгана (1981-1989 гг.) и Джорджа Буша-старшего (1989-1993 гг.) внешняя политика и экономика США были направлены на установление безоговорочного американского лидерства, к чему

США стремились еще с XIX века. Большим подспорьем для этого стал распад СССР [51].

Билл Клинтон (1993-2001 гг.) изменил внешнеполитический курс, выбрав стратегию по созданию дружелюбного образа Америки (что позволило приостановить холодную войну с Россией), но в то же время основанную на распространении демократии и рыночной экономики для поддержания мирового лидерства США, не исключавшего применения военной силы без участия ООН.

Джордж Буш-младший (2001-2009 гг.) изначально придерживался базовых принципов стратегии предшественника, но в итоге отказался от приоритетной на то время экономической сферы и избрал путь односторонних действий с применением силы для утверждения гегемонии США. Терракты 2001 года значительно повлияли на это [52]. Но после вторжения в Ирак [53] и навязывания своих ценностей другим государствам, вмешательства в их внутренние дела, международный престиж США заметно упал. Стало понятно, что стратегия Буша-младшего обречена.

Исправить ситуацию должен был Барак Обама (2009-2017 гг.). Он продолжил курс на установление американского лидерства, но уже основанного на партнерских отношениях, а не односторонних действиях времен Буша-младшего. Также вновь была сделана ставка на экономическое развитие. Присутствие США в Азии и подписание соглашения о создании Транстихоокеанского партнерства (ТТП) во многом этому способствовали [54]. Но, несмотря на определенные достижения политики Обамы, недостатки оказались довольно значительными и привели к образованию ИГИЛ [55], гражданским войнам в Ливии и Сирии [56], серьезному ухудшению отношений с Россией (включающему введение экономических санкций).

С приходом Дональда Трампа (2017-2021 гг.) США ждали новые взлеты и падения. Во многом Трамп опирался на политику Обамы, включая борьбу с ИГИЛ и сохранение введенных до этого санкций против Российской Федерации (при этом пытаясь восстановить контакт с Владимиром Путиным). Он старался наладить отношения с КНДР, но встреча с Ким Чен Ыном ни к чему не привела.

Торговая война с Китаем нанесла серьезный урон американским производителям [57]. Возросла напряженность между США и союзниками по НАТО. В довершение ко всем неудачам случился мировой эпидемиологический кризис COVID-19, для всемирной борьбы с которым Трамп практически ничего не сделал [58]. В целом период правления Трампа можно назвать неоднозначным.

Внешняя политика нового президента США Джозефа Байдена направлена на восстановление государства после правления Трампа и возвращение США лидирующих позиций среди мировых демократий в противостоянии России и Китаю. Как сказал Байден в своей речи на инаугурации, «история Америки зависит не от кого-либо одного из нас, не от некоторых из нас, а от нас всех, от нас - народа, который стремится к более совершенному союзу. Это великая страна, и мы - хорошие люди. На протяжении веков, через бури и раздоры, через войну и мир, мы прошли длинный путь. Но дорога впереди еще длинна...» [59].

Подводя итог внешнеполитической деятельности и экономическим отношениям США за весь период, начиная с поддержки принципов Вестфальской системы международных отношений (с 1648 г.) и по сей день, можно выделить главную особенность, присущую США на протяжении всего этого времени, — приведение в действие плана внешней политики (как и экономики), опирающегося лишь на национальные интересы государства, любыми возможными способами. Невзирая на взлеты и падения, на протяжении всей своей истории Америка добивалась значительного прогресса во всех сферах, вследствие чего был нарушен международный баланс сил, что привело к образованию системы международных отношений, где США являются доминантной силой.

В то же время, из-за многочисленных попыток вмешательства в дела других стран, «навязывания демократии» с целью расширения сферы собственного влияния, отношение к США со стороны ведущих мировых держав меняется в худшую сторону, вследствие чего мировое лидерство Америки, испытывающей в последние годы значительные экономические проблемы,

может серьезно пошатнуться, а в мировом сообществе все сильнее будет нарастать стремление к формированию мультиполярности.

Вполне вероятно, что в будущем, с приходом новой администрации, внешняя политика США изменится и станет более либеральной, что будет способствовать улучшению отношений и повышению уровня доверия с остальным миром, но, так как спрогнозировать это со стопроцентной вероятностью мы не можем, остается только наблюдать и ждать дальнейшего развития событий, происходящих в Америке и затрагивающих всю нашу планету.

Список литературы:

- 1) <https://ru.valdaiclub.com/multimedia/infographics/vestfalskaya-sistema/>
- 2) <https://ru.humanrights.com/what-are-human-rights/brief-history/declaration-of-independence.html>
- 3) <https://www.forbes.ru/sobytiya/vlast/239510-kak-britantsy-navyazali-svoi-poryadki-vsemu-miru>
- 4) <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/392108>
- 5) https://usa-info.com.ua/history/independence_war.html
- 6) В. М. Складенко, И. А. Рудычева, В. В. Сядро. Загадки истории. Наполеоновские войны. Фолио, 2012
- 7) https://w.histrf.ru/articles/article/show/dzhieia_dogovor_1794
- 8) Архенгольц И.В. История семилетней войны. — М.: АСТ, 2001.
- 9) https://bigenc.ru/world_history/text/2002622
- 10) Ушаков, В. А. Создание флота США и франко-американская "квази-война" на море. Великая французская революция, империя Наполеона и Европа. Октябрь 2005 Издательство Санкт-Петербургского университета.
- 11) Болховитинов Н.Н. Доктрина Монро: (происхождение и характер). М., 1959
- 12) <https://tass.ru/info/1126428>
- 13) https://bigenc.ru/domestic_history/text/3522161

- 14) Паркс Г. История Мексики / Пер. Ш. А. Богиной. — М.: Издательство иностранной литературы, 1949.
- 15) <http://history-library.com/index.php?id1=3&category=istoriya-usa&author=vard-g&book=2009&page=53>
- 16) <https://america-xix.ru/library/treaty-of-kanagawa/>
- 17) <https://ria.ru/20210412/ssha-1727524424.html>
- 18) https://w.histrf.ru/articles/article/show/konfiedierativnyie_shtaty_amieriki
- 19) <https://historyrussia.org/tsekh-istorikov/russkij-flot-u-beregov-ameriki-obshchaya-istoriya-interesy-i-tseli.html>
- 20) <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000152/st016.shtml>
- 21) <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/891119>
- 22) <https://tass.ru/info/4137550>
- 23) Антясов М. В., Современный панамериканизм. Происхождение и сущность доктрин панамериканской «солидарности», М., 1960.
- 24) https://w.histrf.ru/articles/article/show/ispano_amierikanskaia_voina_1898
- 25) Фурсенко А. А., Борьба за раздел Китая и американская теория открытых дверей 1895–1900, М.–Л., 1956.
- 26) <https://www.discoverychannel.ru/articles/kak-poyavilsya-panamskiy-kanal/>
- 27) <https://politike.ru/termin/diplomatija-dollar.html>
- 28) <https://ria.ru/20190628/1555928824.html>
- 29) <https://gwar.mil.ru/events/117/>
- 30) <https://archive.org/details/cu31924019978034/page/n23/mode/2up?view=theater>
- 31) http://hrono.ru/biograf/bio_we/vilson_tv05.php
- 32) <https://histrf.ru/read/articles/kratkii-kurs-istorii-viersalskii-mirnyi-doghovor>
- 33) <http://doc20vek.ru/node/4019>

- 34) https://www.bbc.com/russian/international/2009/10/091024_greatdepression_kozlovsky
- 35) <https://ria.ru/20091012/188552715.html>
- 36) Фостер У. З., Очерк политической истории Америки, перевод с английского, 2 изд., М., 1955
- 37) <https://russian.rt.com/world/article/339474-perl-harbor-yaponiya-ssha>
- 38) <https://iz.ru/1154359/elmar-bainazarov/dolg-pobedy-kak-ssha-i-sssr-sotrudnichali-v-gody-vtoroi-mirovoi>
- 39) <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/asian-kaleidoscope/khirosima-nagasaki-i-zagadka-otnosheniya-yapontsev-k-ssha/>
- 40) Чернявский Г., Дубова Л., Трумэн, ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ, Молодая гвардия, 2016 г.
- 41) <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4084166>
- 42) <http://rushist.com/index.php/west/4368-plan-marshalla-kratko>
- 43) https://www.bbc.com/russian/russia/2013/07/130727_korean_war_stalin
- 44) <http://www.coldwar.ru/eisenhower/eisenhower-doctrine.php>
- 45) <https://ria.ru/20171014/1506686346.html>
- 46) <https://esquire.ru/articles/32812-kennedy-files/>
- 47) <https://tass.ru/fragmenty-novyh-knig/9904521>
- 48) <https://www.bbc.com/russian/features-48667330>
- 49) <https://globalaffairs.ru/articles/energeticheskij-pyori-harbor/>
- 50) Политические сдвиги в странах Запада: Конец 70-х – 80-е годы/ Отв.ред. Перегудов С. П. М.: Наука, 1989.
- 51) https://w.histrf.ru/articles/article/show/raspad_ussr_n
- 52) <https://www.kommersant.ru/doc/3086637>
- 53) <https://www.bbc.com/russian/media-56883664>
- 54) <https://tass.ru/ekonomika/5965882>
- 55) https://www.bbc.com/russian/international/2015/11/151117_islamic_state_roots_money_religion
- 56) <https://ru.euronews.com/2020/12/17/arab-spring-10-years-anniversary>

- 57) <https://www.interfax.ru/world/734231>
- 58) <https://www.rbc.ru/society/03/01/2021/5ff1e73a9a7947d20e5ceed7>
- 59) <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10509883>

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Гулузаде Ясамен Аловсат кызы,
аспирант,
Азербайджанский университет кооперации.
E-mail: jasminshahzade@gmail.com

Guluzade Yasamen Alovsat kyzy,
Postgraduate Student of the Azerbaijan University of Cooperation,
E-mail: jasminshahzade@gmail.com

АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ ВНЕШНЕТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ANALYSIS OF THE CURRENT STATE OF FOREIGN TRADE RELATIONS OF THE REPUBLIC OF AZERBAIJAN

Аннотация.

Цель исследования - комплексный анализ внешнеторговых отношений.

Методология исследования: в работе использованы сравнительный анализ, логическое обобщение, системный подход, методы анализа и синтеза.

Значение применения исследования: фундаментальный анализ исследования может быть оценен и применен как инновационный подход к достижению конкурентоспособности экономики страны и повышению экономической эффективности.

Результаты исследования: изученные вопросы и ряд фактов показывают, что структура внешней торговли страны основана на традиционных товарах. Доля нефти и нефтепродуктов в экспорте страны по-прежнему высока. Вызывает беспокойство то, что в импорте высока доля товаров, ориентированных на потребителя.

Оригинальность и научная новизна исследования: изучены внешнеторговые связи и **место умершего** в международной рейтинговой

системе. При этом расчеты производились на основе данных по условному торговому индексу и индикатору эффективности Всемирного банка.

Abstract.

The purpose of the study is a comprehensive analysis of foreign trade relations.

Research methodology - comparative analysis, logical generalization, systematic approach, analysis and synthesis methods were used in the research work.

Significance of the research - The fundamental analysis of the research can be evaluated and applied as an innovative approach to achieving the competitiveness of the country's economy and increasing economic efficiency.

The results of the study - the issues studied and a number of facts show that the structure of the country's foreign trade is based on traditional products. The share of oil and oil products in the country's exports is still high. It is worrying that the share of consumer-oriented products in imports is high.

The originality and scientific novelty of the research - foreign trade relations and the position of the deceased in the international rating system were studied. At the same time, calculations were made on the basis of data on the conditional trade index and the World Bank's efficiency indicator.

Ключевые слова: внешнеторговый оборот, экспорт, импорт, эффективность, рейтинг, ВВП, производственно-техническая продукция.

Keywords: foreign trade turnover, export, import, efficiency, rating, GDP, production and technical products.

Введение

Международный опыт показывает, что международная торговля является одним из важнейших факторов экономического развития и роста стран с малой экономикой в наше время. Неоспорима роль внешнеторговых отношений в удовлетворении спроса национальной экономики и населения на товары и услуги, в том числе в эффективном использовании имеющихся в стране ресурсов, ускорении инновационного развития и реструктуризации экономики.

Эффективное участие страны в системе международных экономических отношений, наряду с обоснованием привлечения капитала и технологий в экономику, приводит к росту импорта. Он удовлетворяет спрос экономики на потребительские, инвестиционные и промежуточные товары. В связи с этим сегодня практически все государства в той или иной форме вовлечены в международную торговлю, а доля внешней торговли в ВВП некоторых стран достаточно высока. Поэтому такие страны иногда попадают в прямую зависимость от внешней торговли. Степень зависимости экономики от МЭО, или степень открытости страны, согласно теоретическим подходам, определяется тем, что удельный вес экспорта или импорта в ВВП превышает 10%. Насколько высока степень открытости экономики, на таком уровне данная страна и участвует в международных экономических отношениях, повышается уровень взаимозависимости.

В наше время неоспоримым фактом является то, что растущая взаимозависимость национальных экономик стала объективной необходимостью. Международные отношения представляют собой одно из приоритетных направлений политической и экономической деятельности всех государств. В результате этого все страны используют продукты своих доминирующих областей в глобальной экономике, применяя классические и современные теории торговли, с целью получения большей выгоды от внешнеэкономических, в частности торговых, связей.

С другой стороны, общепризнано, что в современную эпоху невозможны интенсификация процессов глобализации и усиления международного экономического сотрудничества, обеспечение устойчивого социально-экономического развития в какой-либо стране без расширения и развития внешнеэкономических связей (ВЭС) с помощью приемлемых средств.

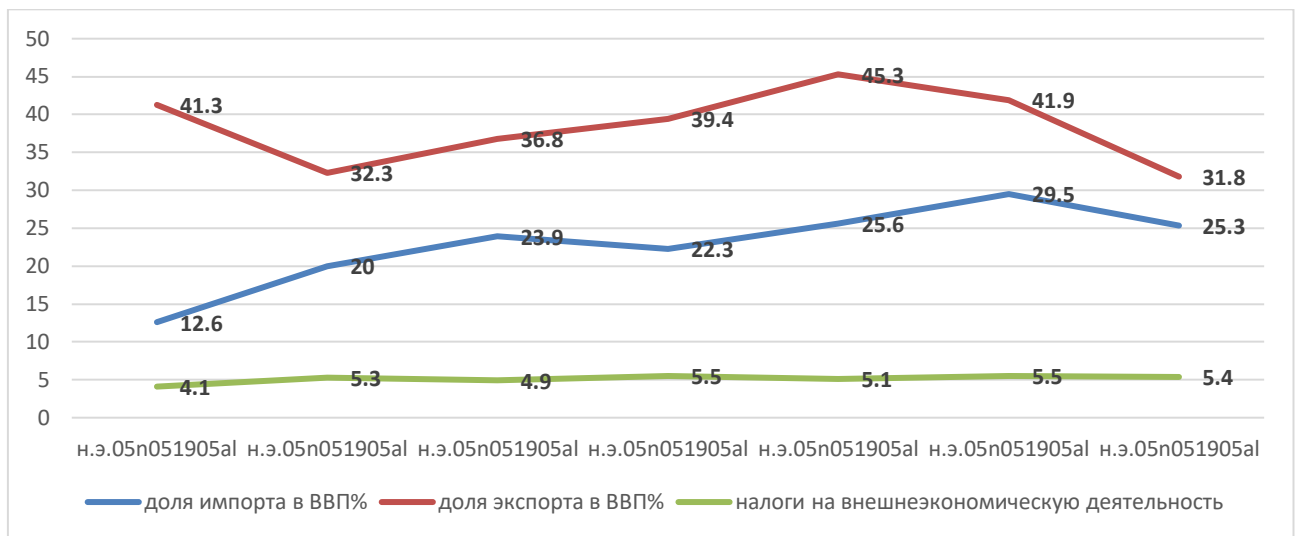
Анализ внешнеторговых отношений Азербайджана

Внешнеторговые отношения также очень важны для Азербайджанской Республики. По официальным данным Государственного комитета статистики

(ГКС) страны, на долю внешнеторгового оборота (ВТО) в ВВП в 2014-2020 гг. приходилось не менее 50%, при этом в доходной части государственного бюджета налоги на внешнеэкономическую деятельность (ВЭД) составляли не менее 4,5%.

Рис. 1

Удельный вес импорта и экспорта в ВВП и налоги, связанные с ВЭД (в процентах)

Источник: <https://www.stat.gov.az/>

Таблица 1

Удельный вес ВВП, импорта и экспорта, и налоги, связанные с ВЭД (в процентах)

Годы	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Доля ВТО в ВВП	53,9	50,3	60,7	61,7	70,9	71,3	57,4
Доля импорта в ВВП	12,6	20,0	23,9	22,3	25,6	29,5	25,3
Доля экспорта в ВВП	41,3	32,3	36,8	39,4	45,3	41,9	31,8
Налоги, связанные с ВЭД	4,1	5,3	4,9	5,5	5,1	5,5	5,4

Примечание: Таблица разработана на основании данных ГКС.

Говоря о внешнеторговых отношениях страны, необходимо также отметить объемы ВТО, импорта и экспорта. Для этого рассмотрим таблицу ниже.

Таблица 2

Общие показатели внешнеторговых отношений Азербайджанской Республики (тыс. в долларах США)

Годы	Оборот			Импорт			Экспорт		
	Всего	СНГ	Дальнее зарубежье	Всего	СНГ	Дальнее зарубежье	Всего	СНГ	Дальнее зарубежье
1991	4 002 234,3	87,0	13,0	1 881 266,2	80,1	19,9	2 120 968,1	93,1	6,9
1995	1 215 017,3	36,7	63,3	667 657,2	34,2	65,8	547 360,1	40,0	60,0
2014	31 016 306,5	9,4	90,6	9 187 697,6	22,7	77,3	21 828 608,9	3,8	96,2
2015	21 945 815,6	11,3	88,7	9 216 677,1	21,3	78,7	12 729 138,5	4,1	95,9
2016	21 946 732,5	12,9	87,1	8 489 140,4	25,4	74,6	13 457 592,1	4,9	95,1
2017	24 103 278,5	14,6	85,4	8 783 301,4	27,3	72,7	15 319 977,1	7,4	92,6
2018	30 954 982,9	12,9	87,1	11 465 914,7	25	75	19 489 068,2	5,8	94,2
2019	33 302 678,5	13,8	86,2	13 667 475,7	25,1	74,9	19 635 202,8	6	94
2020	24 471 287,8	16,8	83,2	10 730 720,2	26,1	73,9	13 740 567,6	9,5	90,5

Источник: <https://www.stat.gov.az/>

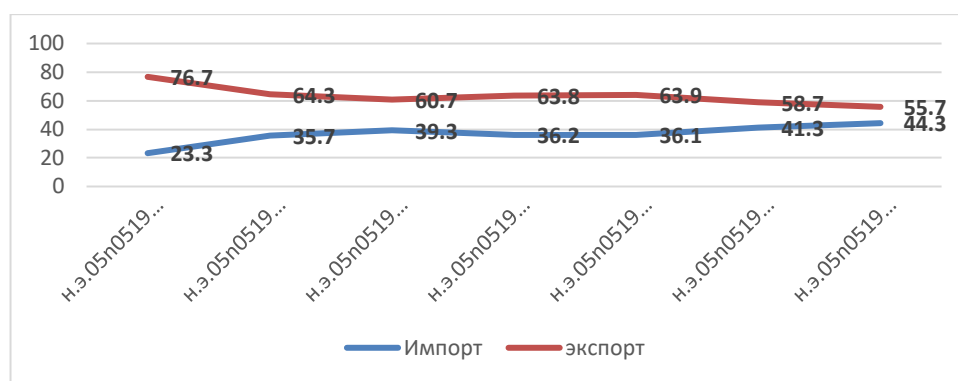
Данные таблицы показывают, что по сравнению с 1991 годом объем ВТО Азербайджанской Республики в 2020 году увеличился в 6 раз, импорт — в 10 раз, а экспорт — в 7 раз. Другими словами, наибольший рост произошел в импорте. Если в первые годы независимости доля стран СНГ составляла 87% ВТО, 80% импорта и 93% экспорта, то со временем этот показатель изменился, и в 2020 году только 17% ВТО, 26% импорта и 9,5% экспорта пришлось на СНГ, остальное – на страны дальнего зарубежья. Кроме того, следует отметить, что в 2020 году Азербайджанская Республика вступила во внешнеторговые

отношения с 189 государствами, из которых 119 находились в дальнем зарубежье (ДЗ), а 10 были странами СНГ.

Как видно, в течение 2014-2020 годов экспорт Азербайджанской Республики всегда превышал импорт. Это обстоятельство привело к поступлениям в страну в иностранной валюте. Так, если в 2014 году 76,7% ВТО приходилось на экспорт и 23,3% — на импорт, то в 2020 году этот показатель составил соответственно 55,7% и 44,3%. Таким образом, сальдо внешнеторгового оборота в 2014-2020 годах было положительным.

Рис. 2

Удельный вес экспорта и импорта в ВТО (в процентах)

Источник: <https://www.stat.gov.az/>

Для системного изучения современных особенностей внешнеторговых отношений страны и существующих закономерностей в этой сфере, целесообразно проанализировать эти отношения, сгруппировав их по отраслям национальной экономики, а также функциональному назначению продукции, участвующей во внешней торговле. Иными словами, необходимо исследовать внешнеторговые отношения по аспектам качества.

Таблица 3

Товарная структура экспорта (тыс. в долларах США и удельный вес в процентах)

Годы	2014		2015		2016		2017		2018		2019		2020	
	2182 8609	y/ в	1272 9139	y/ в	1345 7592	y/ в	1531 9977	y/ в	1948 9068	y/ в	1963 5203	y/ в	1374 0568	y/ в
Потребительские товары	8405 99,3	3, 9	7700 03,2	6, 0	5244 01,1	3, 9	6568 71,7	4, 3	7035 88	3, 6	7716 33,6	3, 9	7244 07,9	5, 4
Минеральная продукция	2019 3532	9 2, 5	1120 3447	88 ,0	1230 1220	91 ,4	1380 1995	9 0, 1	1782 4252	9 1, 5	1764 2667	89 ,9	1200 4404	8 8, 4
Продукты химической промышленности	7611 8,9	0, 3	7998 5,8	0, 6	5589 2,2	0, 4	7956 2,4	0, 5	7810 6,9	0, 4	1018 73,5	0, 5	8525 4,9	0, 6
Пластмассы и изделия из них	1572 81,6	0, 7	1129 70,1	0, 9	9964 9,2	0, 7	1025 14,2	0, 7	1192 89,5	0, 6	1800 45,6	0, 9	1156 72,1	0, 8
Текстильные материалы и изделия	3323 1	0, 2	3286 6,7	0, 3	3868 1,9	0, 3	7684 5,6	0, 5	1352 09,5	0, 7	1844 35,1	0, 9	1521 23,6	1, 2
Обувь, головные уборы, зонты, трости, перья, искусственные цветы	38,3	0, 0	150, 2	0, 00 1	337, 2	0, 00 3	386, 9	0, 0	165	0, 0	848, 6	0, 00 4	876, 7	0, 0 1
Обувь, гетры и аналогичные изделия	37,3	0, 0	99,7	0, 00 1	290, 6	0, 00 2	331, 4	0, 0	155, 6	0, 0	823, 2	0, 00 4	862, 4	0, 0 1
Жемчуг, драгоценные или полудрагоценные камни, драгоценные металлы и изделия из них, бижутерия, монеты	7707 0,6	0, 4	8322 4,7	0, 7	7720 5,7	0, 6	1415 30,1	0, 9	1466 69,7	0, 8	1744 12,8	0, 9	1904 55,5	1, 3
Полудрагоценные металлы и изделия из них	1417 99,8	0, 6	1336 07,4	1, 0	2234 74,6	1, 7	2450 50,6	1, 6	2525 10,2	1, 3	2319 68,7	1, 2	1975 66,1	1, 4
Машины, механизмы, электротехническое оборудование, их детали	6363 5,3	0, 3	5923 0,6	0, 5	3909 0,7	0, 3	5044 9	0, 3	6459 4,6	0, 3	7772 5,6	0, 4	6412 6,9	0, 5
Оптические, фотографические, кинематографические, измерительные, контрольные, медицинские инструменты и приборы, часы, музыкальные инструменты	7772 ,7	0, 0 4	1751 8,7	0, 1	7030 ,9	0, 1	6831	0, 0 4	1232 0,1	0, 1	1731 6	0, 1	9087 ,3	0, 1
Другое	1604 21,6	0, 73	1528 10,1	1,2	1311 2,5	0,1	1607 9,6	0, 1	5537, 4	0, 03	7704 0,2	0,4	3274, 8	0, 0 1

Источник: <https://www.stat.gov.az/>

Таблица 4

Товарная структура импорта (тыс. в долларах США и удельный вес в процентах)

Годы	2014		2015		2016		2017		2018		2019		2020	
	9187 698	у/ в	92166 77	у/ в	8489 140	у/ в	8783 301	у/ в	1146 5915	у/ в	1366 7476	у/ в	1073 0720	у/ в
Всего														
Потребительские товары	1636 741	1 7,8	1 439 598	1 5,6	1 70 4 12 0,2	2 1	1884 196, 6	2 1, 5	1896 933, 3	1 6, 5	2138 465, 4	1 5, 6	2138 262	1 9, 9
Минеральная продукция (известняк, руды и пр.)	4481 36	4, 9	21836 8,1	2, 4	3308 01,9	3, 9	4170 31,8	4, 7	7662 86,3	6, 7	8682 94,2	6, 4	3179 54,7	3, 0
Продукты химической промышленности	7207 47,7	7, 8	70500 9,4	7, 6	7110 52,2	8, 4	8313 29,6	9, 5	9771 58,4	8, 5	1123 643, 4	8, 2	1140 837	0, 6
Пластмассы и изделия из них	3003 03,3	3, 3	25975 7,9	2, 8	3762 08,9	4, 4	4279 74,6	4, 9	4817 19	4, 2	5375 59,5	3, 9	4634 33,5	4, 3
Масса из древесины, бумага и картон, изделия из них	1233 27,4	1, 3	90517 ,9	1, 0	1162 41,3	1, 4	1443 22,9	1, 6	1624 58,8	1, 4	1972 00,4	1, 4	1954 09,9	1, 8
Текстильные материалы и изделия	1002 76,7	1, 1	89123 ,6	1, 0	3142 86,1	3, 7	3159 54,6	3, 6	4309 70,9	3, 8	4617 17,9	3, 4	4018 21,6	3, 7
Обувь, головные уборы, зонты, трости, перья, искусственные цветы	1258 1,3	0, 1	10147	0, 1	7308 1,4	0, 9	7156 9,6	0, 8	8606 1,3	0, 8	9600 9,9	0, 7	7398 7,8	0, 7
Жемчуг, драгоценные или полудрагоценные камни, драгоценные металлы и изделия из них, бижутерия, монеты	4266 93,4	4, 6	7334, 9	0, 1	2868 6,3	0, 3	3084 7,7	0, 4	8391 47,4	7, 3	2149 526, 2	1 5, 7	1301 1,9	0, 1
Полудрагоценные металлы и изделия из них	1245 249, 3	1 3, 6	18723 30	2 0, 3	1275 773, 9	1 5, 0	1060 769, 7	1 2, 1	1409 735, 9	1 2, 3	1288 763, 8	9, 4	1165 990, 3	1 0, 9
Машины, механизмы, электротехническое оборудование, их детали	2583 379, 3	2 8, 1	24607 02,6	2 6, 7	2013 439, 1	2 3, 7	1866 670	2 1, 3	2589 007, 7	2 2, 6	2661 026, 5	1 9, 5	2536 188, 9	2 3, 6
Оптические, фотографические, кинематографические, измерительные, контрольные, медицинские инструменты и приборы, часы, музыкальные инструменты	2873 30,6	3, 1	24367 7,1	2, 6	1918 58,7	2, 3	1757 61,1	2, 0	2141 96,4	1, 9	2535 88,9	1, 9	2400 77	2, 2
Другое	7884 766	1 4, 2	73965 67	1 9, 7	7135 550	1 5, 9	7226 428	1 7, 7	9853 675	1 4, 1	1177 5796	1 3, 8	8686 975	1 9, 0

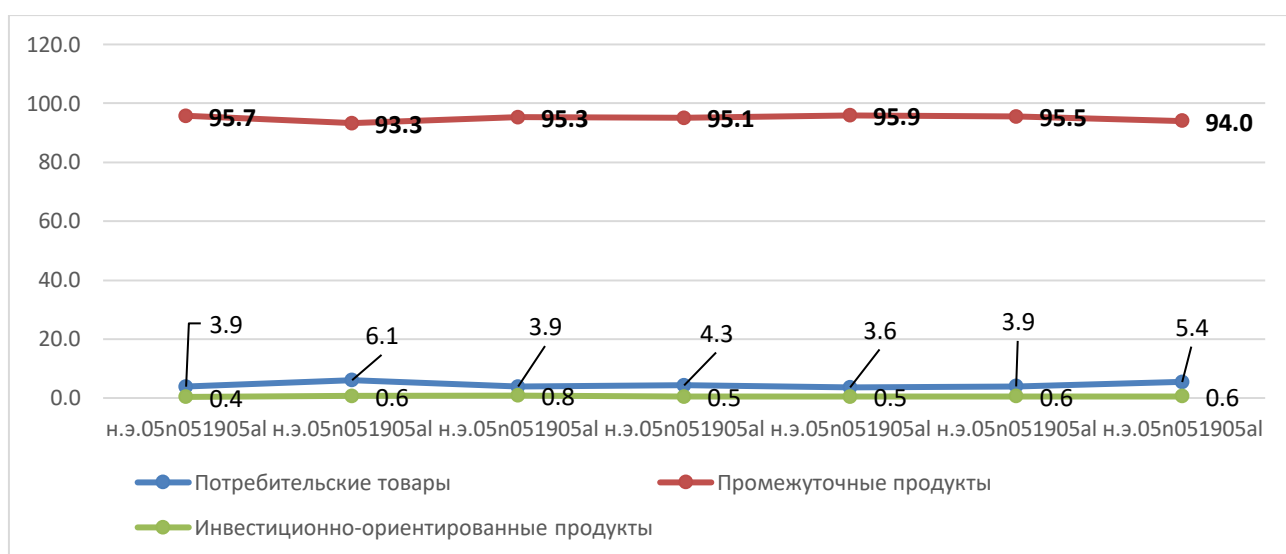
Источник: <https://www.stat.gov.az/>

Во время проведения анализа удельный вес минеральных продуктов, особенно нефти и нефтепродуктов, в структуре экспорта составил 90%, то есть минеральные продукты доминировали. При этом доля сельскохозяйственной продукции в структуре экспорта растет. В частности, общая стоимость овощей, корнеплодов и клубнеплодов, съедобных фруктов и орехов, цитрусовых растений в экспорте в 2020 году составила более 607,5 млн долларов США, или 4,4% экспорта. В целом, если удельный вес потребительских товаров в структуре экспорта страны в 2014 году был 3,9%, то в 2020 году этот показатель увеличился на 1,5%, достигнув 5,4%. При этом в структуре экспорта вырос экспорт текстильных изделий, особенно хлопка. Так, если в 2014 году было экспортировано хлопка в объеме всего 14,5 млн долларов США (0,1%), то в 2020 году этот показатель составил 156,8 млн долларов США (1,1%).

Таким образом, структура продукции, участвующей в экспорте страны, по производственно-техническому назначению и аспектам качества выглядит следующим образом.

Рисунок 3

Классификация продукции, участвующей в структуре экспорта, по производственно-техническому назначению

Источник: <https://www.stat.gov.az/>

Анализ показывает, что в экспорте страны на сырье и промежуточные продукты пришлось 94%, на потребительские товары — от 3,9% до 5,4%, а на продукцию инвестиционного назначения — от 0,4% до 0,6%.

Также следует отметить, что экспорт Азербайджанской Республики без нефти в анализируемый период не находится даже на уровне 2 млрд долларов США.

Таблица 5

Нефтяной экспорт (млрд в долларах США и процентах)

	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Нефтяной экспорт	1 635,1	1 525,7	1 156,4	1 408	1 564,8	1 782,5	1 712,2
Удельный вес в общем экспорте %	7,5	12,0	8,6	9,2	8,0	9,1	12,5

Источник: <https://www.stat.gov.az/>

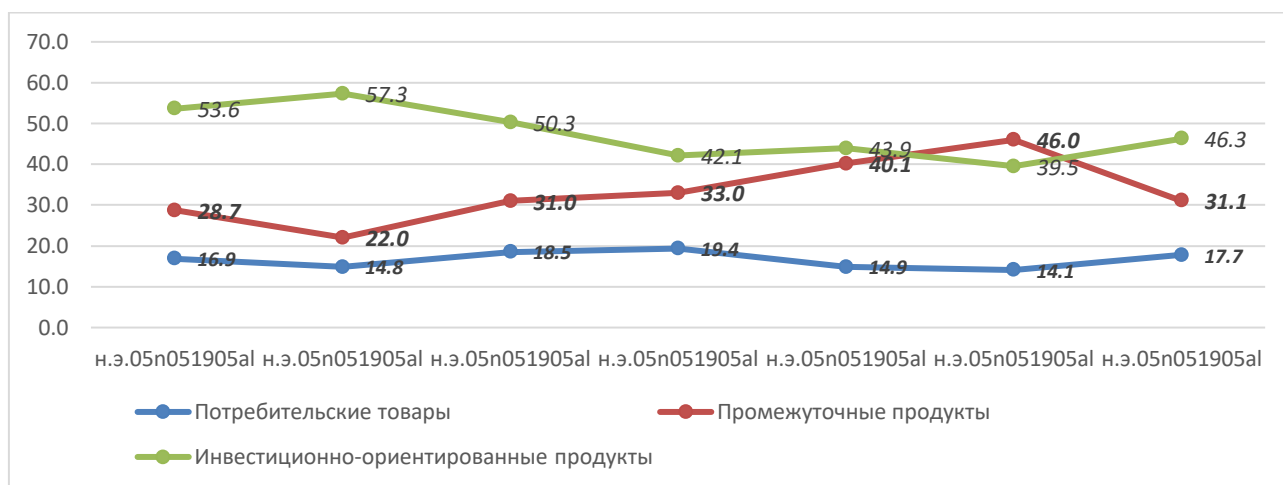
Мы видим, что за рассматриваемый период структура импорта кардинально отличается от структуры экспорта. Так, если стоимость потребительских товаров в структуре импорта в 2014 году составила 1,6 млрд долларов США, или 17,8% импорта, то в 2020 году этот показатель вырос до 2,1 млрд долларов США, или 19,9% импорта. Помимо этого, в структуре импорта крайне высок удельный вес машин, механизмов, электротехнического оборудования, их деталей, текстильных материалов и изделий, продукции химической промышленности, пластмассы и изделий из нее. За анализируемый период времени объем машин, механизмов, электротехнического оборудования, их деталей в структуре импорта составил 2,51 млрд долларов США (28%), или 23% импорта; текстильные материалы и изделия в 2014 году повысились от 100 млн долларов США, или 1,1 % от общего импорта, до 401,8 млн долларов США, или 3,7% от общего объема импорта в 2020 году, а продукция химической промышленности увеличилась на 720,8 млн долларов США (7,8% от общего объема импорта в 2020 году) и выросла на 1,1 доллара США (10,6% от общего объема импорта); пластмасса и изделия из нее увеличились на 300,3 млн долларов США (3,3% от общего

импорта) до 463,4 млн долларов США, или 4,3% от общего объема импорта. Со временем расширение внешнеэкономических связей привело к росту импорта ряда товаров. Одной из причин является неразвитость местных производств и развал перерабатывающих промышленных предприятий, оставшихся от прошедших времен.

Мы сочли целесообразным провести анализ качественных аспектов внешнеторговых отношений Азербайджана путем группировки продукции, участвующей во внешней торговле, по функциональному назначению, а также с учетом расчета условного индекса внешней торговли. В связи с этим стоит рассмотреть также функциональное назначение структуры импортируемой продукции. Таким образом, структура продукции, участвующей в экспорте страны по производственно-техническому назначению, показывает, что в 2014-2020 годах удельный вес потребительских товаров в товарной структуре импортируемой в страну продукции в анализируемый период находился в интервале 17-18%, промежуточные продукты составили 28%-31%, инвестиционно ориентированные продукты — 45-54%.

Рисунок 4

Группирование продукции, участвующей в структуре импорта, по производственно-техническому назначению

Источник: <https://www.stat.gov.az/>

В целом преобладание сырья в экспорте страны следует рассматривать как негативный фактор, а высокий удельный вес продукции производственно-технического назначения в структуре внешней торговли за счет увеличения доли машин и оборудования в импорте — как позитивный фактор.

Один из вопросов, которому уделяется особое внимание с точки зрения эффективности внешней торговли, связан с «индексом условной торговли». Постараемся определить степень конкурентоспособности отечественной продукции, производимой и экспортируемой в стране, на мировом рынке, а также влияние импортируемой продукции на внутренний рынок. Стоит отметить, что еще одним способом анализа внешнеторговых отношений страны с точки зрения эффективности является расчет индекса условий внешней торговли. С этой целью данный расчет был проведен в исследовании. В таблице 6 представлена динамика индекса условий внешней торговли Азербайджана.

Таблица 6

**Динамика индекса условий внешней торговли
Азербайджанской Республики (по Ласпересу)**

Год	Индекс экспортных цен	Индекс импортных цен	Условия внешней торговли
2010	1	1	1
2011	1,28	1,30	0,98
2012	1,22	1,42	0,86
2013	1,18	0,91	1,30
2014	1,07	0,89	1,20
2015	0,55	1,12	0,49
2016	0,53	0,87	0,61
2017	0,62	1,01	0,61
2018	0,80	1,31	0,61
2019	0,74	1,53	0,48
	0,80	1,16	0,71

Источник: таблица рассчитана на основании данных Госкомстата Азербайджанской Республики

Необходимо подчеркнуть, что показатель условий внешней торговли страны рассчитывается исходя из продукции, составляющей 70-80% внешнеторгового оборота в зависимости от года. В эту группу продуктов

входят импортные мясо и мясные продукты, масло, пшеница, пшеничная мука, сахар, табачные изделия, природный газ, электроэнергия, химическая продукция, продукция черной и цветной металлургии, машины и оборудование и т. д. По экспорту же были взяты нефть и нефтепродукты, химическая продукция, электроэнергия, хлопковое волокно и пряжа, табак и др.

Как видно из таблицы, 2010 год был принят в качестве базового года условий внешней торговли, а индекс экспортных цен страны за 2011-2014 годы характеризовался высоко. Положительное изменение условий внешней торговли Азербайджана в основном связано с нефтяным и газовым факторами. То есть высокие цены на мировом рынке в тот период привели к высокому индексу экспортных цен.

С 2015 года индекс экспортных цен имел тенденцию к снижению и, хотя и был относительно высоким в 2018-2020 годах, в целом был ниже единицы. Мы полагаем, что это связано с падением цен на нефть в данный период.

Анализ показывает, что тенденцию к снижению индекса импортных цен в течение рассматриваемого периода, иными словами, то, что практически все импортируемые товары, взятые в качестве объекта анализа, ежегодно импортируются по снижающимся с каждым годом ценам, нельзя однозначно оценить как положительное явление. На наш взгляд, основной причиной падения цен на импортируемые товары является конкуренция на внутреннем рынке, которая может быть вызвана увеличением либо внутреннего производства, либо количества импортеров в результате импортоориентированной экономики страны. Если бы первое условие было удовлетворено, то есть конкуренция возникла бы за счет роста внутреннего производства, объем импорта снизился бы. Анализ показывает, что объем импорта за исследуемый период не уменьшился, а, наоборот, увеличился. Значит, снижение индекса цен на импорт произошло за счет роста количества импортеров, что следует оценивать как высокую зависимость экономики страны от импорта. С другой стороны, в 2017-2020 годах импортные цены

имели тенденцию к ежегодному росту. Это связано с растущим внутренним спросом на некоторые товары, особенно электротехническое оборудование и машины.

При анализе внешнеторговых отношений Азербайджанской Республики актуально определить страны, занимающие место в ее экспортной или географической структуре. В связи с этим интерес представляют данные таблицы 7.

Таблица 7

**Удельный вес стран, занимающих ключевое место в импорте
Азербайджана (в процентах)**

Страны	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Беларусь	0,9	0,9	0,9	1,5	1,6	1,5	1,4
Казахстан	2,4	1,1	1,2	1,2	1,5	1,5	1,1
Российская Федерация	14,3	15,6	19,3	17,7	16,4	16,8	18,3
Украина	4,6	3,4	3,4	5,2	4,1	3,4	3,9
Германия	7,7	7,5	4,6	5,1	5,8	5,2	5,4
Соединенные Штаты Америки	6,1	9,2	5,6	8,2	4,6	5,6	5,9
Объединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии	10,6	6,0	5,8	2,7	2,3	1,7	2,8
Китай	7,6	5,6	8,3	9,7	10,4	10,5	13,2
Франция	1,7	2,3	1,8	1,8	1,6	1,8	4,2
Исламская Республика Иран	1,6	1,0	2,0	2,7	3,6	3,3	2,8
Италия	3,0	6,4	3,9	3,6	3,0	2,7	3,7
Республика Корея	2,0	1,5	0,8	1,0	2,0	1,2	1,7
Турция	14,0	12,7	13,9	14,5	13,8	12,0	14,6
Япония	2,6	6,1	3,3	1,9	3,3	1,6	1,8
Другие страны	20,8	20,9	25,1	23,1	26	31,9	19,3
Всего	100	100	100	100	100	100	100

Источник: <https://www.stat.gov.az/>

Из проведенного анализа видно, что 69%-80% импорта страны в 2014-2020 годах в основном было реализовано за счет 14 стран. А удельный вес 21 (двадцати одной) страны в структуре экспорта составлял от 70% до 90%.

Удельный вес Италии (более 20%) в анализируемый период по сравнению с другими странами связан с фактором сырой нефти.

Таблица 8

**Удельный вес стран, занимающих ключевое место в экспорте
Азербайджана (в процентах)**

Страны	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Беларусь	0,1	0,08	0,4	0,11	0,1	0,1	1,2
Казахстан	0,1	0,14	0,2	0,22	0,2	0,1	0,2
Российская Федерация	2,9	3,28	3,0	3,83	3,4	3,7	5,2
Украина	0,2	0,18	0,3	2,80	1,8	1,7	2,6
Германия	8,8	9,62	4,5	2,94	4,0	4,7	1,7
Соединенные Штаты Америки	3,4	2,65	0,6	0,40	1,7	0,1	0,2
Австрия	1,6	3,20	0,8	0,90	1,7	0,9	0,9
Чехия	2,7	4,32	1,6	3,63	4,8	3,3	1,7
Китай	0,3	0,42	2,8	2,90	0,6	3,8	3,1
Франция	7,0	6,79	4,7	3,00	2,3	2,7	0,8
Грузия	2,4	3,90	3,1	3,18	2,6	3,0	3,4
Индия	3,6	2,12	4,1	2,64	4,2	4,9	3,3
Хорватия	1,4	1,56	2,0	1,39	1,3	2,2	3,4
Испания	3,6	2,48	3,7	2,51	2,0	3,6	2,4
Израиль	8,1	6,30	4,9	4,17	6,7	6,8	3,2
Швейцария	0,7	0,76	0,8	1,19	0,8	0,9	1,6
Италия	22,0	17,71	32,2	34,94	30,2	28,7	30,4
Португалия	2,5	2,90	2,5	3,27	2,7	1,8	1,7
Таиланд	3,8	2,04	0,9	0,71	0,7	1,8	0,9
Турция	2,3	11,61	8,8	9,10	9,4	14,6	18,9
Греция	1,2	1,14	1,5	1,04	0,8	1,2	3,8
Другие страны	21,2	16,80	16,6	15,10	17,9	9,1	9,4

Источник: <https://www.stat.gov.az/>

Всемирный банк разработал систему показателей для оценки эффективности внешнеэкономических связей развитых и развивающихся стран.

Таблица 9

Показатели эффективности внешнеэкономических связей

Коэффициент	Формула	Для развитых стран	Для развивающихся стран
A	$\frac{E}{I}$	≥100%	≥100%
B	$\frac{FDI}{GDP}$	≥15%	≥10%
F	$\frac{GDP}{ED}$	≥113%	≥170%

Источник: www.worldbank.org.

Это следующие показатели:

A - коэффициент покрытия импорта экспортом в процентах (%),

B - степень участия прямых иностранных инвестиций в ВВП (%),

F - отношение погашения внешнего долга к валовому внутреннему продукту в процентах (%),

E - объем экспорта,

I - объем импорта,

FDI - прямые иностранные инвестиции,

GDP - валовой внутренний продукт (ВВП),

ED - внешние долги.

Таблица 10

Показатели эффективности внешнеэкономических связей в период

Годы	Импортная квота %	$\frac{E}{I}$ (%)	$\frac{FDI}{GDP}$ (%)	$\frac{GDP}{ED}$ (%)	Экономический рост %
2014	30	237,6	38,2	1128	102,8
2015	25	138,1	38,1	489	101,1
2016	38	158,5	40	464	96,9
2017	39	174,4	36	424	100,1
2018	43	170,0	34	502	101,4
2019	42	143,7	32	509	102,5
2020	32	128,0	31	480	95,7

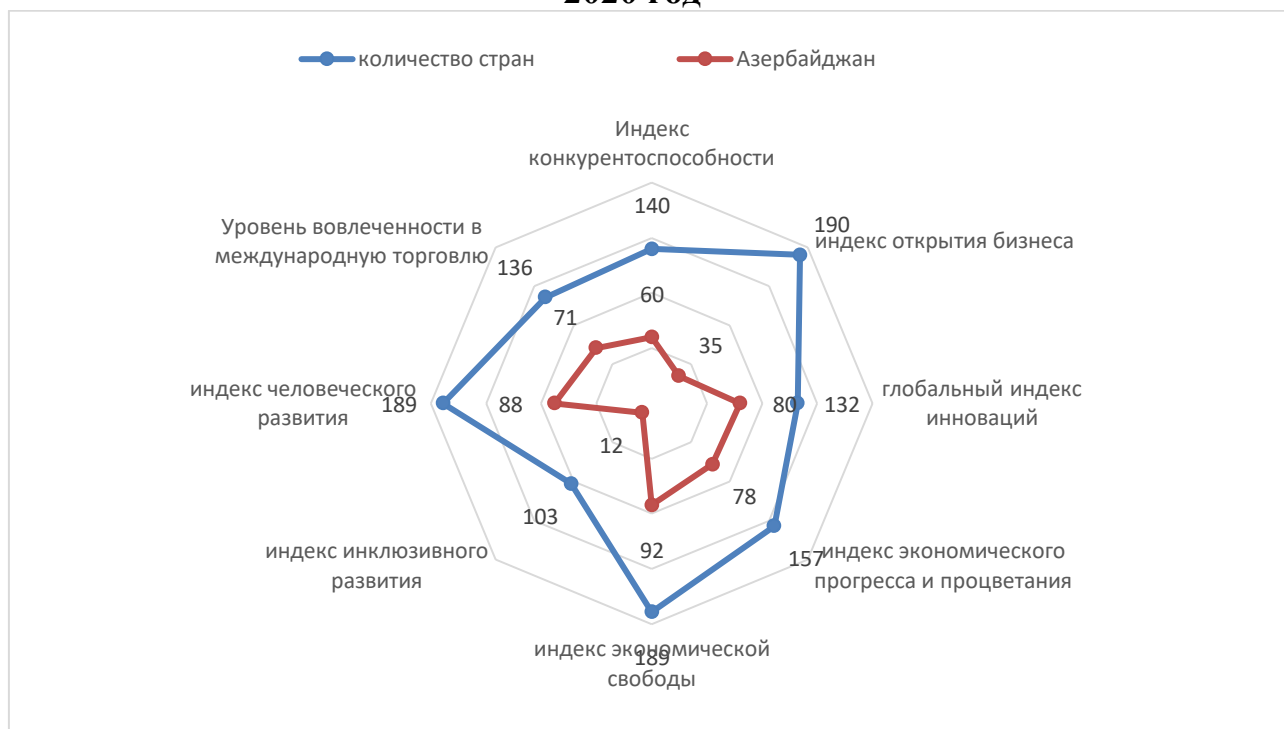
Источник: Таблица составлена автором.

Проведенный Всемирным банком анализ эффективности внешнеэкономических связей показывает, что состояние экономики Азербайджана в связи с указанными критериями удовлетворительное.

Следует отметить, что сегодня международные организации также изучают экономическую ситуацию большинства стран мира. В связи с этим важно знать позицию каждой страны в международной рейтинговой системе. С этой точки зрения интересно изучить позицию Азербайджана. Анализ показывает, что она занимает 60-е место из 140 стран по индексу конкурентоспособности, 35-е место среди 190 стран с точки зрения открытия бизнеса, 80-е место из 132 стран согласно Глобальному индексу инноваций и 78-е место среди 157 стран с точки зрения экономического прогресса и процветания, 92-е место из 189 стран по индексу экономической свободы, 12-е — из 103 стран по индексу инклюзивного развития, 88-е место среди 189 стран по индексу человеческого развития и 71-е — из 136 стран по вовлеченности в международную торговлю.

Рисунок 5

Положение Азербайджана в международной рейтинговой системе на 2020 год

Источник: www.doingbusiness.org

Таким образом, исследования свидетельствуют о том, что наряду с положительными тенденциями во внешнеэкономических связях Азербайджана наблюдается ряд неприятных факторов и негативных изменений.

Заключение

В период независимости Азербайджан смог быть представлен в системе международных экономических отношений как действительно равноправный, независимый субъект. Страна подписала многочисленные соглашения о торгово-экономических отношениях со многими государствами. Это также делает Азербайджан центром международного транснационального транспортного коридора Европа-Кавказ-Азия, как это было во время Шелкового пути.

Результаты анализа свидетельствуют о том, что, хотя внешняя торговля Азербайджана в последние годы привела к положительному сальдо, трудно высказать мнение о его необратимости. При этом принципиальных изменений отраслевой и географической структуры внешнеторговых связей не произошло. Так, экспортный потенциал страны все еще не используется полностью и эффективно на необходимом уровне. При этом уделяется недостаточно внимания производству продукции, способной заменить импорт. Удовлетворительной нельзя считать также и географическую структуру внешнеторговых связей. Несмотря на то, что в 2020 году Азербайджан вступил в торговые отношения со 189 государствами, 80,7% внешнеторгового оборота приходится только примерно на 17 стран.

Список литературы:

1. Elsevər Kərimov, Bəşir Osmanov İqtisadi nəzəriyyə (Mikro-Makroiqtisadiyyat) Bakı-2010 səh. 634.
2. G.Ə.Gənciyev, Ə.R.Ələkbərov, Ə.A.Qurbanova Dünya iqtisadiyyatı tarixi və ölkələrin müasir durumu Bakı 2013 səh. 414
3. <https://www.stat.gov.az/>
4. <https://www.economy.gov.az>
5. doingbusiness.org
6. worldbank.org.

Платонов Антон Павлович,
соискатель ученой степени кандидата наук,
кафедра теории права и сравнительного правоведения,
Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД России.
E-mail: platonov1536@gmail.com

Anton P. Platonov,
Applicant for PhD, Department of Theory of Law and Comparative
Jurisprudence MGIMO University of the Ministry of Foreign Affairs of the
Russian Federation.
E-mail: platonov1536@gmail.com

ЭКОНОМИКО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

ECONOMIC AND POLITICAL ASPECTS OF THE FOREIGN POLICY OF THE REPUBLIC OF BELARUS

Аннотация. В статье сделан исторический обзор трансформации экономической модели Белоруссии после распада СССР, даны основные характеристики экономической модели Белоруссии, ориентированной на экспорт производимой в стране продукции.

Автор отмечает сильные и слабые стороны экспортно ориентированной модели, делает оценку устойчивости экономики страны в период пандемии, отмечает последствия влияния Covid-19 на текущие экономические показатели, описывает меры государственной поддержки экономики в период пандемии.

При том, что главной задачей властей в условиях глобального кризиса стало оказание поддержки государственным предприятиям и сохранение рабочих мест, белорусским предприятиям приходится находить новые способы поддержания производства и взаимодействия с внешними рынками.

На фоне других государств СНГ Белоруссия демонстрирует хорошие экономические показатели. Однако большой внешний долг и девальвация национальной валюты могут задержать постковидное восстановление экономики.

Автор приходит к выводу, что, несмотря на очевидные трудности, экспортная ориентация экономики Белоруссии стала стабилизирующим фактором в условиях глобальной турбулентности и залогом стабильного развития страны.

Abstract. The article provides a historical overview of the transformation of the economic model of Belarus after the collapse of the USSR, gives the main characteristics of the economic model of Belarus focused on the export of products produced in the country.

The author notes the strengths and weaknesses of the export-oriented model, makes an assessment of the stability of the country's economy during the pandemic, notes the consequences of the Covid-19 pandemic on current economic indicators, describes measures of state support for the economy during the pandemic.

Despite the fact that the main task of the authorities in the conditions of the global crisis has become the maintenance of state-owned enterprises and the preservation of jobs, Belarusian enterprises have to find new ways to maintain production and interact with foreign markets.

Compared to other CIS countries, Belarus demonstrates good economic indicators. However, a large external debt and the devaluation of the national currency may delay the post-crisis economic recovery.

The author comes to the conclusion that, despite the obvious difficulties, the export orientation of the Belarusian economy has become a stabilizing factor in the conditions of global turbulence and a guarantee of stable development of the country.

Ключевые слова: экономика, внешняя политика, Республика Беларусь, Covid-19, экономический кризис, пандемия.

Keywords: Economy, foreign policy, Republic of Belarus, Covid-19, economic crisis, pandemic.

Республика Беларусь (далее - Белоруссия) представляет собой экспортно ориентированное государство с большим объемом промышленного

производства, высоким уровнем сельского хозяйства и развитым сектором услуг. Белоруссия продолжительное время функционирует с применением модели социально-ориентированной рыночной экономики, которая еще на начальном этапе доказала свою эффективность. Белоруссия получила независимость одной из первых среди стран бывшего Союза Советских Социалистических Республик (в 1990 г.) и уже к 1991 году окончательно вышла из его экономики. Выход повлек за собой протесты, возмущение населения и резко отразился на курсе валюты, ценах на продукцию, негативно сказался на производственном секторе и финансовом положении граждан страны.

Основным торговым партнером Белоруссии с момента получения государственного статуса и по сей день является Российская Федерация.

В допандемийный период на ее долю приходилось 39,2% белорусского экспорта и около 59% импорта [1]. Во многом благодаря тому, что 8 декабря 1999 г. между Российской Федерацией и Белоруссией был подписан Договор о создании Союзного государства, заключенный с целью сотрудничества между этими странами в политической, социальной, экономической и других сферах деятельности и обеспечения устойчивого социально-экономического развития государств-участников. Россия уже долгое время сохраняет статус субъекта Союзного государства.

По данным Министерства иностранных дел Белоруссии, страна поддерживает торговые отношения более чем с 200 государствами мира. К преобладающим позициям экспорта относятся нефть и нефтепродукты, удобрения минеральные, химические, азотные и калийные, моторные транспортные средства для перевозки грузов, тракторы, шины, лесоматериалы, молочная и мясная продукция, мебель. В импорте наибольшее место занимают энергоресурсы (нефть и природный газ), легковые автомобили и другие пассажирские транспортные средства, сырье, лекарственные препараты, материалы и комплектующие (металлы и изделия

из них, сырье для химического производства, запчасти для транспортных средств), технологическое оборудование [2].

Согласно статистике международной торговли товарами, другими крупными партнёрами Белоруссии, помимо Российской Федерации, являются:

- по экспорту товаров — Украина, Великобритания, Германия, Польша, Литва, Нидерланды, Казахстан и Китай;

- по импорту товаров — Китай, Германия, Украина, Польша, Италия, Турция, США и Нидерланды [3].

Рассматривая текущую экономическую ситуацию Белоруссии, стоит отметить, что в период пандемии коронавируса, начавшейся в конце марта 2020 г., Белоруссия, как и ряд других государств, оказалась в довольно жесткой конкурентной среде, сложных экономических и торговых условиях, когда многие страны – партнеры начали возрождать протекционизм (защиту своих производителей и рынка) ради стабилизации собственной внутренней экономики. Внешнеэкономическая деятельность Белоруссии, не являясь самодостаточной и будучи зависимой от положения в России, Европе и Китае, значительно пострадала в связи с закрытием границ и ограничением визитов в те или иные страны. Действующие торговые отношения осложнились, возникла проблема с продвижением продукции на новые рынки, поскольку международные выставки и торговые мероприятия почти полностью прекратились. Это стало одной из причин существенного снижения показателей экспорта и импорта. Стоит отметить, что экспорт пострадал сильнее по вышеуказанным причинам.

Экономика страны оказалась в тяжелой ситуации также ввиду абсолютного преобладания торговых отношений с основным партнером – Россией. Большая зависимость от этих отношений всегда влияла на экономику государства и вызвала осложнения вследствие снижения эффективности российского направления торговли. Несмотря на отсутствие карантина и других ограничений, белорусская экономика относительно удачно пережила ряд сложностей, связанных с пандемией. В большей степени от негативного

воздействия пандемии пострадал частный сектор экономики, что стало результатом принципиального выбора белорусского правительства, предусматривающего оказание экономической поддержки только государственному сектору.

Однако в торгово-экономических отношениях Белоруссии в условиях эпидемиологического кризиса обнаружились не только минусы, но и плюсы. Это произошло во многом благодаря тому, что ранее в Белоруссии был сделан акцент на развитии индустриального характера сельскохозяйственного производства, а также на поддержку реального сектора экономики. Около десяти лет назад многие экономисты считали, что данный курс необоснован, не принесет ожидаемых результатов и что Белоруссии следовало бы сделать ставку на развитие сферы услуг, поскольку в то время страна воспринималась как транзитное государство. Сегодня стало очевидно, что именно сфера больше остальных пострадала от эпидемиологического кризиса, а реальный сектор экономики остается опорой, на которой в условиях мирового кризиса держится государство.

В отличие от многих стран Европы, где преобладающая часть малого и среднего бизнеса не сможет вернуться к осуществлению своей деятельности после пандемийного карантина, в Белоруссии не остановили производственный процесс и сохранили преимущественную часть рабочих мест. Это позволило сохранить на плаву большинство предприятий, при том что многие из них работали без значительной прибыли и даже вовсе в убыток. Следует признать, что такая политика имеет свои недостатки: при значительном снижении общего внутреннего и внешнего спроса, складские запасы предприятий увеличиваются, и производство государственными предприятиями продукции в допандемийных объемах не лучшим образом влияет на экономику страны.

Но, несмотря на вышеописанные трудности, вопреки последствиям карантинных мер и случившейся волне протестов, экономические показатели в Белоруссии к концу 2020 года являлись одними из лучших в Европе, что

следует из проведенного газетой «Ведомости» анализа экономической ситуации в 37 странах Евросоюза и СНГ. Так, ВВП Белоруссии за 2020 год упал только на 1,3%, а безработица составляла 4%, что стало достаточно благоприятными показателями и позволило отнести Белоруссию к тройке наиболее экономически стабильных европейских государств пандемийного периода. Также Белоруссия стала одним из небольшого количества государств, где за 2020 год доходы граждан не упали, а выросли более чем на 5%. Помимо этого, уровень смертности от Covid-19 составил лишь 1%, что неоспоримо подтверждает лидерство Белоруссии в части эффективности управления в условиях пандемии [4].

Сегодняшнее снижение некоторых показателей экономики в Белоруссии нельзя диспозитивно отнести к последствиям эпидемии, так как данная тенденция начала проявляться еще до пандемии и введения карантинных мер. За период последних пяти лет благоприятная ценовая конъюнктура для экспорта из Белоруссии складывалась только дважды — в 2017-2018 гг. В иные годы прошедшей пятилетки мировая экономическая ситуация не благоприятствовала росту экономики Белоруссии. Тяжелым для экономики страны был 2016 год. Несмотря на то что в 2020 году из-за жестких ограничений мировая экономическая активность снизилась в глобальном масштабе, именно 2016 год за прошедшие пять лет стал наименее благоприятным для внешнеторговой деятельности Белоруссии (как экспорта, так и импорта) [5].

По итогам 2020 года Белоруссия снизила показатели внешнеторгового оборота, экспорта и импорта по сравнению с 2018 и 2019 г., но в то же время, во многом благодаря хорошо развитым производственным секторам и сельскому хозяйству, обширным торговым связям (сотрудничеству с более чем 200 государствами мира), а также общей экспортной направленности торговых отношений, смогла удержаться на уровне 2017 года и значительно повысить свои показатели по сравнению с 2016 годом (внешнеторговый оборот возрос на 21%, экспорт — на 23%, импорт — на 20%). В январе - апреле

2021 года ВВП Белоруссии увеличился на 2,5% по сравнению с аналогичным периодом 2020 года (до 50 583,8 млн рублей) [6].

По оценке мировой экономической ситуации, проведенной Всемирной торговой организацией, объем торговли в первый год эпидемии во всем мире сократился на 9,6%. Но, вопреки мировой тенденции, большому количеству ограничений, неблагоприятным внешним факторам, Белоруссия сохранила присутствие на мировых рынках и даже смогла обозначить позитивную динамику экспорта в страны – партнеры.

Первый заместитель Министра иностранных дел Белоруссии Александр Евгеньевич Гурьянов в интервью «СБ. Беларусь сегодня» рассказал: «В прошлом году белорусская продукция экспортировалась в 176 стран. По итогам 2020-го объем белорусского экспорта товаров и услуг возрос на 12,7% к уровню 2015 года. При этом почти на треть обеспечен ускоренный рост экспорта услуг (на 31,6 процента), а их доля составила практически четверть от совокупного объема экспорта» [7].

Для стабилизации экономики и социальной сферы государства в условиях пандемии 24 апреля 2020 года президент Александр Лукашенко подписал указ № 143 «О поддержке экономики». Данная норма предусматривает меры поддержки субъектов отдельных отраслей экономики, наиболее пострадавших от сложившейся в мире эпидемиологической ситуации. В их число вошли обрабатывающая промышленность, производство текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха, оптовая и розничная торговля, ремонт автомобилей и мотоциклов, транспортная почтовая и курьерская деятельность, деятельность сухопутного и трубопроводного транспорта, услуги по общественному питанию, операции с недвижимым и движимым имуществом и др.

Для упрощения закупок заказчикам было дано право на осуществление процедуры госзакупок из одного источника, но только в объеме, не превышающем обеспечение потребности на срок 2 месяца, и только в случае, если прежний поставщик расторг договор поставки.

В случае наличия объективных причин было временно разрешено не включать в список недобросовестных поставщиков тех подрядчиков, которые расторгли договор поставки.

С целью обеспечения возможности оперативного реагирования на изменения эпидемиологической обстановки Правительству Белоруссии было предоставлено право на установление специального временного порядка осуществления государственных закупок [8].

31 декабря 2020 года А.Г. Лукашенко подписал указ № 512 о продлении мер поддержки пострадавших отраслей и организаций в условиях замедления экономической активности в связи с эпидемиологической ситуацией [9]. Соответствующие изменения, вступившие в силу 8 января 2021 г., были внесены и в Указ от 24 апреля 2020 г. № 143 «О поддержке экономики» [10].

Несмотря на принятые эффективные меры, экономика Белоруссии столкнулась с довольно серьезными негативными последствиями.

В 2020 году ВВП Белоруссии составил всего 0,14% от мирового производства, причиной чему стали последствия противоэпидемиологических мер. Они привели к росту дефицита бюджета в стране и, как следствие, стремительному увеличению размера государственного долга, растущего с 2010 года и имеющего на данный момент рекордные показатели. Директор Центра экономических исследований «BEROC» Катерина Борнукова отметила: «Целый ряд предприятий находится в плохом финансовом положении — это видно по сбору налога на прибыль. Можно предположить, что многие экспортируют себе в убыток или с небольшой прибылью, что отражается на бюджете, который к тому же вынужден тратить больше на здравоохранение» [11].

Помимо этого, большое значение имеет то, что долг Белоруссии накапливается в валюте, а, следовательно, должен выплачиваться из золотовалютных запасов, что приводит к их стремительному сокращению и еще больше осложняет экономическую ситуацию внутри государства. За первый квартал 2021 года золотовалютные резервы Белоруссии сократились

на 529 млн долларов (7,3%), а за прошедший 2020 год и вовсе на 1,9 млрд долларов (20,5%) [12].

Осенью 2020 года для поддержки бюджета в условиях негативных последствий эпидемии коронавируса Евразийский фонд стабилизации и развития (ЕФСР) выдал Белоруссии кредит в размере 500 млн долларов на 10 лет под плавающую процентную ставку, включая льготный период до 5-ти лет [13]. Российская Федерация также выдала Белоруссии заем на 1,5 млрд долларов и, вероятно, эта заемная сумма может увеличиться вдвое [14].

Пандемия потребовала дополнительных бюджетных расходов: государство потратило более двух миллиардов рублей на поддержку экономики [15].

На конец 2021 года в мире не наблюдалось сильного обострения эпидемии. Напротив, уровень заболеваемости начал снижаться, в ряде государств карантинные меры ослаблялись или даже полностью отменялись. Это позитивно сказалось на мировой торговле, в том числе и на внешней торговле Белоруссии. По итогам периода января – апреля 2021 года объем промышленного производства поднялся на 11% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года [16]. Однако Белоруссия по-прежнему сильно зависит от поставок энергоносителей (в основном из России), а также страдает от высокой по европейским меркам инфляции (с 1994 года страна входит в топ-20 самых неблагополучных по инфляции государств в мире).

Любой кризис, а особенно кризис, принявший общемировой масштаб и несущий настолько тяжелые последствия, требует адекватного ответа. Пандемия заставила каждое предприятие Белоруссии пересмотреть свой внутренний уклад, научила применять более рациональные подходы к расходованию ресурсов. Если раньше предприятия пытались налаживать связи со всеми странами мира, то сегодня им приходится проявлять сдержанность, чтобы максимально экономно, правильно использовать имеющиеся ресурсы и при этом планировать дальнейшее развитие с учетом вызовов мирового рынка. Новая стратегия касается не только продажи, но и

начальных этапов разработки и производства: поставлена задача производить действительно востребованную на рынке продукцию. Можно сказать, что пандемия не только вызвала мировой шок, но также открыла новые возможности. В условиях ковидных ограничений на передвижение по миру на помощь пришли онлайн-форматы сотрудничества, которые оказались не менее эффективны и позволили экономить средства и время.

Так, весной 2021 года состоялся круглый стол в формате видеомоста с участием представителей стран СНГ (России, Белоруссии, Киргизии, Молдовы, Казахстана). Разговор был посвящен мировым и внутренним торговым и экономическим последствиям пандемии коронавируса COVID-19 [17].

Участники признали, что пандемия причинила ущерб практически всем отраслям экономики: оптовой и розничной торговле, туризму и транспорту, промышленности. Наиболее сильный удар эпидемия нанесла по экономике Молдовы. Однако для ряда отраслей, связанных с дистанционным функционированием, пандемия открыла новые возможности: медицина, онлайн-обучение, онлайн-торговля и иные дистанционные услуги стали стремительно развиваться.

В круглом столе участвовал первый заместитель министра промышленности Белоруссии Сергей Гунько. По его словам, «коронакризис стал стресс-тестом», который не только оказал негативное воздействие на экономику, но также выявил ее слабые места, тем самым открыв путь для их коррекции.

Окончание эпидемии и постепенное восстановление мировой торговли делает преодоление последствий данного кризиса одной из наиболее приоритетных задач для стран постсоветского пространства. За пандемийный период курсы валют стран СНГ заметно упали по отношению к доллару. Уровень снижения курса в Белоруссии составил 18,7%. Объем средств, необходимых для производства, напротив, растет, тогда как предполагаемая

выручка от продажи готового товара падает пропорционально росту валютного курса [18].

Появление новых вакцин и растущие показатели вакцинации в мире позволяют надеяться на скорое восстановление мировой экономики, а ослабление карантинных мер – на возобновление туризма и торговли.

Согласно прогнозам ряда международных организаций в 2022 году страны СНГ, в том числе Белоруссию, ожидают позитивные тенденции роста ВВП и стабилизация экономической ситуации. Можно предположить постепенный выход из кризиса. Не следует рассчитывать на быстрое достижение «докоронакризисных» показателей. На динамику может повлиять ряд внешних и внутренних факторов, таких как экономические показатели стран-партнеров, политика и настроения внутри страны.

Экономический кризис, объявленный Международным валютным фондом, может стать самым масштабным со времен Великой депрессии. На данный момент невозможно сделать точный прогноз о его продолжительности и последствиях, так как карантинные меры остаются в силе и тяжелая эпидемиологическая ситуация сохраняется в большинстве стран мира.

Эпидемия COVID-19 нанесла мощный удар по экономическим показателям всего мирового сообщества, стран СНГ, в том числе и Белоруссии. Принятые мировыми правительствами меры зачастую были продиктованы политическими, а не гуманитарными и экономическими мотивами. Влияние эпидемии на экономику Белоруссии будет серьезным вследствие роста внешнего долга и снижения ВВП, однако социальные последствия пандемии для белорусских граждан будут менее тяжелыми, чем для населения ряда других государств, в связи с относительно низкой летальностью от Covid-19 в стране и государственной политикой по поддержке предприятий и сохранению рабочих мест.

Список литературы:

1. 10 главных торговых партнеров Белоруссии: почему белорусская экономика не может без России, InvestFuture, 24 сентября 2018 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://investfuture.ru/news/id/10-glavnyh-torgovyh-partnerov-belorussii-pochemu-belorusskaya-ekonomika-ne-mojet-bez-rossii> (дата обращения: 31.01.2022)
2. Министерство иностранных дел Республики Беларусь, [Электронный ресурс] // URL: <https://mfa.gov.by/> (дата обращения: 31.01.2022)
3. Ключевые торговые партнёры, Сайт Президента Республики Беларусь, [Электронный ресурс] // URL: <https://president.gov.by/ru/belarus/economics/vneshnjaja-torgovlya/torgovye-partnjory> (дата обращения: 31.01.2022)
4. В чем правы и где могут ошибаться оппоненты Александра Лукашенко, Александр Соколов, Ведомости, 05 ноября 2020, [Электронный ресурс] // URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/11/05/845797-tezisi-belorusskoi/> (дата обращения: 31.01.2022)
5. Обзоры внешней торговли, Портал внешнеэкономической информации Министерства внешнеэкономического развития РФ, [Электронный ресурс] // URL: http://www.ved.gov.ru/monitoring/foreign_trade_statistics/monthly_trade_russia/ (дата обращения: 31.01.2022)
6. Чудеса белорусской экономики: темпы роста ВВП Беларуси утроились, Selected.By, 24 мая 2021 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://select.by/news/chudes-belorusskoi-ekonomiki-tempy-rosta-vvp-19806> (дата обращения: 31.01.2022)
7. Как удалось увеличить экспорт в сложные времена пандемии и за счет чего мы заместили импорт, Беларусь сегодня, 20 апреля 2021 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.sb.by/articles/brend-belarusi-mirovye-priznanie.html> (дата обращения: 31.01.2022)

8. Указ Президента Республики Беларусь от 24 апреля 2020 г. № 143 [Электронный ресурс] // URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P32000143> (дата обращения: 31.01.2022)

9. Об изменении Указа Президента Республики Беларусь от 31 декабря 2020 г. № 512 [Электронный ресурс] // URL: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=P32000512> (дата обращения: 31.01.2022)

10. О дополнениях, внесенных в пункт 14 Указа Президента Республики Беларусь от 24 апреля 2020 г. № 143 «О поддержке экономики», [Электронный ресурс] // URL: http://mintrud.gov.by/ru/news_ru/view/o-dopolnenijax-vnesennyx-v-punkt-14-ukaza-prezidenta-respubliki-belarus-ot-24-aprelja-2020-g--143nbsp-o-podderzhke-ekonomikinbsp_3840/ (дата обращения: 31.01.2022)

11. «Политическая позиция – делать вид, что проблем нет». Екатерина Борнукова про финансовые последствия «коронавирусного психоза», Белсат, 28 июля 2020 г., [Электронный ресурс] // URL: <https://belsat.eu/ru/news/politicheskaya-pozitsiya-delat-vid-cto-problem-net-ekaterina-barnukova-pro-finansovye-posledstviya-koronavirusnogo-psihoza/> (дата обращения: 31.01.2022)

12. Как изменился долларовый ВВП стран СНГ и Новой Европы за период ковид-кризиса? InfoBank.by, 25 июня 2021 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://belaruspartisan.by/economic/531398/> (дата обращения: 31.01.2022)

13. Кредит в \$500 млн из средств Евразийского фонда стабилизации поступил в бюджет Белоруссии, ТАСС, 16 октября 2020 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://tass.ru/ekonomika/9738737> (дата обращения: 31.01.2022)

14. Лукашенко заявил, что Россия выделила Белоруссии кредит по его настоянию, РИА Новости, 16 сентября 2020 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://ria.ru/20200916/kredit-1577347675.html> (дата обращения: 31.01.2022)

15. Господдержка на фоне пандемии составила около Br2 млрд – Головченко, Белта, 2 декабря 2020 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.belta.by/economics/view/gospodderzhka-na-fone-pandemii-sostavila-okolo-br2-mlrd-golovchenko-418249-2020/> (дата обращения: 31.01.2022)

16. Чудеса белорусской экономики: темпы роста ВВП Беларуси утроились, Select.By. 24 мая 2021г. [Электронный ресурс] // URL: <https://select.by/news/chudesas-belorusskoi-ekonomiki-tempy-rosta-vvp-19806/> (дата обращения: 31.01.2022)

17. Экономики стран СНГ под ударом пандемии COVID-19, Андрей Торин, Международная жизнь, 15 марта 2021 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://interaffairs.ru/news/show/29408> (дата обращения: 31.01.2022)

18. Как изменился долларовый ВВП стран СНГ и Новой Европы за период ковид-кризиса? InfoBank.by, 25 июня 2021 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://infobank.by/infolinebigview/kak-izmenilsya-dollarovuj-vvp-stran-sng-i-novoj-evropy-za-period-kovid-krizisa/> (дата обращения: 31.01.2022)

19. Дробот Е.В. Мировая экономика в условиях пандемии COVID-19: итоги 2020 года и перспективы восстановления // Экономические отношения. – 2020. – Том 10. – № 4.

ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Сугоняев Павел Михайлович,
магистрант,
Московский государственный лингвистический университет.
E-mail: sugonyaevpavel@gmail.com

Pavel M. Sugonyaev,
Master's Degree Student
Moscow State Linguistic University.
E-mail: sugonyaevpavel@gmail.com

МОДЕЛИРОВАНИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ФРГ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ВЫБОРОВ В БУНДЕСТАГ 2021

MODELING OF GERMAN FOREIGN POLICY CONCEPTION ON A BASIS OF PARLIAMENTARY ELECTIONS OF 2021

Аннотация. В статье делается попытка на основе результатов выборов в бундестаг в 2021 г. смоделировать внешнеполитическую часть коалиционного договора. В конце статьи эта модель сравнивается с внешнеполитической частью опубликованного коалиционного договора.

Abstract. This article deals with an attempt to make a model of foreign policy part of coalition treaty using the results of parliamentary election 2021. At the end of the article this model is being compared with published coalition treaty.

Ключевые слова: внешняя политика, выборы, Германия, договор, коалиции, модель, партии, стратегия.

Key words: coalitions, election, foreign policy, Germany, model, parties, strategy, treaty.

26 сентября 2021 года состоялось одно из важнейших событий в политической жизни Германии – парламентские выборы. Учитывая анонсированный ранее уход с поста федерального канцлера, «тяжеловеса»

европейской политики Ангелы Меркель, а также итоговые результаты всенародного голосования, баланс сил в бундестаге, важнейшем органе парламентской республики, изменится, что может повлечь за собой трансформацию как внутривластительского, так и внешнеполитического курса. По некоторым прогнозам, переговоры должны были продлиться несколько месяцев, которые А. Меркель проведет в кресле федерального канцлера. Безусловно, предметом данного исследования станет коалиционный договор, заключаемый между заинтересованными партиями и определяющий их позицию по вопросам внешней и внутренней политики, выработанную путем уступок и компромиссов [6]. В рамках данной статьи затрагиваются в основном лишь внешнеполитические аспекты программ.

Рассмотрим результаты состоявшихся выборов. Они представлены в виде таблицы, в которой указаны прошедшие в бундестаг партии, количество полученных ими мест, процент от всех мест, количество мест по результатам выборов 2017 г., а также разница в процентах по сравнению с прошлыми выборами [3].

Партия	Места	Места, %	Места в 2017 г.	Разница с 2017 г., %
ХДС	151	21	200	-24
СДПГ	206	28	153	+35
АдГ	83	11	94	-12
СДП	92	13	80	+15
«Левая»	39	5	69	-43
Союз 90. «Зелёные»	118	16	67	+76
ХСС	45	6	46	-2

Больше всего в процентном соотношении по сравнению с результатами 2017 г. потеряли «левые» (почти 1/2) и христианские демократы (1/4). Главными бенефициарами оказались «Зелёные» (набрали на 3/4 места больше),

социал-демократы (около 1/4) и свободные демократы. Главной новостью этих выборов стало второе место блока ХДС/ХСС, уступившего первое место социал-демократам.

Однако для эффективного функционирования правительства недостаточно занять первое место, необходимо получить более 50% голосов (чего в истории современной Германии еще не было), поэтому партии после парламентских выборов ведут переговоры о формировании коалиций и, соответственно, заключают коалиционный договор, моделирование внешнеполитической части которого будет проводиться на следующих этапах исследования.

По расчетам исследователей, возможно формирование пяти различных коалиций: 1) «Кения», (ХДС/ХСС, СДПГ, «Зелёные») 2) «Германия» (ХДС/ХСС, СДПГ, СДП), 3) «Светофорная» («Зеленые», СДП, СДПГ), 4) «Ямайка» (ХДС/ХСС, СДП, «Зеленые»), 5) «Большая» (ХДС/ХСС, СДПГ). Стоит отметить, что первые два варианта не кажутся реальными, так как СДПГ и ХДС/ХСС и так набрали вместе более 50 % голосов, что делает затягивание коалиционных переговоров бессмысленным. Прочие варианты не являются коалицией большинства, а значит, не могут вести эффективное управление и рассматриваться в рамках данного исследования не будут. Кроме того, любые варианты коалиций с участием АдГ («Альтернатива для Германии») не представляются возможными из-за отказа прочих партий сотрудничать с ней [13], подобная проблема возникает и у «Левой». Отдельно следует сказать о том, что на данный момент уже ведутся переговоры по вопросу формирования светофорной коалиции, тогда как ХДС/ХСС, так и СДПГ не раз заявляли, что не будут вновь формировать «Большую коалицию» [12].

Важным является также тот факт, что должны быть кратко рассмотрены и основные внутривнутриполитические положения партийных программ, являющихся центральной темой обсуждения партий перед началом коалиционных переговоров и, соответственно, перед заключением коалиционных договоров.

Уместнее всего сравнить программы четырех партий, потенциальных членов трех коалиций, по следующим важнейшим показателям: 1) образование, 2) пенсии, 3) цифровизация, 4) миграция и интеграция, 5) внутренняя безопасность, 6) защита климата, 7) транспорт, 8) финансы, налоги, экономика, 9) рынок труда, 10) здравоохранение, 11) внешняя политика и политика безопасности [11]. По итогам сравнения наиболее важных блоков вопросов составлена таблица с баллами вероятности для каждой из коалиций. Так, если по какому-то вопросу позиции партий в коалиции не совпадают, то этот вопрос становится сложным и обозначается знаком «-», если, наоборот, у партий нет серьезных противоречий, то коалиции присваивается «+», что говорит в пользу формирования этого союза.

Образование

ХДС/ХСС в своей программе для стабилизации и обновления «Вместе за современную Германию» [4] уделяют внимание дошкольному образованию, цифровизации и оптимизации учебных платформ, а также поддержке профессионального образования и более гибкому подходу государства к обучающимся.

В программе СДПГ «Из уважения к твоему будущему» [2] указано, что будет оказана поддержка дошкольному образованию, цифровизации в школах, а также говорится о содействии гражданам со стороны государства в вопросе получения образования вплоть до всеобщего доступа к программе.

Свободная демократическая партия в программе «Никогда не было больше задач» [14] затрагивает вопрос перераспределения налогов в пользу модернизации образования, подчеркивая, что федерализм в образовании должен быть реформирован для стандартизации системы образования, делается акцент на цифровизации и оказании поддержки государства для доступа к образованию.

В своей программе «Германия. Всё внутри» [5] «Зеленые» говорят о доступности для всех детей образования, цифровизации, а также о попытках

сделать из государственной поддержки обучения систему всеобщего страхования.

Таким образом, между позициями партий по данному вопросу нет принципиальных отличий.

Пенсии

Все партии солидарны в установлении пенсионного возраста в 67 лет с незначительными отступлениями. Подходы ХДС/ХСС и СДП, с одной стороны, СДПГ и «Зеленых», с другой — предсказуемо совпадают. Принципиальных расхождений по данному вопросу не обнаруживается, что дает возможность для образования каждой из трех коалиций.

Цифровизация

В этом вопросе партии также выступают за скорейшую цифровизацию, безопасность в интернете и доступ к цифровым услугам, однако они снова делятся на две группы: одни выступают за создание Министерства цифровизации, СДПГ поддерживают больший контроль цифровых гигантов, а «Зеленые» говорят об устойчивом развитии и питании от зеленой энергетики. Принципиальных расхождений вновь не найдено.

Миграция и интеграция

По этому вопросу появляются первые расхождения. Удачная риторика АдГ на фоне миграционного кризиса 2015 г. позволила им пройти в бундестаг и забрать часть электората правоцентристских партий. Результатом этого стало ужесточение антимигрантской риторики ХДС/ХСС, союз рассматривает как благо лишь контролируруемую миграцию необходимых ФРГ специалистов с их интеграцией в немецкое общество. Также христианские демократы и социалисты желают добиться уменьшения притока мигрантов в страну, используя концепцию «безопасных стран происхождения» и ограничение программы воссоединения семей.

Прочие партии, наоборот, выступают за расширение программы воссоединения семей, закрепление права на несколько гражданств и уменьшение барьеров на натурализацию. Свободные демократы помимо этого

вовсе убеждены, что Германия является страной иммиграции, «Зелёные» также готовы открыть двери и для низкоквалифицированной рабочей силы. Таким образом, по этому вопросу переговоры прочих трех партий с «Союзом» будут весьма напряженными.

Внутренняя безопасность

Программа ХДС/ХСС заметно отличается от других трех партий в вопросе внутренней безопасности. «Союз» выступает за сильное государство, занимающуюся своим делом и хорошо оснащенную полицию, систему видеонаблюдения с распознаванием лиц, а также систему мониторинга источников телекоммуникации и онлайн-просмотров. В то же время ХДС/ХСС поддерживает статус службы защиты конституции.

По всем этим положениям, за исключением оснащения полиции, их позиция не совпадает с другими партиями, что дает результаты, схожие с выводами по предыдущему критерию.

Транспорт

В вопросах транспорта у партий не возникает особых разногласий, все говорят о развитии железнодорожного и водного транспорта, электроавтомобилей и сети зарядных станций. Однако ХДС/ХСС и СДП отвергают ограничение скорости на автобанах и полный запрет автомобилей с двигателем внутреннего сгорания, тогда как СДПГ и «Зеленые» ограничивают скорость движения и стараются вытеснить личный транспорт общественным. В целом противоречий по вопросу транспорта не найдено.

Защита климата

Предложения СДПГ, «Союза» и СДП по защите климата совпадают, они стремятся в рамках принятых законов сделать Германию нейтральной для климата к 2045 г. и 2050 г. соответственно. Еще одним общим положением является желание разрабатывать водородные технологии. «Зеленые» выступают за более высокие темпы развития, используя в качестве инструмента цену на углекислый газ. В то время как три другие партии постулируют систему вознаграждений за меньшие выбросы, рассчитывая

действовать рыночными механизмами, «Зелёные» желают увеличивать налогообложение и возвращать вырученные средства гражданам.

Таким образом, всем будет крайне сложно договориться с «Зелёными», что уменьшает вероятность успешных переговоров с ними по теме экологии.

Финансы, налоги, экономика

В вопросах экономики НДС/ХСС и СДП имеют общие позиции, они возражают против увеличения налоговой нагрузки и налогов на сверхдоходы. Предприятия должны получить налоговые льготы. «Зелёные» и СДП предлагают ввести большее количество налогов, в том числе дополнительное налогообложение для богатых. По этому критерию проигрывает «Большая коалиция», так как представляет полярные мнения; «Ямайка» также выглядит менее вероятной, ведь «Зелёные» могут затянуть переговоры с двумя правыми партиями, тогда как «Светофорная» коалиция может состояться, хотя СДП выдвинет максимум требований.

Рынок труда

В данном вопросе вновь партии разделяются на две группы, в самом общем плане НДС/ХСС и СДП желают сделать рынок труда более гибким для работодателей, между тем как две другие партии – для работников. Основными положениями станут социальные и поддерживающие выплаты, однако похожая ситуация наблюдается с предыдущим критерием. Инициатива будет на стороне партии, набравшей больше всего голосов, а именно СДП, замыкают тройку «Зелёные», взгляды которых гораздо ближе к социал-демократам, чем к христианским демократам и христианским социалистам.

Здравоохранение

Позиции НДС/ХСС и СДП близки в вопросе сохранения двух систем медицинского страхования — государственного и частного, однако по прочим темам взгляды христианских демократов и социалистов отличаются от позиций других трех партий. Они отвергают возможность легализации легких наркотиков и медицинской практики эвтаназии. Таким образом, партиям будет проще договориться по этому вопросу между собой, чем с «Союзом».

Внешняя политика и политика безопасности

Позиции всех партий совпадают в оценке ЕС и НАТО как важнейших организаций, все желают улучшить и упорядочить работу ЕС, отменив принцип единодушия. Однако точка зрения «Зеленых» по вопросу внешней политики и политики безопасности тесно связана с экологической повесткой, тогда как у прочих партий нет такого сдерживающего фактора для совместных переговоров. Единственное, ХДС/ХСС больше говорят об укреплении бундесвера и доведения военных расходов до 2% ВВП, а их коллеги из СДП считают важным появление европейской армии. СДПГ придерживаются проведения миролюбивой политики, предпочитают дипломатию и предотвращение кризисов. Также представляется интересным расположение внешнеполитической части программы в начале документа «Союза» в отличие от программ других партий. Возможно, постановка внешнеполитических приоритетов перед внутриполитическими стала одним из факторов снижения популярности «Союза».

Таким образом, экологический радикализм «Зеленых» вновь усложнит переговоры с ними, в то время как другим акторам будет легче прийти к компромиссу.

Тема	Коалиции		
	«Ямайка»	«Светофорная»	«Большая»
1. Образование	+	+	+
2. Пенсии	+	+	+
3. Цифровизация	+	+	+
4. Миграция и интеграция	-	+	-
5. Внутренняя безопасность	-	+	-
6. Транспорт	+	+	+

7. Защита климата	-	-	+
8. Финансы, налоги, экономика	-	+	-
9. Рынок труда	-	+	-
10. Здравоохранение	-	+	-
11. Внешняя политика и политика безопасности	-	-	+
Итого:	4	9	6

Итак, мы видим, что наиболее вероятной выглядит «Светофорная» коалиция. Наименее вероятной кажется создание «Ямайки», так как она может формироваться под руководством уступившего первое место «Союза» при победе близких по идеологии для «Зелёных» СДПГ. Возможность нового формирования «Большой коалиции» уже не раз исключалась, хотя шансы остаются. 22 октября 2021 года можно оценить, достигло ли «зондирование» нужного результата.

Моделирование внешнеполитической концепции

«Светофорная» коалиция, как наиболее вероятная из трёх, состоит из социал-демократов, «Зелёных» и свободных демократов. В следующей части исследования будут подробно проанализированы их важнейшие внешнеполитические программные положения и сделано предположение об основных внешнеполитических приоритетах нового коалиционного правительства.

В программе СДПГ много внимания уделяется укреплению солидарности ЕС и повышению его возможностей с целью стать одним из важнейших акторов наступающего мультилатерального мира. На базе окрепшего ЕС СДПГ хочет во всем мире защищать демократические и европейские ценности (правовое государство, право на убежище и защиту

беженцев), их продвижение возможно и в дополнении к экономическому партнерству (объединение МЕРКОСУР).

НАТО остается важным элементом политики безопасности ЕС, при этом должны быть сформированы *европейские Вооруженные силы*.

В *Совете Безопасности* ООН Германии необходимо получить место постоянного члена, как и представителя «глобального Юга».

СДПГ выступает за дипломатическое разрешение противоречий, однако признает наличие кризисов в отношении с *южными* и *восточными* соседями. Например, в программе упоминается свободная и демократическая *Белоруссия*, а *Россия* обвиняется во многих внешнеполитических проступках. Санкции должны смягчаться при выполнении Минских соглашений. При этом её участие требуется в решении вопросов климата, устойчивого развития, энергии и борьбы с эпидемиями.

С *США* необходимы возобновление партнерства на базе общих ценностей и интенсификация контактов в сферах защиты климата и здоровья, торговли, разоружения и безопасности.

ЕС должен вести с *Китаем* диалог о сотрудничестве и конкуренции (*критично и конструктивно*), не забывая осуждать отдельные внешне- и внутривополитические действия.

Великобритания остается другом ЕС даже после выхода из Союза. Безопасность *Израиля* представляет приоритет для государства. В отношениях с *Турцией* необходима работа, однако на данный момент она осложняется политикой Анкары.

В программном документе «*Зеленых*» говорится о дальнейшем развитии идеи федеральной европейской республики путем законотворчества в ЕС, укреплении Европарламента как законодательного органа будущей федерации, что также позволит увеличить способность объединения к действию. Дополнительной мерой укрепления ЕС станет концепция «Европа коммун и регионов» в противовес концепции «Европа государств». Наконец, они выступают за создание всеевропейской платформы СМИ. Цель – это

укрепленный, функционирующий и способный преодолевать кризисы ЕС, распространяющий идеи правового государства, прав человека, демократии и свободы. Отдельно «Зелёные» упоминают включение в состав ЕС государств Западных Балкан.

НАТО является основой для безопасности Германии, но подчеркивается более справедливое осуществление расходов его членами (идея о расходах 2% ВВП отвергается). При этом должна быть создана *европейская армия* под контролем Европейского парламента, так как государствам ЕС проще сообща финансировать и вооружать эту структуру.

«Зелёные» выступают за то, чтобы в *Совете Безопасности ООН* более справедливо были представлены регионы мира, а также за отмену права вето, «парализующего» работу.

В отношении *востока Европы* ЕС должен поддерживать желание государств «Восточного партнерства» вступить в ЕС, проведя необходимые реформы. На *юге* ЕС следует использовать экономический потенциал Средиземного моря. *Россия* в последние годы стала авторитарной, представляющей угрозу безопасности объединения, поэтому необходимо поддерживать российское гражданское общество в противостоянии Кремлю. «Зелёные» приветствуют усиление санкций при отсутствии подвижек в разрешении украинского кризиса. Они предвзято относятся к проекту «Северный поток – 2» и требуют его остановки по экологическим и идеологическим причинам (недопущение большего влияния России на ФРГ).

Отношения с *США* – центральная тема для Германии, требуется обновленное партнерство с климатическими целями.

Китай характеризуется как конкурент, партнер и системный соперник ЕС. В тех вопросах, где КНР ищет диалог и готова к нему, он должен вестись, однако по другим вопросам ЕС должен разрабатывать контрстратегии.

Отдельно говорится о партнерах в *Индо-Тихоокеанском* регионе, таких как Индия, государства АСЕАН, Австралия, Япония, Новая Зеландия, Южная

Корея. Налицо противопоставление сотрудничества с ними по смешанному подходу к китайско-европейским отношениям.

Турция – кандидат на вступление в ЕС, важный партнер в вопросах миграции, но её политический курс заставляет идти на контакт с гражданским обществом. На Ближнем Востоке важны урегулирование конфликтов, ядерная сделка с *Ираном*, безопасность *Израиля* как государственный интерес.

«Зеленые» расширяют круг внешнеполитических вопросов, говоря о зоне свободной торговли и сотрудничестве с *африканскими* странами, а также развитию Африки, мотивируя это историческими связями.

В отношениях с *Латинской Америкой* ими упоминается соглашение с МЕРКОСУР с акцентом на защиту прав человека и окружающей среды. Заявляется о многочисленных проблемах региона, в том числе вопрос прав человека. Существуют проблемы государственного управления и ресурсной экспортно ориентированной экономики (как и в Африке). Они требуют долгосрочного сотрудничества вместо существующего краткосрочного, особенно по вопросам климата.

Говорится об *объединении демократий* и борьбе против «разъединяющих общество» диктатур — Китая и России. Итогом становится требование амбициозной, устойчивой, сопряженной с правами человека внешней климатической политики во имя *мировой климатической справедливости*.

И, наконец, в программе СДП большое внимание уделяется укреплению ЕС, в том числе принятию конституции ЕС и превращению его в федерацию, созданию *европейской армии* и обретению объединением стратегического суверенитета.

Как ярые «атлантисты», они выступают за обновление трансатлантических связей, укрепление *НАТО* и экономических связей с *США* вкупе с сотрудничеством в цифровой сфере.

Весьма интересной кажется идея о включении в *Совет Безопасности* ООН самого ЕС, однако не уточняется, останутся ли там Франция с Великобританией или же ЕС (то есть Германия) дополнительно туда войдет.

Свободные демократы выступают за оформление четких правил в отношениях с *Россией* (переходящие из документа в документ обвинения и требования поддерживать и ужесточать санкции в случае невыполнения Минских договоренностей), вновь отдельно упоминается построение демократического будущего в свободной *Белоруссии*.

Они говорят о ясности в отношениях ЕС и *Китая*, а именно активном экономическом сотрудничестве, особом внимании к проблемам во внешней и внутренней политике КНР. Также затрагиваются Тайвань и Гонконг.

Поддерживается мирный процесс на Ближнем Востоке (отношения *Израиля* и *Арабского мира*), Израиль находится в центре интересов Германии, однако при этом критикуется его политика.

Кроме того, совпадают положения о мультилатерализме, борьбе за демократию в мире (*объединение демократий*, борьба против дезинформации) и стремлении к политике разоружения.

Таким образом, можно выстроить ряд общих для трех партий предполагаемой коалиции приоритетов:

- 1) укрепление солидарности внутри ЕС;
- 2) увеличение его способностей к действию и позиционированию в мире;
- 3) создание европейских Вооруженных сил;
- 4) продвижение в мире европейских ценностей;
- 5) обновление НАТО и перезапуск отношений с США;
- 6) реформа Совета Безопасности ООН;
- 7) продолжение двойственной восточной политики с диалогом по интересующим ЕС вопросам и отказом России в собственных внешнеполитических интересах;

- 8) проведение подобной политики в отношении КНР, получение максимальных экономических выгод, при этом поддержка США и соперников Китая в Индо-Тихоокеанском регионе;
- 9) активное сотрудничество с Турцией при попытках лишить её субъектности в мировой политике;
- 10) мирное разрешение конфликтов на Ближнем Востоке при посредничестве ЕС;
- 11) объединение демократий в мире против влияния авторитарных государств;
- 12) большой упор на экологическую повестку во внешней политике;
- 13) существование Израиля как интерес государства;
- 14) проработка более детализированной внешнеполитической концепции для регионов Африки и Латинской Америки.

Заключение коалиционного договора

24 ноября 2021 года была образована «Светофорная» коалиция, канцлером ФРГ был избран глава СДПГ О. Шольц, а коалиционный договор был опубликован на сайте [9], что дало уникальную возможность проверить наличие установленных ранее внешнеполитических положений.

Усиление солидарности внутри ЕС будет достигаться путём движения к построению федерального европейского государства, укрепления европейского парламента и формулирования интересов Германии в русле интересов Европы [9, S 130-131].

Шаги по *увеличению способностей к действию и позиционированию ЕС в мире* включают повышение стратегического суверенитета ЕС, борьбу против бюрократии и формирование единой внешней политики объединения с помощью создания европейского министерства иностранных дел и голосования квалифицированным большинством вместо единогласного [9, S. 132, 135].

Продвижение в мире европейских ценностей достигается за счет солидарности с демократическими государствами и использованием

механизма ОБСЕ в *противостоянии авторитарным государствам*. В вопросе *НАТО* новая коалиция продвигает обновление и развитие Альянса как основы европейской безопасности, кроме того, планируется интенсификация трансатлантических отношений с *США и Канадой*. И, наконец, говорится о необходимости *реформы ООН* для лучшей представленности регионов мира [9, S. 143-145].

Что касается *отношений с Россией*, в коалиционном договоре она упоминается как важный партнер ЕС, однако критики в документе гораздо больше. Германия продолжит работать с государствами «Восточного партнерства» в их стремлении вступить в ЕС. Помимо этого, в Белоруссии и на Украине интересы России Германия учитывать также не намерена [9, S. 153, 154].

В отношении *Китая* планируется организовывать работу в формате «партнерства, соревнования и системного соперничества», активно развивая связи со всеми соперниками Китая в Индо-Тихоокеанском регионе [9, S. 157].

В вопросе *Турции* Германия продолжит переговоры в формате ЕС и интенсифицирует диалог гражданских обществ и студенческие обмены [9, S. 154-155].

На *Ближнем Востоке* Германия продолжит *защищать Израиль* и будет стремиться к мирному разрешению конфликтов, прежде всего поддерживать формат иранской ядерной сделки и процессы демократизации в государствах южного Средиземноморья [9, S. 155-156].

Экологическая повестка станет основной для внешней политики Германии, а такие вопросы, как устойчивое развитие и финансирование зелёных технологий, будут поддерживаться во всем мире [9, S. 150].

Что касается регионов *Африки и Латинской Америки*, то их важность для ФРГ особо подчёркивается, также разрабатываются новые подходы к стратегиям сотрудничества [9, S. 156, 157].

Таким образом, абсолютное большинство приоритетов во внешней политике, смоделированных в предыдущих частях исследования, нашли своё

подтверждение в новом документе. Исключением явилось создание *европейской армии*, о чём в документе не было сказано. Кроме того, появились такие приоритеты, как политика разоружения и контроля вооружений [9, S. 154], продиктованная социал-демократами, и поддержка вхождения шести государств Западных Балкан в ЕС вместе с улучшением механизма принятия новых членов в состав ЕС. Данная инициатива была прописана у «Зелёных», а это свидетельствует о том, что влияние этой партии на внешнюю политику ФРГ серьезно возросло.

Заключение

В заключение стоит сказать, что характер внешнеполитической стратегии ФРГ останется европоцентристским и атлантистским. Также заметен эволюционный характер внешнеполитической стратегии ФРГ на примере коалиционных договоров разных лет. Взаимодействие в рамках НАТО оказалось для трёх партий гораздо важнее формирования европейской армии. Во внешней политике ФРГ отражается противостояние западных стран сначала с Россией, а затем и с Китаем. Таким образом, за время работы новоизбранного правительства ФРГ не стоит ожидать каких-либо позитивных изменений в отношениях России и Германии.

Список литературы:

1. «Белая книга-2016»: Германия признаёт многополярность мира и выбирает антироссийский полюс // newsfront. - URL: <https://newsfront.info/2016/07/20/belaya-kniga-2016-germaniya-priznaet-mnogopolyarnost-mira-i-vybiraet-antirossijskij-polyus/> (дата обращения 17.10.2021).
2. Aus Respekt vor deiner Zukunft. Das Zukunftsprogramm der SPD. SPD-Parteivorstand, 2021. - 66 S.
3. Bundestagswahl 2021 // Der Bundeswahlleiter. - URL: <https://www.bundeswahlleiter.de/bundestagswahlen/2021/ergebnisse/bund-99.html> (дата обращения 10.10.2021).

4. Das Programm für Stabilität und Erneuerung. CDU/CSU, 2021. - 139 S.
5. Deutschland. Alles ist drin. Bundestagswahlprogramm 2021. Bündnis 90. Die Grünen, 2021. - 271 S.
6. Die Bundesregierung. Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD // Die Bundesregierung.- URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/themen/koalitionsvertrag-zwischen-cdu-csu-und-spd-195906> (дата обращения 10.10.2021).
7. Fix, Liana Dr, Stamm, Leonie. Mit Werten durch die Krise? Deutsche Außenpolitik in der COVID-19 Pandemie. Ein Bericht zum Berliner Forum Außenpolitik 2020 der Körber-Stiftung // Zeitschrift für Außen- und Sicherheitspolitik. 2021. Nr. 14(2). – S.225-229.
8. German Foreign Policy. Reliable partners and "new players" // scielo. - URL: http://www.scielo.org.mx/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S1870-69162015000100132 (дата обращения 23.09.2021).
9. Koalitionsvertrag zwischen der SPD, Bündnis 90/Die Grünen und FDP // SPD. - URL: <https://www.spd.de/koalitionsvertrag2021/> (дата обращения 27.11.2021).
10. Maull, H. Deutsche Außenpolitik – Verantwortung und Macht // Z Außen Sicherheitspolitik Nr 8, Januar 2015. - S. 213–237.
11. Mit diesen Plänen werben die Parteien // Tagesschau. - URL: <https://www.tagesschau.de/inland/btw21/programmvergleich/> (дата обращения 18.10.2021).
12. Mögliche Koalitionen nach dem Bundestagswahl 2021 // Bundestagswahl 2021. - URL: <https://www.bundestagswahl-2021.de/koalitionen/> (дата обращения 10.10.2021).
13. Neue Regierung. Koalition in Ampelfarben // mitmischen.de. - URL: <https://www.mitmischen.de/bundestag-aktuell/oktober-2021/koalition-in-ampelfarben> (дата обращения 10.10.2021).

14. Nie gab es mehr zu tun. Wahlprogramm der Freien Demokraten. Beschluss der 72. Ord. Bundesparteitag der freien Demokraten, 2021. - 67 S.
15. Stepping Into the 21st Century // Internationale Politik Quarterly. - URL: <https://ip-quarterly.com/en/stepping-into-21st-century> (дата обращения 15.09.2021).
16. Дмитриева С.И., Морозова В.Н. Внутренняя политика и внешнеполитическая стратегия ФРГ. - Воронеж: РИТМ, 2020. - 123 с.
17. Доктринальные документы современной Германии о ситуации в сфере безопасности и применении военной силы // pandia. - URL: <https://pandia.ru/text/77/396/97415.php> (дата обращения 11.05.2021).
18. Кирилина Е.Ю. Политика безопасности Германии в отношении России и США в начале XXI века // Архонт. 2019. №4 (13). – с. 60-64.
19. Павлов Н.В. История внешней политики Германии от Бисмарка до Меркель. М.: Междунар. отношения, 2012. – 797 с.
20. После выборов в Германии: как изменится отношение Берлина к России // Deutsche Welle. - URL: <https://www.dw.com/ru/posle-vyborov-v-germanii-kak-izmenitsja-otnoshenie-berlina-k-rossii/a-59331400> (дата обращения 30.09.2021).
21. Современная внешнеполитическая стратегия ФРГ / А. К. Никитин. – М.: [б. и.], 2008. - 319 с.
22. Цвык А.В. Концептуальные основы внешней политики ФРГ // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. №6. – с. 244-251.

Дресвянин Даниил Васильевич,
ассистент кафедры медийной политики и связей с общественностью,
Московский государственный институт международных
отношений (университет) МИД России,
e-mail: d_dresvyanin@mail.ru

Daniil V. Dresvyanin,
Teaching Assistant of the Department of Media policy and public relations
MGIMO University of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
e-mail: d_dresvyanin@mail.ru

ОБРАЗ СТРАНЫ В «КОНТЕКСТЕ» ПАНДЕМИИ

THE NATIONAL IMAGE IN THE "CONTEXT" OF THE PANDEMIC

Аннотация. В работе рассмотрена проблема формирования образа страны на международной арене в условиях пандемии. Дан обзор трудов современных исследователей, посвященных разным аспектам создания национальных образов. Представлен контент-анализ зарубежных СМИ, позволяющий выявить актуальные тенденции в сфере внешнеполитического PR. Делается вывод о необходимости критического осмысления коммуникационной активности «зарубежных партнеров», использования современных PR-технологий для конструирования объективного представления о стране. Пандемия способствует созданию информационно открытого образа России.

Abstract. The paper investigates the problem of shaping the country's international image in the context of the global pandemic. An overview of the works of modern researchers that deal with various aspects of the creation of national images is given. The content analysis of the international media is presented, which allows to identify present trends in the foreign policy PR. The conclusion states the need for a critical understanding of the communication activity of so-called Russian "foreign partners", the use of modern PR-technologies to construct an objective image of the country. The pandemic crisis contributes to the creation of an open informational image of Russia.

Ключевые слова: образ страны, национальный образ, образ России, пандемия, внешнеполитический PR, информационная открытость.

Key words: image of the country, national image, image of Russia, pandemic, foreign policy PR, information openness.

Приоритетным направлением международной деятельности Российской Федерации является формирование объективного образа государства. При восприятии России за рубежом часто срабатывают стереотипы и субъективные оценки. Так, пандемия, охватившая весь мир, показала стремление и готовность России к международному сотрудничеству и взаимопомощи. Однако со стороны участников политического процесса в ООН наблюдались неоднократные попытки искажения реального вклада Москвы в борьбу с распространением COVID-19. Актуальность исследования продиктована необходимостью выявления эффективных механизмов информационного обеспечения внешней политики государства в условиях и с учетом опыта пандемии.

В настоящее время определение «образ страны» находится в стадии научной дискуссии в разных областях знания: политологии, социологии, истории, философии, культурологии и др. В условиях пандемии проблема формирования объективного представления о стране приобретает первостепенное значение, требуют научного осмысления и разработки.

В работе актуализированы понятия «образ», «имидж», «стереотип», выявлены тенденции к восприятию образа России за рубежом в «контексте» пандемии. В рамках исследования был проведен обзор современных публикаций, посвященных разным аспектам формирования образов государства средствами политики; проведен контент-анализ зарубежных СМИ на английском языке, показывающих «видение» современной России в мире.

«Образ страны» в новой политической реальности

Характеристики понятий «образ», «имидж», «стереотип» представлены в работах М. Кастельса, Б.Р. Манделя, С.В. Чугрова, А.А. Казакова, Т.Э. Гринберг, Е.Н. Двиняниновой и др. Термины активно используются специалистами по связям с общественностью в описании коммуникативных

PR-стратегий. В научной практике вместо понятия «образ» чаще употребляется «имидж».

Лексическое значение слова «образ» совпадает с понятием «имидж»: «Имидж, (англ. image образ) – образ, создаваемый преднамеренно» [2, с. 241]. Однако ученые считают, что между дефинициями «образ» и «имидж» имеются определенные различия. Т.Э. Гринберг определяет имидж «как «рабочий» конструкт в формировании необходимого образа» [1]. Под образами же следует подразумевать «только «отраженные» в сознании участников коммуникации с разной степенью адекватности фрагменты реальности» [1].

Сущность понятий «образ», «имидж», «стереотип» относительно внешнеполитической деятельности государств исследуется в работах И.Ю. Киселева, Т.В. Зоной, М.М. Лебедевой, П.В. Меньшикова, О.Г. Карповича, А.А. Сушенцова и др. Ученые отмечают, что исторически в России уделяли мало внимания продвижению образа страны. Сегодня возникает острая необходимость в формировании объективных представлений о стране, прогнозируя реакцию мировой общественности на них. «Россия намерена создать свой идейно-нравственный мир и представить его в качестве альтернативы на мировом» [3].

Традиционно «имидж страны» понимается как «виртуальный образ», в котором тесно переплетаются оценки стереотипного мнения и реальной ситуации. В науке отмечается особая роль национальных стереотипов как инструментов политики. Стереотипные представления отражают упрощенную и часто искаженную картину действительности, что оказывает существенное влияние на готовность государств при выстраивании внешней политики [1; 3].

Ученые выделяют «условно-статичные» (географическое положение, природно-ресурсный потенциал, культурное наследие и др.) и «корректируемые условно-динамичные» (социологические и институциональные) факторы развития образа государства [1]. В качестве важнейших элементов имиджевого потенциала современной России исследователи определяют создание эффективной системы информационной

безопасности [5], развитие разработок в военной сфере [3; 5], участие в борьбе с международным пиратством, успехи в спорте, борьбу с международным терроризмом, освоение космоса [3].

Глобальные вызовы современности – цифровизация, искусственный интеллект, «цифровые следы» – приводят к необходимости организации не только разнообразного арсенала методов и средств информирования, но и эффективной информационно-коммуникационной защиты. Сегодня войска информационных операций (кибервойска) России по уровню развития, согласно имеющимся оценкам, могут «входить в топ-5 государств мира наряду с США, Китаем, Великобританией и Южной Кореей» [5].

Формирование цельного образа страны – это длительная, целенаправленная и системная работа, ведущаяся в соответствии с внешнеполитическим курсом государства. Процесс включает следующие основные этапы:

- 1) анализ действительного образа субъекта, требований аудитории, ее предпочтений и ожиданий, оценка имиджа конкурентов и т.п.;
- 2) выбор и разработка коммуникативных стратегий продвижения образа, приоритетных показателей имиджа и т.п.;
- 3) позиционирование отличительных и индивидуальных параметров образа [1].

В создании положительного или негативного имиджа страны активную позицию всегда занимали СМИ. Сегодня информационные ресурсы претерпевают значительные изменения. Традиционные СМИ постепенно утрачивают роль главного источника формирования общественного мнения. На первый план выходят новые медиа, в том числе блогосфера и социальные сети, с возможностью прямого воздействия на аудиторию. Чем больше общественное пространство информировано о стране, тем меньше возникает стереотипов. В процессе имиджирования государства важно создавать нужные информационные поводы и активно вести диалог с аудиторией на разноплановых виртуальных площадках.

В определении понятия «образ страны» весьма прогрессивны позиции зарубежных ученых С. Вуда, С. Мэна, Х. Бредекампа, в работах которых постулируется идея стратегической важности формирования национальных образов. Стив Вуд из австралийского университета Маккуори определяет «национальные образы» как «совокупность информации и впечатлений» [9]. Несмотря на увеличение числа новых медиа, в современных подходах «концепция нации сохраняется» [9].

По мнению профессора Шанхайского университета Сянфэй Мэна, сегодня «международная политика постепенно переходит от «политики силы» к «политике образа»», поэтому каждое государство заинтересовано в создании собственного национального имиджа в «международной и глобальной стратегии» [6]. В мире «интенсивного международного сотрудничества и конкуренции» национальный образ – это «жизненно важный «нематериальный актив» государства, способ «произвести впечатление на других игроков», утвердить «силу собственного политического дискурса» [6]. Национальный образ – это комплексный феномен, при этом не всегда имеется прямая корреляция между реальным положением дел в государстве, «его статус-кво» и созданным в международном сообществе имиджем. Национальный образ «определяется всеобъемлющей национальной мощью», его нужно конструировать «на основе социального взаимодействия между странами» [6]. В Китае сегодня понимают необходимость создания такого национального образа, который соответствовал бы растущей экономической мощи страны и отражал бы ее культурные символы [6].

Таким образом, образ страны следует рассматривать как комплексное понятие, включающее психологические, социальные, культурные, маркетинговые и другие категории. Национальный образ создается из сопоставления всех его объективных характеристик и ассоциаций: национальных особенностей, внешнеполитической стратегии страны, ее ресурсов и инновационного потенциала, «политической реальности», связей с общественностью и т.д. [1; 3; 5].

Современная политическая реальность в определенной степени смоделирована новейшими «медийными средствами». В обстоятельствах многообразия «конструируемых» акторами «смыслов» международная коммуникация становится все более неопределенной [4]. Усиление конфронтационного характера системы международных отношений заставляет государства выстраивать новые «виртуальные» образы. «Развитие когнитивных технологий», прежде всего deepfake, наделяет интернет-участников «неограниченными возможностями по созданию токсичного контента» [4, с. 16-17].

Пандемия не изменила сущности международных отношений, но активизировала информационные войны, политические провокации со стороны отдельных стран с целью укрепления геополитических позиций, повышения значимости в мировой политике. Наблюдается «наращивание внешнеполитического информационно-пропагандистского потенциала США, НАТО, ЕС» [5]. В условиях пандемии «роль и ответственность нашей страны только неуклонно возрастает» [3].

Контент-анализ зарубежных СМИ

В рамках исследования был проведен контент-анализ зарубежных СМИ по ключевым словам поиска: «пандемия», «COVID-19», «вакцина «Спутник-V» «Россия»», «Москва». Выборка составила 65 публикаций. Расчетный период – шесть месяцев. Средства массовой информации для исследования были отобраны на основании следующих критериев: СМИ являются онлайн-версиями популярных массовых информационных изданий; в них освещаются международные события; есть блог (раздел), посвященный аналитическим комментариям, оценкам, прогнозам известных экспертов.

Так, малазийская газета-таблоид The Sun и нигерийская газета The Nation позиционируют себя как информационные издания с достоверной информацией для широкой общественности. The Global Times специализируется на освещении острых международных тем, излагает правительственную точку зрения. Международные новостные агентства The

Cristian Science Monitor, Bloomberg сообщают международные новости с привлечением экспертных оценок.

Дезинформация, манипулирование общественным мнением – особенности современных гибридных войн. Разные интерпретации международной помощи по линии COVID-19 позволяют некоторым странам рассматривать ее как инструмент достижения собственных целей. The Sun пишет, что против вакцины «Спутник-V» идёт настоящая информационная война, существенно искажающая реальные данные о роли российской медицины в борьбе против коронавируса. Малазийские журналисты назвали это «идеологически предвзятой позицией западных СМИ» [7].

На фоне «инфодемии», вызванной противоречивой информацией об эпидемии [4], прослеживается тенденция медиа отдельных стран к организации искусственных ситуаций «массового недовольства» политикой чужого государства. Ученые А. Ян, Р. Ван, Дж. Ван из Университета Южной Калифорнии приводят в пример информационные агентства, практикующие подобную «парадигму» убеждения: «Голос Америки (VOA) и Аль-Джазира из США, китайская CCTV-9, иранское Press TV, французское France 24...» [11].

В статье «Хуже холодной войны? Отношения США и России достигли нового минимума» корреспондент The Christian Science Monitor Фред Вейр отмечает, что «отношения России с Западом и, в частности, с Соединенными Штатами, по всей видимости, пропитаны глубокой ненавистью и взаимным непониманием, что приобрело масштабы, невиданные даже во время холодной войны» [8]. Автор уточняет, что давление Запада на Россию все больше вынуждает последнюю сближаться с Китаем [8].

В контексте информационно-пропагандистского противостояния стоит обратить внимание на растущие усилия китайских англоязычных СМИ по сближению точек зрения России и Китая по ключевым вопросам повестки ООН. В китайских СМИ образ России воспринимается положительно. Примечательны многочисленные публикации The Global Times – «самой информативной англоязычной газеты Китая» [10]. Особое внимание уделяется

устранению идеологических «пробелов» между позициями Москвы и Пекина в подходах к концепции многосторонности, полицентризма в международных отношениях, аспектам сотрудничества и совместного противостояния пропагандистским действиям США. Так, в заголовках статей названия двух стран почти всегда идут вместе, что визуально подчеркивает близость государственных подходов. В то же время США в заголовках либо не упоминаются, либо находятся в качестве полюса, противоположного паре «Китай-Россия»: «China, Russia buttress multilateralism», «China, Russia to break US hold on 'world order'», «Washington's 'small clique' politics exposed as China, Russia battle with US over 'rules', 'multilateralism' at UN» [10].

В публикации «Китай, Россия поддерживают многосторонность» профессор Пекинского университета Ли Син отмечает: «Россия – страна значительного авторитета в ООН. Она способна повлиять на многие страны...» [10]. Ученый прогнозирует: «Независимо от того, как меняется международная ситуация или каким образом определенные страны или политические деятели, враждебно настроенные по отношению к Пекину и Москве, пытаются посеять раздор <...> китайско-российские отношения непоколебимы» [10].

Выводы и рекомендации

Международная политика понимается сегодня как сфера политического PR. В новой политической реальности государство заинтересовано в создании собственных национальных образов. «Образ страны» – виртуальная «реальность», которая естественно формируется в сознании людей и соответствует основным параметрам действительности. Имидж наделяет прообраз дополнительными идеологическими, социальными, психологическими ценностями. Формируемый на международной арене цельный образ страны – это способ позиционирования государством своей национальной идеи и внешнеполитической стратегии.

Информационное обеспечение внешней политики государства является приоритетным направлением национальной стратегии. С помощью

современных медиа, внешнеполитических PR формируется «концепция нации». Медиавозможности позволяют создавать ожидаемые аудиторией национальные образы, которые могут значительно укрепить позиции государства на международной арене.

При создании образа страны важны построение интегрированных коммуникаций, обратной связи с аудиторией, прогнозирование общественного мнения. Сегодня необходимы «мобилизационные» меры по информационному обеспечению внешней политики страны, выстраивание единой государственной системы пропаганды и контрпропаганды.

В международной политической коммуникации выделяется многообразие смыслов медийной компетентности, требующее критического осмысления. В новой медиареальности образ России часто получает фрагментарное, противоречивое освещение. Контент-анализ зарубежных СМИ показал неоднозначность отношения правительств и международной аудитории к публичной деятельности России и образу страны в целом. Исследование выявило тенденции одновременно к усилению негативной западной риторики по отношению к России и стремлению китайских СМИ к формированию устойчивого образа нашей страны как гаранта системы международной безопасности.

Созданию действительного представления о России способствует объективное информирование мирового сообщества о приоритетах внешней политики государства. В условиях пандемии формируется информационно открытый образ России — страны, имеющей четкий внешнеполитический курс.

Список литературы:

1. Гринберг Т.Э. Образ страны или имидж государства: поиск конструктивной модели / Т.Э. Гринберг // Медиаскоп. – 2008. – № 2. – URL: <http://mediascope.ru/node/252> (дата обращения: 02.02.2022).

2. Егорова Т.В. Словарь иностранных слов современного русского языка: [6+] / Т.В. Егорова; сост. Т.В. Егорова. – Москва: Аделант, 2014. – 800 с.

3. Карпович О., Троянский М. Формирование положительного внешнеполитического имиджа России на постсоветском пространстве / О. Карпович, М. Троянский – Текст: электронный // Международная жизнь: экспертная аналитика. – 2020. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/26939> (дата обращения: 02.02.2022).

4. Международные угрозы 2021: Геополитика после пандемии: доклад / [А.А. Байков и др.]; под ред. А.А. Сушенцова; Лаборатория анализа международных процессов МГИМО МИД России. – Москва, 2020. – 27 с.

5. Меньшиков П. В. Актуальные аспекты информационной политики России в новых политических условиях / П. В. Меньшиков // Массмедиа России и зарубежных стран: глобальное и национальное: сборник научных статей по итогам Международной научно-практической конференции, Москва, 15 апреля 2020 года. – Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2020. – С. 356-369.

6. Meng X. National Image. China's Communication of Cultural Symbols / X. Meng. – Springer, Singapore, 2020. – ISBN 978-981-15-3147-7. – URL: <https://bibliocatalog.mgimo.ru:2133/book/10.1007/978-981-15-3147-7#authorsandaffiliationsbook> (дата обращения: 27.10.2021). – Режим доступа: по подписке. – Текст: электронный.

7. Teck Ghee L. Grim reporting pulls down China. / L. Teck Ghee. – Текст: электронный // The Sun (Malaysia). – 2021. – 24 мая. – URL: <https://www.thesundaily.my/local/grim-reporting-pulls-down-china-MH7889428> (дата доступа: 24.10.2021).

8. Weir F. Worse than the Cold War? US-Russia relations hit new low. / F. Weir. – Текст: электронный // The Cristian Science Monitor. – 2021. – 20 апреля. – URL: <https://www.csmonitor.com/World/Europe/2021/0420/Worse-than-the-Cold-War-US-Russia-relations-hit-new-low> (дата доступа: 24.10.2021).

9. Wood S. Rebranding the Nation: Germany's Image Politics / Steve Wood. – Текст: электронный // International Politics. – 2017. – Vol. 54. – P. 161–181. – URL: <https://bibliocatalog.mgimo.ru:2133/article/10.1057/s41311-017-0027-y> (дата обращения: 27.10.2021). – Режим доступа: по подписке. – Текст: электронный.
10. Xing Li. China, Russia buttress multilateralism. / Li Xing. – Текст: электронный // The Global Times. – 2020. – 13 июля. – URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202007/1194333.shtml> (дата доступа: 24.10.2021).
11. Yang A. Green public diplomacy and global governance: The evolution of the U.S–China climate collaboration network, 2008–2014 / A. Yang, Rong Wang, Jian (Jay) Wang // Public Relations Review. – 2017. – Vol. 43. – P. 1048-1061. – URL: <https://bibliocatalog.mgimo.ru:2105/science/article/pii/S0363811115302009> (дата обращения: 27.10.2021). – Режим доступа: по подписке. – Текст: электронный.

К сведению авторов

Правила предоставления рукописей для публикации в научном электронном журнале «Вестник ученых-международников»

В редакцию журнала предоставляется авторский оригинал статьи (на русском языке) в распечатанном виде (с датой и подписью автора) или в электронной форме по электронной почте, содержащей текст в формате «Word» (версия 1997–2003).

Весь текст набирается шрифтом TimesNewRoman Cyr, кеглем 14 pt, с полуторным междустрочным интервалом. Отступы в начале абзаца — 0,7 см, абзацы четко обозначены.

Поля (в см): слева и сверху — 2, справа и снизу — 1,5. Нумерация — «от центра» с первой страницы. Объем статьи — не более 15–16 тыс. знаков с пробелами (с учетом аннотаций, ключевых слов, примечаний, списков источников).

Структура текста:

1. **Сведения об авторе / авторах на русском и английском языках:** имя, отчество, фамилия, должность, место работы, ученое звание, ученая степень, домашний адрес (с индексом), контактные телефоны (раб., дом.), адрес электронной почты, — размещаются перед названием статьи в указанной выше последовательности (с выравниванием по правому краю).

2. **Название статьи на русском и английском языках**

3. **Аннотация статьи на русском и английском языках** (3–10 строк) об актуальности и новизне темы, главных содержательных аспектах, размещается после названия статьи (курсивом).

4. **Ключевые слова на русском и английском языках** по содержанию статьи (8–10 слов), которые размещаются после аннотации.

5. **Основной текст статьи**, желательно разбитый на подразделы (с подзаголовками).

6. **Список источников и литературы**

Сокращения типа т.е., т.к. и подобные набираются через неразрывный пробел.

В тексте используются кавычки «...», если встречаются внутренние и внешние кавычки, то внешними выступают «елочки», внутренними «лапки».

В тексте используется длинное тире (-), получаемое путем одновременного нажатия клавиш «Ctrl» + «Alt» + «-», а также дефис (-).

Таблицы, схемы, рисунки и формулы в тексте должны нумероваться; схемы и таблицы должны иметь заголовки, размещенные над схемой или полем таблицы, а каждый рисунок — подрисуночную подпись.

Список источников и литературы оформляется в соответствии с принятыми стандартами и выносится в конец статьи. Источники даются в алфавитном порядке (русский, другие языки). Отсылки к списку в основном тексте даются в квадратных скобках [номер источника в списке, страница].

Примечания нумеруются арабскими цифрами (с использованием кнопки меню текстового редактора «надстрочный знак» — x2). При оформлении библиографических источников, примечаний и ссылок автоматические «сноски» текстового редактора не используются.

Подписуемые подписи оформляются по схеме: название/номер файла иллюстрации — пояснения к ней. Номера файлов в списке должны соответствовать названиям/номерам предоставляемых фотоматериалов.

Иллюстративные материалы — в электронной форме (фотография автора обязательна, иллюстрации) — отдельными файлами в форматах TIFF/JPG разрешением не менее 300 dpi.

Не допускается предоставление иллюстраций, импортированных в «Word», а также их ксерокопий.

Ко всем изображениям автором предоставляются подписуемые подписи (включаются в файл с авторским текстом).

Заполненный в электронной форме Договор авторского заказа (высылается дополнительно).

Рецензия обязательна для всех авторов статей, кроме тех, кто входит в Редакционный совет или Редакционную коллегию Журнала. Рекомендательное письмо научного руководителя обязательно для публикации статей аспирантов и соискателей.

Авторы статей несут ответственность за содержание статей и за сам факт их публикации.

Редакция не всегда разделяет мнения авторов и не несет ответственности за недостоверность публикуемых данных.

Редакция журнала не несет никакой ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи.

Редакция вправе изъять уже опубликованную статью, если выяснится, что в процессе публикации статьи были нарушены чьи-либо права или общепринятые нормы научной этики.

О факте изъятия статьи редакция сообщает автору, который представил статью, рецензенту и организации, где работа выполнялась.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Статьи и предоставленные тексты, другие материалы не возвращаются.

Статьи, оформленные без учета вышеизложенных Правил, к публикации не принимаются.

Правила составлены с учетом требований, изложенных в приказе Министерства образования и науки РФ от 25.07.2014 № 793.

The rules for submission of manuscripts for publication in the Academic periodic electronic journal «IR SCIENTISTS HERALD»

In the journal is the author's original article (in Russian) in printed form (with date and signature of the author) and in electronic form containing the text in Word (version 1997-2003).

All the text is typed in Times New Roman Cyr, font 14 pt, with single line spacing. The indents at the beginning of the paragraph — 0.7 cm, paragraphs clearly marked. Field (in cm): left and top — 2, right and bottom is 1.5. Numbering — «from the heart» from the first page. The volume of the article — no more than 15-16 thousand characters with spaces (including abstracts, keywords, notes, list of sources).

The structure of the text:

Information about author / authors: name, patronymic, surname, position, affiliation, academic title, academic degree, address (including zip code), phone numbers (work, home), the email address is placed before the title in the above sequence (right-aligned).

The title of the article

The abstract (lines 3-10) on the relevance and novelty of the topic, the main substantive aspects, is placed after the article title (in italics).

Keywords on the content of the article (8-10 words), which are placed after the abstract.

The main text of the article, preferably split into sub-sections (with headings).

The initials in the text are drawn through a non-breaking space name (by pressing the keys «Ctrl» + «Shift» + «space»). Between the initials no spaces.

Reduction type i.e., as and the like are drawn through a non-breaking space.

In the text, use quotation marks «...», if there are internal and external quotation marks, the external act «Christmas tree», the internal «legs».

The text uses a dash (-), obtained by simultaneously pressing the keys «Ctrl» + «Alt» + «-», and the hyphen (-).

Tables, charts, figures, and formulas in the text should be numbered; diagrams and tables should have captions placed above the diagram or table field, and each picture is a caption.

List of references / sources used (if included in the list of electronic resources) shall be in accordance with accepted standards and shall be made at the end of the article. Sources are given in alphabetical order (Russian, other languages). Reference to the list in the main text are given in square brackets [the number of the source in the list, the page]

Notes are numbered with Arabic numerals (using the menu buttons text editor «Superscript a» — x2). In the design of bibliographic sources, notes and references automatic «footnotes» text editor is not used. «Footnote» is given in the interlinear on the 1st page in case the instructions on the continuation of the article and/or the source of the publication.

Captions are under the scheme: name/file number of illustrations notes thereto (what/who is where; for images of book covers and their contents bibliographic

description; etc.). The file numbers in the list must match the names/numbers of the provided photographs.

Materials in English — about the author/authors, title, abstract, keywords (in hard copy and in electronic form (second separate file on a email) containing the text in Word (version 1997-2003).

Illustrative materials in electronic form (photo by the author, illustrations) — separate files in TIFF/JPG with resolution not less than 300 dpi.

Not permitted to provide illustrations, imported into «Word» and also the copies thereof.

All images by the author include captions (included in file with the author).

Filled in the electronic form of the Contract of author's order (sent separately)

Recommendation letter of the supervisor — required for the publication of articles by graduate students and applicants.

The authors are responsible for the content of the articles and for the fact of their publication.

The editors do not always share the views of the authors and is not responsible for the inaccuracy of published data.

The editorial Board assumes no responsibility to the author and/or third parties and organizations for any possible damage caused by the publication.

The editors have the right to withdraw the published article, if it turns out that in the process of publishing the article were violated someone's rights or generally accepted norms of scientific ethics.

The fact of withdrawal, the editorial Board informs the author who submitted the article, the reviewer and the organization where the work was performed.

Articles and other materials will not be returned.

The articles prepared without taking into account the above Rules, it will not be accepted.

These arrangements meet the requirements set by the letter of Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of Russia 25.07.2014 № 793

Научный электронный периодический журнал
ВЕСТНИК УЧЁНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ
2022. № 1 (19)

ISSN: 2687-0193

Издается Советом молодых ученых Дипломатической академии
Министерства иностранных дел Российской Федерации

Адрес Редакции Журнала: 119021, г. Москва, Остоженка 53/2 стр. 1, каб.220

Адрес электронной почты: vestnik-smu-da@yandex.ru

Электронный адрес размещения выпуска Журнала:

1. <http://www.dipacademy.ru/periodical/zhurnal-vestnik-molodykh-uchenykh-i-diplomatov/>
2. <http://www.vestnikum.ru/>

Научный редактор выпуска Журнала: О.Г. Карпович (д.п.н., д.ю.н.).

Редакционная коллегия выпуска Журнала: Шангараев Р.Н. (к.э.н.),
Тимакова О.А. (к.п.н.), Козюлин В.Б. (к.п.н.), Сидорова Л.Н. (к.п.н.),
Анисимов И.О. (к.ю.н.), Гуляева Е.Е. (к.ю.н.), Фаустова Н.А. (к.ф.н.), Кашина
А.А. (к.п.н.), Мартынова Д.О. (к.п.н.)

Технический редактор выпуска Журнала:

Верстка: Р.Н. Шангараев

Оформление: Р.Н. Шангараев

Опубликовано 25.03.2022.